

Древние

цивилизации на
Среднем Востоке

МОСКВА

2010

Древние
цивилизации на
Среднем Востоке
Археология, история, культура

*(Материалы международной научной
конференции, посвященной
80-летию Г.В. Шишкиной)*

ББК 63.4
Сб. 35

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Государственного музея Востока

Научный редактор:

С.Б. Болелов,

к.и.н., Государственный музей Востока

Рецензенты:

Л.М. Носкова,

к.и.н., Государственный музей Востока

С.А. Яценко,

д.и.н., Российский государственный гуманитарный университет

Оформление

О.И. Бойко

ISBN 978-5-903417-16-2

© Государственный музей Востока, Москва, 2010

В 1985 году известный археолог Галина Васильевна Шишкина переехала из Самарканда в Москву и была принята на работу в отдел истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока. В том же году Александром Михайловичем Лесковым в музее были созданы сектор археологии Средней Азии и Среднеазиатская археологическая экспедиция, руководителем которых стала Галина Васильевна Шишкина. Без преувеличения можно сказать, что с ее приходом в Музее начался качественно новый этап археологического изучения Средней Азии. Галина Васильевна представляет собой редкий тип исследователя, который сочетает в себе скрупулезность по отношению к конкретному материалу и умение широкого видеть проблему; она с равным успехом описывает фрагмент керамики и составляет типологию керамического производства целых эпох; она с легкостью может разобраться в сложнейшей стратиграфии и предложить историческую модель развития региона. Галина Васильевна многие годы возглавляла сектор и сейчас продолжает работать в нем в качестве ведущего научного сотрудника. За это время многое изменилось, но неизменным остались высокие требования к научной работе, которое предъявляет Галина Васильевна к себе и своим коллегам.

Данная конференция могла бы быть приурочена к 25-летию работы Галины Васильевны в музее. Однако, как нам известно, она выступила категорически против такой постановки вопроса. Известно, что Галина Васильевна не любит поздравлений и скептически относится к восхвалениям (вполне заслуженным) в свой адрес.

Поэтому организаторы настоящей конференции сочли возможным пригласить друзей и коллег Галины Васильевны просто собраться и поговорить о проблемах археологии, истории и культуры древнейших цивилизаций на Среднем Востоке.

В результате собралось около 40 человек, интересы которых простираются от пластического искусства Бактрии эллинистического времени до архитектуры дворцовых сооружений Золотой Орды. Сразу скажем, что это далеко не все, кто хотел бы принять участие в нашем собрании, но по тем или иным вполне объективным причинам не смогли присоединиться к нам. Несмотря на тематическое разнообразие представленных работ, в них выделяются два блока, тематика статей которых особенно любима Галиной Васильевной, — археология Согда и керамика.

Преподнося в дар этот сборник, друзья, коллеги и ученики Галины Васильевны поздравляют ее с долгой и плодотворной научной деятельностью в музее (и не только). Мы желаем ей прежде всего здоровья. А дальнейшие творческие успехи обязательно будут — в этом нет никаких сомнений: вернейший тому залог — профессионализм, опыт и знания Галины Васильевны.

Искусство пластики Бактрии в эпоху эллинизма

III век до н.э. в истории Бактрии связан с периодом становления и развития двух могущественных держав античности – селевкидского государства и впоследствии Греко-Бактрии. Однако влияние греческой культуры на территории Ближнего Востока, откуда черпались основные концепции художественного творчества, началось гораздо раньше, и связано это в первую очередь с греческой колонизацией Восточного Средиземноморья в архаический период. Самостоятельные государства на территории Малой Азии, управляемые сатрапами или независимыми царями, были также подвержены влиянию высокой культуры Греции.

Греческие мастера, состоявшие на службе у восточных правителей, создавали произведения, ставшие ярким явлением в художественной культуре Востока III в. до н.э. Эта филоэллинская тенденция проходит сквозь века и обретает особую выразительность в эллинистический период.

Декларативный характер эллинистической культуры выражается на монетах парфянских царей, которые наряду с другими эпитетами в монетной легенде используют и эпитет «филоэллинский».

Образы персидских царей и сатрапов привлекали греческих художников с V в. до н.э. Персидские сатрапы Тиссаферн (411 г. до н.э.) и Фарнабаз (410 г. до н.э.) чеканили серебряные тетрадрахмы, которые были разработаны греческими медальерами (Weiber, 1961, fig. 243-244).

Около 360 г. до н.э. сатрап Оронта, зять Артаксеркса II, чеканил серебряные тетрадрахмы в Колофоне и золотые статеры в Лампсаке со своим портретом, исполненным в характерном для IV в. до н.э. греческом стиле (Weiber, 1961, fig. 247-248). В это же время основатель династии Карии Мавсол воздвиг свое знаменитое погребальное сооружение. В строительстве мавзолея принимали участие архитекторы Сатир, Питос, скульпторы Скопас, Леохар, Бриаксис, которые закончили памятник после смерти сатрапа и его жены Артемисии.

Погребальный комплекс мавзолея стал одним из семи чудес света. В комплексе, окруженном ионийской колоннадой, в качестве культовых статуй стояли колоссы Мавсола и Артемисии. Вероятно, они были закончены незадолго до смерти сатрапа в 363 г. до н.э.

В период царствования Александра мы не знаем каких-либо безусловно греческих произведений, происходящих из историко-культурных регионов Средней Азии. Письменные источники доносят до нас, что изображать великого царя разрешалось немногим художникам, и лишь Лисиппу дозволялось ваять портрет Александра, а Апеллему изображать его в живописи.

В Средней Азии интенсивная колониальная политика греков из Малой Азии начинается с конца IV – первой половине III в. до н.э. Именно на этот период приходится строительство многих архитектурных сооружений, выполненных в греческом стиле с учетом местной художественной традиции. В качестве примера можно привести городище Ай-Ханум. Дошедшая до нас в относительно удовлетворительном состоянии каменная скульптура в количественном отношении значительно уступает произведениям, исполненным в глине, но сохранившимся в виде мелкого скульптурного крошева. Количественное преобладание глиняной скульптуры свидетельствует о том, что местные мастера отдавали предпочтение глине, хотя это вовсе не означает, что они были слабы в ваянии из камня. О высоком мастерстве ай-ханумских скульпторов говорят гигантские капители ионийского и в особенности коринфского ордера, достигающие порой высоты двух метров. Великолепие пластических форм каменной архитектуры с гигантскими капителями, выполненными греческими мастерами, явно указывают на то, что это не рядовая постройка (Bernard, Jarrige, Besenval, 2002, fig. 12; Пичикян, 1991, стр. 148-149, рис. 25; Abdullaev, 1995).

Каменная архитектура, как правило, характерная для монументальных строений светского и

культового характера, отражена в материалах Ай-Ханум со свойственным эллинистическому искусству динамизмом и лаконичностью. Архитектурные формы Ай-Ханум со всей определенностью говорят о полисе — столице греков, живущих в Азии. Если долгие годы другой полисный город лишь гипотетически связывался с развалинами Балха (Древние Бактры), то недавние раскопки со всей очевидностью показали, что древний город, расположенный на месте Балха (Тепе Заргаран), имеет тот же столичный характер, что и Ай-Ханум, и, возможно, был столицей еще одного греческого полиса.

Из дошедших до нас фрагментов скульптуры представляет исключительный интерес фрагмент ступни от колоссальной статуи, стоявшей, по всей вероятности, в глубине целлы храма с уступчатыми нишами. Статуя, несомненно, культовая, судя по характеру изображения и символике, и греческая по своим художественным достоинствам и технике исполнения. Нога, обутая в сандалию, демонстрирует прекрасную моделировку тончайших деталей ступни не только в анатомическом аспекте, но и в плане образности изображения. Форма сандалиии с пучком крылатых молний типично греческая и довольно «распространенная в греческих статуях» (Bernard, 1969, p. 340; Weiber, 1928, p. 27-28; 1941, p. 62-63; Erbacher, 1914). Размер фрагмента ступни, выполненной из белого мрамора, достигает 27 см. Можно предполагать, что целая ступня статуи превышала натуральный размер в два-три раза. Исходя из этой пропорции можно представить величественность и монументальность самой скульптуры. Трудно сказать, была ли видна вторая ступня, или же мастер мог «спрятать» ее под драпировкой одежды, как это демонстрируют некоторые образцы пластического искусства эллинистического времени (Weiber, 1961, fig. 3). Во всяком случае, во время раскопок храма, и в частности помещения, где могла стоять эта статуя, не было обнаружено фрагмента, указывающего на наличие второй ступни. Сохранились фрагменты кисти руки, принадлежащие той же скульптуре (Bernard, 1969, p. 338, fig. 15, 16). По мнению автора раскопок Поля Бернара; указанные фрагменты относились к скульптуре, выполненной в технике акролифа, когда наиболее важные части фигуры — голова, кисти рук и ног, а также некоторые другие детали — выполнялись в камне, а остальные части статуи изготавливались в менее ценном материале, в данном случае, скорее всего, в глине. Глиняная часть держалась на деревянном каркасе. Фрагмент левой руки со сжатыми пальцами указывает на то, что там был какой-то предмет, который, к сожалению не сохранился. Что касается техники ваения, то на первый взгляд акролиф кажется не совсем обычным методом бактрийских мастеров именно в этом ре-

гионе, если учесть, что большинство произведений пластики в последующие периоды изготавливались преимущественно или из камня, или (в подавляющем большинстве) из глины. Глина, как это показывают многочисленные памятники пластического искусства Бактрии, становится со временем наиболее популярным материалом. Комбинированная техника камня и глины тем не менее является одной из древних традиций в греческом художественном творчестве. Как отмечает Поль Бернар, эта техника типично греческая (Amelung, 1908, p. 169; Lechat, 1918-19, p. 27-43), которая практиковалась и в эпоху эллинизма. Напомним, например, статую Аполлона в Дафнах, выполненную Бриаксисом (Lacroix, 1949, p. 319-320; Downey, 1961, p. 85), и множество статуй Дамофона из Мессены, который работал в этой технике. Павсаний сообщает нам (IV.31.6), что Дамофон был призван восстановить статую Зевса Фидия, пострадавшую от землетрясения в 183 г. до н.э. Выполнив работу с большой тщательностью, он имел возможность в то же время научиться собирать большую статую по частям, а также постичь стиль классической эпохи. Впоследствии он становится большим почитателем Фидия и подражателем его стиля (Weiber, 1961, p. 158). В его пластических образах чувствуется влияние классицизма, в частности, в его работах в Пелопоннесе — в Мессене, Эгионе, Мегалополисе, в святилище Деметры и Деспойны возле Ликосуры в Аркадии. По описанию Павсания (VIII, 37), культовые статуи были восстановлены и собраны из многих фрагментов. Деспойна и ее мать Деметра показаны сидящими, между тем как Артемида и титан Анитос — стоящими. Рельеф дан неглубоким, пластические приемы перекликаются с классическим стилем. Скульптурные изображения Сотейры и Афродиты из Мегалополиса (Paus., VIII, 31, 5) были выполнены в технике акролифа. Интересно отметить, что статуя Сотейры была колоссальных размеров и достигала пяти метров, некоторые фрагменты этой статуи, говорящие о характере использованного материала, дошли до настоящего времени (Orsi, 1933, 135-170). Можно сказать, что ведущие мастера ваения и их менее известные ученики работали во многих точках обширного эллинистического мира и прекрасно знали не только современные им художественные течения, но были также знакомы с известными скульптурными шедеврами предшествующих периодов. Образ фидиевского Зевса в Олимпии оставался на протяжении длительного времени не только признанным эталоном пластической школы, но и образцом для многочисленных подражаний. Это во многом напоминает художников развитого Ренессанса, когда, еще будучи учениками, великие мастера копировали в капелле Бранкаччи образы, созданные гением Мазаччо.

Если для произведений пластического искусства эллинистического мира можно выделить наиболее известные художественные центры и школы мастеров благодаря упоминаниям античных писателей, и это в определенной мере можно соотнести с археологическими находками Средней Азии, то произведения малых форм, включающих коропластику, торовтику и медальерное искусство, трудно поддаются художественной локализации. Исключением является, пожалуй, лишь монетный чекан. Монетные изображения греко-бактрийских царей выполнялись резчиками-греками, служившими во дворах греко-македонских правителей. Более поддаются анализу клады предметов, которые относятся примерно к одному кругу и периоду. В бактрийской торовтике ярким примером может служить тиллятепинский комплекс. Однако, как показывает анализ предметов этого клада, стилистически произведения делятся на три категории: греческие сюжеты, выполненные в греко-римском стиле, греческие сюжеты, включающие элементы скифо-сакского комплекса, и стиль, характерный для степного искусства.

Одной из сложных проблем атрибуции предметов является авторство произведений. Делал ли их грек, воспитанный в традициях своей культуры, или же работы могли принадлежать мастеру, освоившему традиции восточного искусства? Наконец, авторство могло принадлежать мастеру местного происхождения, но обученному на греческий манер.

В этом отношении интересны два золотых браслета, найденные в долине Ай-Ханум, о которых мы знаем благодаря публикации Поля Бернара и Осмунда Бопераччи (Bernard, Voreagachchi, 2002, p. 237-278, fig. 1-9). Форма одного из них имитирует свернувшееся в кольца тело змеи с характерной фактурой кожи. Он имеет змеиную голову с инкрустированными глазами. Другой браслет оформлен в виде фантастического морского монстра с чешуйчатой фактурой кожи и рыбьим хвостом. На принадлежность этого монстра к морской стихии указывают два плавника, расположенные по бокам от затылка. Верхняя часть тела в виде ряда валиков, расположенных в ряд вдоль тела животного, напоминает «загрибок» крокодила.

В украшениях эллинистического времени образ морского монстра или, как его называют в ли-

тературе, *ketos*, является довольно популярным, однако наличие элемента, характерного для изображения крокодила, дает основания искать аналогии в индийском регионе — долине реки Инд.

Детальный анализ, проделанный публикаторами, позволяет отнести браслет к произведениям греческих торовтов Центральной Азии, индо-греческого или греко-бактрийского происхождения (Bernard, Voreagachchi, p. 244-245). Датируются оба браслета не позднее первой половины II в. до н.э. Особо ценной информацией является надпись греческими заглавными буквами, передающими имя греческого мастера **ΣΕΣΤΟΡ ΕΠΟΕΙ**, «Сестор сделал».

Библиография:

- Пугаченкова, 1967* — Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана: очерк с древнейших времен до 1917 года. М., 1967.
- Пичикян, 1991* — Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
- Abdullaev, 1995* — Abdullaev K. Armour of Antient Bactria // In the Land of the Grifhons. Ed A. Invernizzi. Firenze, 1995.
- Amelung, 1908* — Amelung W. Jahreshefte des Oesterreichischen Archaeologischen Instituts in Wien. 11, 1908.
- Bernard, 1969* — Bernard P. Quatrième campagne des fouilles à Ai Khanoum (Bactriane) // CRAI, 1969, Paris, 1969.
- Bernard, Jarrige, Besenval, 2002* — Bernard P., Jarrige J.-F., Besenval R. Carnet de route en images d'un voyage sur les site archeologiques de la Bactriane (Mai 2002) // CRAI, Paris, 2002.
- Downey, 1961* — Downey G.I. A History of Antioch in Syria: from Seleucus to the Arab conquest. Princeton, 1961.
- Gardner, 1910* — Gardner E.A. Six Greek Sculptors. London, 1910.
- Lechat, 1922* — Lechat H. La sculpture grecque; histoire sommaire de son progrès, de son esprit, de ses créations. Paris, Payot, 1922.
- Lacroix, 1949* — Lacroix L. Les reproductions de statues sur les monnaies grecques. Liege, 1949.
- Lippold, 1950* — Lippold G., Die Griechische Plastik (Handb.d.Arch.III). Munchen, 1950.
- Loewy, 1891* — Loewy E. Lysipp und seine Stellung in der griechischen Plastik. 1891.
- Johnson, 1927* — Johnson F.P. Lysippos, Durham, N.C., 1927.
- Orsi, 1933* — Orsi P. Templum Apollonis Alaie as Crimissa promontorum. Rome, 1933.
- Richter, 1950* — Richter G. The Sculpture and Sculptors of the Greeks, New Haven, 1950.

К вопросу о локализации древней крепости Габы

Как сообщает древнегреческий историк Арриан в своем сочинении «Поход Александра», ближе к концу восстания в Согдиане против греко-македонского владычества (в 328 г. до н. э.) Спитамен прибыл в Габы (другой вариант названия — Баги) — «неприступное место на границе между согдийской землей и скифами — массагетами» — с тем чтобы привлечь на свою сторону кочевников и продолжить борьбу с захватчиками. Из письменных источников больше о Габах ничего не известно. Скорее всего, Габы — это древний населенный пункт с мощной фортификацией и округой, причем довольно крупный и во многих аспектах значимый, коль скоро название крепости осталось в аналах древней истории Средней Азии.

В научной литературе предпринимались попытки локализовать Габы, в частности, на месте известного городища Кала-и-Дабусия (Э.В. Ртвеладзе) или где-то в низовьях Зарафшана; высказывалось предположение, что под этим названием Арриан мог обозначить и весь Бухарский оазис (А.С. Сагдуллаев). На наш взгляд, наиболее вероятным местом локализации данного пункта является древняя крепость, на месте которой в настоящее время находится город Нурата и которая действительно находилась на самом стыке земель древнего орошения и степи.

В средневековых письменных источниках Нур известен как крупный город (селение), относящийся к области Бухары. Его также именовали Нур-и-Бухара («Свет Бухары»), поскольку здесь находились могилы многих особо почитаемых мусульман (ан-Наршахи). В поздние времена к основному названию Нур прибавилось окончание «ата» («отец»), которое тоже является указанием на сакральность объекта. Нур возник возле горного родника, так что древний «языческий» культ этого источника при исламе вполне естественно и закономерно стал переплетаться с культом мусульманских святых.

В прошлом Нур был также центром горнорудного промысла региона. В городах Нуратинского

хребта обнаружено немало месторождений золота, серебра, меди, свинца и разных минералов со следами древней выработки (Ю.Ф. Буряков, Г.Я. Дресвянская, Е.Б. Пругер). Однако первостепенная роль Нура заключалась в том, что в силу своего стратегически важного географического расположения он являлся своего рода северным «форпостом» и «воротами» в масштабах не только области Бухары, но и всего Согда. Именно через Нур пролегал одна из двух главных дорог из северных степей в долину Зарафшана. По этим путям двигались как торговые караваны, так и армии завоевателей.

Шахристан Нура (около 25 га) скрыт под современной застройкой, однако определенное представление о местной фортификации можно получить по цитадели, расположенной на склоне скального возвышения. Она представляет собой мощную крепость (около 2,5 га) с отдельно расположенной высокой сторожевой башней для дальнего обзора. Среди укреплений примечательны полукруглые оборонительные башни. Много лет назад эти крепостные стены были датированы VI–VIII вв., и основанием для этого послужили прямоугольные сырцовые кирпичи (В.А. Нильсен).

Специальных археологических исследований здесь никогда не проводилось, однако нет сомнения в том, что еще в глубокой древности эта местность была зоной контактов оседлых земледельцев и кочевников. В подъемном материале из цитадели Нура среди прочих отмечена и раннеантичная керамика (Я.Г. Гулямов). На территории Канмехского оазиса, который как бы вклинивается в степь на промежутке между Нуратинским и Бухарским оазисами, обнаружены остатки земледельческих поселений и курганные могильники VI–V вв. до н.э.; в местных захоронениях кочевников нередко отмечается характерная для этого времени станковая посуда цилиндроконических и баночных очертаний (А.Р. Мухамеджанов). Указанные выше хронологические рамки крепостных

стен цитадели неверны, поскольку прямоугольные сырцовые кирпичи не являются надежным датирующим материалом. Кроме того, ныне хорошо известно, что в Согде подобные кирпичи использовались при строительстве крепостных сооружений еще в VI–IV вв. до н.э. Прямой аналогией башням цитадели является древняя угловая башня, выявленная на шахристане городища Варахша в первые послевоенные годы. В то время, исходя из стратиграфической ситуации, она была датирована в пределах II в. до н.э. – I в. н.э. (В.А. Шишкин, С.К. Кабанов). Согласно новым данным, которые подкрепляются керамическим материалом с пола башни, более верная датировка – IV в. до н.э. (Ш.Т. Адылов). Археологические исследования позволяют однозначно утверждать, что поселения городского типа на территории Западного Согда стали возникать именно в IV в. до н.э. Во время владычества Кангюя (кон. II в. до н.э. – III в. н.э.) здесь не велось каких-либо работ по строительству новых или укреплению старых крепостных стен, так как эта область наряду с соседними регионами входила в состав данной конфедерации на правах союзного владения, и поэтому угрозы со стороны северных кочевников не су-

ществовало (Ш.Т. Адылов). После распада Кангюя и образования Сасанидского царства ситуация изменилась. В конце III – V вв. в Согде строились уже прямоугольные и квадратные в плане крепостные башни; в VI–VIII вв. они укреплялись, перекрывались «рубашками», однако новые башни не строились (Г.Л. Семенов).

Арабское название «Нур» возникло, естественно, после VIII в., а первоначальное, возможно, скрыто под эллинизированной формой «Габы». Не исключено, что оно восходит к авестийской «Гава» (по согдийски – «Гау»). Данный термин широко распространен в исторической топонимике Согда. И хотя он переводится как «бык», это понятие в переносном смысле могло иметь значение «сильный», «мощный», «могущественный» и т. п. (А.С. Сагдуллаев). А для крепости подобное название было вполне подходящим.

В заключение можно добавить, что именно на территории Нуратинского оазиса локализуется «внешний» рустак времен Саманидов, именуемый Джезза. Это арабизированное название явно происходит от термина «диз», который в согдийском и других иранских языках имеет значение «крепость». (Ш.Т. Адылов).

Т.Г. Апаткина

Государственный музей Востока, г. Москва, РФ

В.С. Минасянц

Государственный музей истории Узбекистана, г. Ташкент, РУз

Китайские «звезды и облака» с кушанского Кампыртепа

Весной 2008 г. в юго-восточной части цитадели Городища Кампыртепа (Сурхандарьинская обл., Узбекистан) проводились работы по нивелированию стен вскрытого ранее помещения № 74, относящегося к верхнему строительному горизонту. В ходе раскопок в кладке стены были найдены фрагменты керамики и часть китайского зеркала. Согласно стратиграфии, возведение стен исследуемого помещения относится к последнему, пятому периоду застройки данного участка цитадели. Керамический материал из помещения датируется I в. до н.э. – I в. н.э. (Мкртычев, Болелов, 2006, с. 43-66). Таким образом, и фрагмент зеркала можно датировать временем не позднее I в. н.э. и соответственно отнести к периоду династии Хань.

Находка передана на хранение в Государственный музей истории Узбекистана в Ташкенте (хранитель В.С. Минасянц, реставратор А.Н. Горин).

Это фрагмент круглого зеркала. Желтый патинированный металл (бронза?). Размеры сохранившегося фрагмента – 4,7x8,8 см. Восстанавливаемый по фрагменту диаметр зеркала составляет 16 см. Толщина зеркала по краю – 4 мм, толщина его внутренней части – 1 мм.

Судя по диаметру зеркала и имеющимся на сохранившемся фрагменте элементам орнамента, а также с учетом аналогий из Китая реконструируется зеркало, край которого был оформлен 16 фестонами (сохранилось три), их вершины направлены к центру. Ниже фестончатого края имеется ободок, рисунок которого сформирован из двух чередующихся полосок: одной в виде косички, второй – в виде двойной линии. Ниже идет полоса орнамента из четырех розеток (сохранилась одна), в центре которых высокий конус, окруженный четырьмя парами двойных кругов. Розетки чередуются с четырьмя элементами, составленными из разных завитков: сохранился один, напоминающий стилизованную птичью головку с клювиком или стилизованного дракона, по мне-

нию Л.Ф. Недашковского (Казань), видевшего фотографию публикуемого фрагмента. Внутреннюю, полностью утраченную часть орнаментального поля зеркала можно реконструировать только по аналогичным бронзовым зеркалам из Китая (Bulling, 1960, pl. 18, 26-27).

Подобные зеркала, отличающиеся от публикуемого деталями орнамента, найдены в Китае в большом количестве. Исследователи относят их к периоду Хань и отмечают, что время их наибольшего распространения приходилось на I в. до н.э. В китайских публикациях различные типы таких зеркал, объединенные в одну группу, фигурируют под разными названиями, отражающими первоначальный смысл их орнаментации: «сто сосков», «звезды и облака», «нанизывание жемчуга» (Bulling, 1960, с. 32, 35).

В Средней Азии известны находки двух «стососковых» зеркал. Одно происходит из Кенкольского могильника в Таласской долине на севере Киргизии, его диаметр 8 см, датируется рубежом н.э. (Кожомбердиев, 1963, с. 58; Барина, 2001, табл. III (Таласская долина), с. 136, № 2, рис. 6, 2). Второе – из погребения на Фархадстрое в Фергане, его диаметр 10 см, датируется I в. до н.э. – I в. н.э. (Кабанов, 1948, с. 74; Литвинский, 1972, с. 131; 1978, с. 101; Барина, 2001, с. 92, табл. III (Фергана), № 22, рис. 5в).

Наш экземпляр относится к типу зеркал, называемых «звезды и облака». Название объясняется тем, что включенные в орнамент четыре конуса, окруженные кругами, символизируют собранные в созвездия звезды; они показаны четыре раза, что отражает прохождение созвездий по орбите в течение четырех сезонов. Либо, в соответствии с пространственно-временными представлениями древних китайцев, это четыре розетки, обращенные вершинами в четыре угла мира, обозначающими северную, южную, восточную и западную части Вселенной. Между розетками располагаются изображения драконов или птиц.

Нельзя не отметить, что подобных экземпляров нет в представительных коллекциях китайских зеркал с территории Минусинской котловины в Южной Сибири (Лубо-Лесниченко, 1975) и с памятников Джетыясарской культуры (Левина, Равич, 1995, с. 122-184). Аналогичный кампыртепинскому фрагмент зеркала XII – начала XIII в. был найден в Приморском крае (Шавкунов, 1981, с. 104, рис. 26). Это свидетельство того, что изготавливались поздние копии ханьских зеркал такого типа, причем копии были значительно меньшего размера – диаметр приморского зеркала составляет всего 9,5 см. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди более чем 40 зеркал, найденных в Приморье к моменту указанной выше публикации, был известен лишь один фрагмент зеркала типа «звезды и облака».

Таким образом, за пределами Китая этот тип зеркал – «звезды и облака» – очень редкий. Фрагмент с Кампыртепа – первая находка подобного зеркала на территории Средней Азии и самая дальняя от Китая.

Библиография:

Баринаева, 2001 – Баринаева Е.Б. Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольский пе-

риод (II в. до н.э. – начало XIII в. н.э.): Канд. дисс. М., 2001.

Кабанов, 1948 – Кабанов С.К. Археологические находки на Фархадстрое // Известия АН УзССР. № 5. Ташкент, 1948.

Кожомбердиев, 1963 – Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Левина, Равич, 1955 – Левина Л.М., Равич И.Г. Бронзовые зеркала из джетыясарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыясарская культура. Часть 5. М., 1995.

Литвинский, 1972 – Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии) // Могильники Западной Ферганы. I. М., 1972.

Литвинский, 1978 – Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.

Лубо-Лесниченко, 1975 – Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М., 1975.

Мкртычев, Болелов, 2006 – Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 5. Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. Ташкент, 2006.

Шавкунов, 1981 – Шавкунов Э.В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981.

Bulling, 1960 – Bulling A. The Decoration of Mirrors of the Han period. A chronology. Ascona, 1960.

Городище Джанкент и проблема «болотных городищ»

Термин «болотные городища» был впервые введен С.П. Толстовым в 1946 г. для группы памятников, расположенных в районе старого русла реки Сырдарья, точнее, на равнине треугольного в плане полуострова, ограниченного на севере Сырдарьей, на западе – Аральским морем, а на востоке – полосой болот и камышовых плавней, которые были обследованы летной группой Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее ХАЭЭ) в том же году. К «болотным» городищам были отнесены Джанкент, Кескен-Куюк-кала и Большая Куюк-кала (рис. 1). После разведок 1946 г. работы велись только на городище Кескен-Куюк-кала в 1963 г. сотрудниками ХАЭЭ Б.И. Вайнберг и Н.Н. Вактурской, когда был заложен и исследован раскоп на южной стене (ИЭА РАН, Архив ХАЭЭ, папка 1 (3/4)). Полученные данные были использованы в работах С.П. Толстова «Города гузов» (1947), «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948) и Л.М. Левиной «Керамика Нижней и Средней Сырдарьи» (1971). Стационарные археологические работы на Большой Куюк-кале и на Джанкенте до 2005 г. не велись. В последние годы интерес к этим памятникам возобновился и, более того, исследование «болотных» городищ стало одним из приоритетных направлений в средневековой археологии Казахстана, так как именно этот регион и эти памятники (в средневековый период их существования) с большой долей вероятности связывают с огузами, а городище Джанкент считается резиденцией царя огузов (Толстов, 1947, с. 56; Бартольд, 1963, с. 235; Байпаков, 2007, с. 51, 52).

Осенью 2005 г. силами сектора этноархеологии ИЭА РАН, Кызыл-Ординского Государственного университета им. Коркут-Ата и ИА МОН Республики Казахстан на городище Джанкент начались совместные исследования, которые продолжаются и до настоящего времени (Курманкулов, Аржанцева и др., 2007). В 2006 г. началась работа по составлению свода археологических памятников Кызыл-Ординской области республики

Казахстан, предпринятая отдельным разведывательным отрядом ИА МОН РК под руководством Ж. Курманкулова. В ноябре 2008 г. началось широкомасштабное исследование городища Кескен-Куюк-Кала (отряд ИА МОН РК под руководством К.М. Байпакова). Городище Джанкент («Янгикент» в переводе с тюркского – «новый город») – наиболее известное из всех «болотных» городищ, имеет длительную историю исследования и к настоящему моменту наиболее изучено из перечисленных выше памятников. Многие исследователи отождествляют развалины этого городища с историческим городом Джанкент, упоминаемым в нескольких средневековых письменных источниках. И хотя всегда очевидна сложность и неоднозначность сопоставления археологического памятника с данными письменных источников, в этом случае такое сопоставление правомерно, так как еще в середине XVIII в., судя по первым описаниям этого памятника, местное население сохранило название Джанкент применительно именно к этим развалинам.

Памятник расположен в дельте Сырдарьи, в 15 километрах от современного города Казалинск и в двух километрах к юго-западу от современного аула Уркендеу. Городище Джанкент имеет Т-образную форму – прямоугольник с расширением (уступами в обе стороны) в восточной части, ориентированный в широтном направлении. Площадь памятника составляет около 15 га. Цитадель расположена в северо-западном углу городища. С запада на восток городище разделено главной улицей, идущей параллельно стенам, от которой под прямым углом отходят переулки, делящие западную часть городища на большие дома-квартиры. Следы древней планировки видны сегодня только на аэрофотосъемке. Осмотр прилегающей территории показал, что существовала также и неукрепленная часть поселения. В ходе работ экспедиции 2005–2009 гг. было заложено несколько шурфов и четыре раскопа в ключевых местах памятника. Полученные материалы позволяют во-

зобновить дискуссию о датировке, происхождении и роли «болотных» городищ в раннесредневековой и средневековой истории не только Приаралья, но и юго-восточной России.

1. Проблема датировки и происхождения «болотных городищ»

С.П. Толстовым на основе сделанных визуальных наблюдений, общей планиметрии городищ и анализа подъемного материала было высказано предположение, что эти городища существовали непрерывно с начала нашей эры до X–XI вв. (Толстов, 1947, с. 63–68; 1948, с. 210–213; 1962, с. 198). К античному периоду он относил краснолощеную керамику, близкую, по его мнению, к хорезмийской посуде кангюйско-кушанского времени (Толстов, 1962, с. 198). Предложенная С.П. Толстовым датировка памятника длительное время оставалась без изменения. Она была лишь откорректирована в работах Л.М. Левиной, выделившей в материалах Кескен-Куюк-калы древности, относящиеся к VI–VIII вв. и имеющие безусловные аналогии в материалах джетыясарской культуры II и III этапов (Левина, 1971, с. 76–85; Рапорт, Неразик, Левина, 2000, с. 191).

Как выяснилось при планомерных раскопках Джанкента, краснолощенная керамика, действительно в чем-то схожая с античной керамикой Хорезма, встречается вместе с керамикой, датировать которую можно не ранее VII–X вв. Датировка слоев проводилась по монетному материалу — IX–X вв., по характерным формам керамики с «пышным» орнаментам (преимущественно X в.), а также и по аналогиям с поздним этапом джетыясарской культуры (VI–VII вв.). Среди находок с Кескен-Куюк-калы встречается и более ранний материал: монеты, датированные начиная с V в., сердоликовая гемма с надписью на среднеперсидском с вероятной датой IV–V вв. н.э. (Ваираков, Voyakin, 2009, III. 12). На Кескен-Куюк-кале найдены небольшие хумы с характерным волнистолинейным орнаментом, распространенные на территории Хорезма в V–VII вв. (среднеафригидский период) (Толстов, 1947, с. 70; Неразик, 1959, с. 255). В постройках на Цитадели Кескен-Куюк-калы чаще всего использовался квадратный сырцовый кирпич размерами 33x33 и 35x35 см, т. е. близкий к хорезмскому стандарту афригидского периода (IV–VIII вв. н.э.). Таким образом, достаточно очевидна связь и преемственность этих поселений, по крайней мере, со среднеафригидским периодом Хорезма и поздним этапом джетыясарской культуры. Античный материал в надежно стратифицированных слоях пока не зафиксирован там, где велись планомерные раскопки. Более того, в ходе раскопок городища Джанкет (раскоп 1 и раскоп 2) в основном получен только материал IX–X вв. Тем не менее пока полностью не получены и не обработаны данные из ключевых разре-

зов памятника (раскоп 2 — стык стен Цитадели и обводной северной стены городища, раскоп 3 — разрез северной стены городища), говорить о начальных этапах существования памятника рано.

2. Сходство и однотипность «болотных городищ» по своей структуре и планировке

С.П. Толстов руководствовался изначально тем, что все эти городища находятся в сходных природно-ландшафтных условиях и расположены близко друг от друга (Толстов, 1947, с. 59), имеют идентичный подъемный керамический материал, похожую внутреннюю структуру и план. «Янгикент... по планировке является точно таким же «болотным городищем», восходящим к античности, но около X века заново укрепленным по средневековым хорезмийским образцам, видимо, хорезмийскими инженерами...» (Толстов, 1947, с. 68). Действительно, именно Джанкент из всех трех памятников имеет явные следы более поздней перепланировки. В обобщающей работе по средневековым городам Средней Азии авторы вслед за С.П. Толстовым называют Джанкент (Янгикент) «резиденцией огузского ябгу». Однако высказывается правомерное предположение, основанное на четкости и не искаженности планировки, что город сооружен единовременно и является сравнительно молодым (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 192, 193).

Если проанализировать план Джанкента, старые и современные съемки с воздуха, то становится очевидным, что определение «четкой планировки» можно с уверенностью отнести только к западной (большей) части городища. Восточная часть отличается: а) большей сохранностью фортификации; б) хаотичностью застройки — несколько холмов стихийной плотной застройки и значительное понижение без какой-либо застройки в самой восточной пристенной и юго-восточной частях. Раскопки одного из холмов в этой части показали наличие там многокомнатного дома-усадыбы X в. На данном этапе исследования не исключена возможность, что восточная часть городища — это более поздняя, пристроенная часть. В данной ситуации наиболее древней частью города должна быть западная, с классической планировкой и цитаделью (донжоном) в углу, подобно многим более ранним городищам и крепостям (замкам) в афригидском Хорезме (Топрак-кала, 1984, с. 10; Неразик, 1966, с. 34, рис. 13, с. 79, рис. 42). Такая планировка сформировалась в Хорезме еще в более ранний период (IV в. до н.э. — I в. н.э.) (Толстов, 1948, с. 112, 113, рис. 25). Но судя по тому, что на цитадели в помещениях поздней планировки также преобладают материалы X в. (Ахатов, Смагулов, Ганиева, Амиргалина, 2008), сходные с материалами дома-усадыбы в восточной части городища, на Джанкенте, скорее всего, имела место единовременная перепланировка в X в. с сохране-

нием ранних ключевых конструкций. Планировки Куюк-калы и Кескен-Куюк-калы при визуальном анализе не несут на себе явных следов поздних перестроек, хотя и имеют в слое и на поверхности материалы IX–X вв. Это, возможно, косвенно свидетельствует о том, что в отличие от Джанкента им не придавался статус «столичного» города.

Библиография:

Ахатов, Смагулов, Ганиева, Амиргалина, 2008 – Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н., Ганиева А.С., Амиргалина Г.Т. Археологические исследования древнего городища Джанкент. Годовой отчет за 2008 год // <http://www.madenimura.kz>.

Байпаков, 2007 – Байпаков К.М. Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. 1 (253), январь-февраль. 2007.

Бартольд, 1963 – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. 1. М., 1963.

Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973 – Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Курманкулов, Аржанцева и др., 2007 – Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыкова Ж.Т. Материалы Джанкентской археологической экспедиции. Кызыл-Орда, 2007.

Левина, 1971 – Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. // ТХАЭЭ. Т. VII. М., 1971.

Неразик, 1959 – Неразик Е.Е. Керамика Хорезма афригидского периода // ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.

Неразик, 1966 – Неразик Е.Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма. М., 1966.

Рапопорт, Неразик, Левина, 2000 – Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарга. Образы древнего Приаралья. М., 2000.

Толстов, 1947 – Толстов С.П. Города гузов // СЭ. № 3. М., 1947.

Толстов, 1948 – Толстов С.П. По следам Древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948.

Толстов, 1962 – Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарга. М., 1962.

Топрак-кала, 1984 – Топрак-кала. Дворец / Под ред. Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразик // ТХАЭЭ. Т. XIV. М., 1984.

Ваираков, Voyakin, 2009 – Ваираков К.М., Voyakin D.D. Archaeological excavation of an ancient city in a former delta of river Syr-Daria. Brief Summary Report of the topographical survey and initial excavations in November 2008 // <http://www.exploration-eurasia.com>.

К вопросу о династических связях Чача и Бухары в эпоху раннего средневековья (на основе нумизматического материала)

Чач и Бухара в эпоху раннего средневековья благодаря своему положению на стыке кочевых скотоводческих и оседло-земледельческих областей являлись ключевыми регионами Трансоксианы. Если Чач располагался непосредственно в контактной зоне, то Бухара стояла вблизи маршрутов передвижения кочевых племен из бассейна Сырдарьи и Семиречья в юго-западный регион Средней Азии. Все это не могло не оставить свой след в истории этих двух областей. В частности, с некоторыми кочевыми племенами связывается происхождение династий, правивших в этих регионах, а также в других историко-культурных областях Трансоксианы в эпоху раннего средневековья.

Согласно данным китайских хроник «Суй шу» и «Тан шу», правители *Кан-цзю* (Согд), как и правители ряда областей Средней Азии эпохи раннего средневековья, таких как *Ань* (Бухара), *Цао* (Кабудан), *Ши* (Чач), *Ми* (Маймург), *Хэ* (Кушания), *Хосюнь* (Хорезм), *Мао-ди* (Битик или Вардана?), *Шыши* (Кеш), происходили из рода *Чжао-ву*, среди которых главным был дом Чжаову *Кан* (Самарканд) (Бичурин, II:310; Смирнова, 1970:37). Вопрос о происхождении правящего дома *Чжаову* рассматривался в трудах ряда исследователей в основном по данным письменных источников, и по этому поводу ими были высказаны различные, зачастую противоречивые мнения. Однако в этом вопросе не уделялось должного внимания нумизматическому материалу, в частности тамгам, нашедшим отражение на монетах историко-культурных областей Средней Азии. Кроме этого, немаловажное значение имеет также иконография, общность сюжетов, символов и легенд, имеющихся на монетах различных регионов, которые позволяют говорить или об общем происхождении династий, или же об их культурно-историческом единстве. Остановимся на этих нумизматических аспектах.

Как известно, тамги издавна служили в качестве знаков собственности определенного клана на отдельные ценные вещи, скот и уголья, прича-

стности человека или группы родственников к определенной акции: в процессе проведения обрядов при заключении разного рода договоров, связанных с произнесением клятв, религиозных церемониях и др. [Яценко, 2001, с. 22-23]. Вместе с тем тамги, помещенные на монетах, являлись символами правящих династий, а также основанных ими государств и были связаны как с территорией, на которой они правили, так и с происхождением этих династий (этническая принадлежность). Особый интерес в этом отношении представляют тамги, имеющиеся на некоторых типах монет Чача и Бухары, относящихся к эпохе раннего средневековья.

К таковым относится тамга в виде двух полукружий, соединенных посередине двумя поперечными линиями, нашедшая свое отражение на группе раннесредневековых монет Чачского оазиса (Ж). Тамга, схожая с тамгами на монетах Чачского оазиса, имеется на монетах Бухарского оазиса (Ж), чеканенных также в раннее средневековье. При этом заслуживает внимания и такой факт, что данные тамги в свою очередь имеют определенное сходство с тамгой (Ж), нашедшей отражение на монетах Самаркандского Согда, чеканенных в кон. VI – нач. VII в. (Смирнова, 1981, с. 92-97), которая в отличие от тамг Бухары и Чача не имеет дополнительного элемента справа. Как известно, схожесть тамг может послужить одним из основных факторов, определяющих принадлежность монет к какой-либо династии. Появление же небольших различий на тамгах (дополнительные элементы, знаки и т. п.) связано со сменой представителей династий или отделением от династии самостоятельной линии. Это в основном было характерно для многих кочевых этносов Центральной Азии. Например, у них в процессе разделения рода на подразделения появлялась новая тамга, отличавшаяся от основной родовой, которая являлась для нее прототипом, лишь наличием дополнительных знаков. Такое положение характерно даже для тамг правящего рода ряда

оседло-земледельческих владений. В частности, это наблюдается на монетах Средней Азии начиная с эпохи Кушан до арабского завоевания. Исходя из этого, на наш взгляд, генезис тамг как Чача, так и Бухары, по-видимому, восходит к тамге Самаркандского Согда: $\mathfrak{K} \leftarrow \mathfrak{Z} \rightarrow \mathfrak{K}$, что является свидетельством общности происхождения правящих в них династий, скорее всего, относящихся к дому Чжаову. На данных монетах имеются изображения правителей как с монголоидными, так и с европеоидными чертами, но большинство их имеет смешанные черты (Бабаяров, 2007, с. 73-85).

Для изображений правителей на всех монетах этих трех оазисов с монголоидными чертами характерными является округлое лицо, миндалевидный разрез глаз, отсутствие усов и бороды, а также наличие на шее гривны (Смирнова, 1981, с. 308-310; Бабаяров, 2006, с. 74-80, 85). При этом для всех характерно наличие своеобразной короткой прически, увенчанной полумесяцем на подставке, напоминающей шлем или шлемообразный головной убор (в Чаче только на типе монет с данной тамгой крупного размера). Вместе с тем интересным представляется и такой факт, как наличие слова *z/nyrt* «желтый (бронзовый) или имя правителя»¹ (Бабаяров, 2007, с. 80), на монетах как Чачского оазиса, так и Самаркандского Согда, имеющих подобные тамги и изображение правителя с монголоидными чертами.

На сегодняшний день бухарские монеты с этой тамгой датируются ранее, чем чачские (Мусакаева, 1997, с. 30; Наймарк, 1995, с. 36-37), но это не позволяет с полной уверенностью говорить о влиянии чекана Бухары на Чачский или же его самостоятельном происхождении. Скорее всего, это, возможно, связано с общностью происхождения династий историко-культурных областей, чеканивших монеты с данными тамгами. Каким образом можно объяснить такое сходство тамг, имеющих на монетах этих двух историко-культурных областей?

Упомянутая выше тамга в виде двух полукруглых, соединенных посередине двумя поперечными линиями (\mathfrak{K}), в нашедшая отражение на монетах Чача, отличается от тамг на монетах тюркских династий Чача, таких как Тегины (605–750; \mathfrak{Z}) и Тудуны Чача (640–750; \mathfrak{V}) (Бабаяров, 2007, с. 40 -

45, 52-55) а также тамг на монетах верховных правителей Западно-Тюркского каганата, чеканенных в Чаче (\mathfrak{Z} / \mathfrak{K}) (Бабаяров, Кубатин, 2008, с. 3-10). При этом данная тамга имеет сходство с тамгой в форме \mathfrak{Z} на монетах, чеканившихся в Чаче в III–V вв., и от которой, не исключено, идет ее генезис. Бухарские монеты чеканились в VI–VIII вв., т. е. после монет с тамгой в форме \mathfrak{Z} . Если исходить из этого, то, учитывая данные китайских источников, более вероятным кажется, что эти монеты чеканились представителями дома Чжаову, правивших в оазисе до утверждения здесь власти Каганата. Таким образом, мы имеем сходство между тамгами на монетах таких историко-культурных областей Средней Азии, как Бухара, Чач и Самарканд, в которых, как известно из письменных источников, в раннем средневековье правили представители дома Чжаову. Кроме сходства тамг следует отметить общие сюжеты и символы, нашедшие отражение на монетах Чача и Бухары. К таковым можно отнести наличие изображения хищника семейства кошачьих (барс), двугорбого верблюда, а также алтаря огня и равностороннего креста. Этот факт можно трактовать как свидетельство культурно-исторического единства двух историко-культурных областей в эпоху раннего средневековья².

Кем же являлись представители дома Чжаову? Относительно происхождения этого правящего рода на сегодня имеется ряд противоречащих друг другу мнений. По сведениям китайских источников, представители дома Чжаову прибыли в Среднюю Азию из северо-восточной части Восточного Туркестана и вели свое происхождение от Юечжей (Бичурин, II:271, 282). Г. Гибб рассматривал этот термин в качестве названия правившей в Среднеазиатском Междуречье династии, считая ее издревле иранизированной (Gibb, 1930, p. 7). Некоторые исследователи приравнивают Чжаову к титулу *ябгу*, комментируя его как оставшееся от юэчжей слово (Смирнова, 1970, с. 30, 36). Ряд исследователей считает, что *чжао-ву* имеют иранское происхождение. Так, Э. Шаванн полагал, что китайское *чжао-у* передает имя пайкентского царька شاور , и предлагал видеть в нем родовое имя согдийских князьков. В. Томашек сопоставлял это слово с иранским именем Сиявухш, а К. Ши-

¹В Чачском оазисе слово *n/zyrt* содержится в легендах ряда типов и вариантов монет. Эти легенды следующие: *pnv 'krty c'cyнк ywfw, w n/zyrt* – «Деньга, сделанная чачским правителем *n/zyrtom*» / «Желтая (бронзовая) деньга, сделанная чачским правителем», и ее варианты, в которых слово *n/zyrt* по-видимому, является династийным именем. Однако согдолог П. Лурье считает, что слово *n/zyrt* является сокращенным вариантом слова *zyrt'k* – «желтый (бронзовый?)» (Бабаяров, 2007, с. 74-78, 81) (другие чтение см. Ртвеладзе, 2006, с. 71-73, 78; Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 152, 171-173). В свое время О.И. Смирнова на одном из типов самаркандских монет выявила легенду *.../yrt MLK'* в которую она восстанавливала как *[prn'f] yrt MLK'* «Царь, обретший благодать»? (Смирнова, 1981, с. 308-310). Однако новые экземпляры монет этого типа позволили нам прочесть легенду как *n/zyrt MLK'* – «Царь *n/zyrt*». Это в свою очередь может являться свидетельством нашего предположения о том, что слово *n/zyrt* является династийным именем.

²Не исключено, что появление одинаковых сюжетов на монетах как Чача, так и Бухары связано с установлением в этих историко-культурных областях власти тюркских династий.

ратори предполагал, что *чжао-у* передает иранское *schaho* (см. Смирнова, 1970, с. 29). Другие же на основании средневекового чтения этого термина как *t'siā-miu* в Танских хрониках усматривают в нем название представителей знати Мавераннахра, известных из мусульманских источников под термином *جموك* – *джамук* (Смирнова, 1970, с. 30, 33). Так, Табари о джамуках пишет *وهم من عظاما الترك* «а они из тюркских азимов», т. е. тюркской знати (Табари, 1987, с. 253; Смирнова, 1970, с. 33-34). По мнению З.В. Тогана, термин *джамук* по-тюркски звучал как Чамук или Чумак, в китайских хрониках он в форме *чумугунь* указывается в качестве рода, возглавлявшего род пяти Тулу Кёк тюрков (Тоган, 1981, р. 51, 428). Хотя у Табари также упоминаются члены (рода) *ал-джумукиин*, но, как отмечает О.И. Смирнова, в рассказе речь идет о Бага Таркане, носившего титул кулчур (– курсул у Табари) джумукиинов (одно из пяти племен Тулу/Дулу), а следовательно, и о предводителях племени джамукиин (Смирнова, 1970, с. 33). В свою очередь, Ю. Ёшида, восстанавливая слово *чжао-ву* как **čamuk*, считает его династическим именем согдийских правителей ряда владений Средней Азии (Yoshida 2003, р. 58-61). Следует отметить, что, несмотря на ряд существующих мнений о термине *чжаову*, до сих пор этот вопрос остается открытым.

На наш взгляд, отождествление термина Чжао-ву с Джамук имеет под собой историческую основу. На основании некоторых фактов можно сказать, что происхождение представителей этого правящего дома связано с Восточным Туркестаном и Юечжами. Однако они имеют не иранское или чисто тюркское, как считает некоторые исследователи, происхождение, а, скорее всего, тохарское. В пользу этого говорят имена ряда правителей ветвей дома Чжао-ву, в частности Ферганы. Так, К. Беквит отмечал, что имена ферганских владетелей *Aluñār* у Табари = *А-ляо-да* в Цзю Таншу и его предка *А-ляо-цаня* в Таншу (VII век) содержат в первой части нечто родственное тохарскому – *walo* – «царь» (Beckwith, 1987/1993, р. 211-212). Большинство имен правителей этого дома не могут быть этимологизированы как на иранской, так и на тюркской основе и, возможно, являются тохарскими. Вместе с тем то, что на монетах ряда областей Трансоксианы эпохи раннего средневековья, чекан которых связывается с правителями из дома Чжао-ву, имеются изображения правителей как с чисто европеоидными и монголоидными, так и смешанными чертами, возможно, также свидетельствует об их тохарском происхождении. Так как на сегодня исследователями доказано, что очень длительное время тохары проживали и контактировали с тюрками и в конце концов были ассимилированы ими уже в Восточном Туркестане (СИГТЯ, 2006, с. 781-783, 809, 813-815), чем, возможно, и объясняется их такое

антропологическое разнообразие. Это подтверждается и изобразительным искусством кушан, которые, по мнению большинства исследователей, являются Юечжами-тохарами. Для антропоморфной скульптуры северной Бактрии первых веков н.э. также характерны смешанные антропологические черты (см. Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 109). Надо полагать, представители дома Чжао-ву до прибытия в Трансоксиану были уже сильно тюркизированы, – наверно, поэтому арабы называли Джамуков (=Чжаво-ву) «тюркскими азимами».

Библиография:

- Бабаяров, 2007* – Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VIII вв.). Ташкент, 2007.
- Бабаяров, Кубатин, 2008* – Бабаяров Г.в Кубатин А. К вопросу о византийском влиянии на иконографию монет Западно-Тюркского каганата // *O'zbekiston tarixi*. № 4. Ташкент, 2008.
- Бичурин, 1950–1953* – Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.-Л., 1950–1953.
- Мукминова, Филанович, 2001* – Мукминова Р.Г., Филанович М.И. Ташкент на перекрестке истории (Очерки древней и средневековой истории города). Ташкент, 2001.
- Мусакаева, 1997* – Мусакаева А.А. О денежном обращении Бухарского Согда (III в. до н.э. – VIII в. н.э.) // ОНУ. № 9 -11. 1997.
- Наймарк, 1995* – Наймарк А.И. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Согде // *Нумизматика Центральной Азии*. I. Ташкент, 1995.
- Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990* – Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия и Тохаристан: Очерки истории древности и средневековья. Ташкент, 1990.
- Ртвеладзе, 2006* – Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). Ташкент, 2006.
- СИГТЯ, 2006* – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
- Смирнова, 1970* – Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
- Смирнова, 1981* – Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
- Табари, 1987* – История ат-Табари: Избранные отрывки / Пер. с арабского В.И. Беляева. Дополнение к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. Ташкент, 1987.
- Шагалов, Кузнецов, 2006* – Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III – VIII вв. Ташкент, 2006.
- Яценко, 2001* – Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Beckwith, 1987/1993* – Beckwith C.I. The Tibetan empire in Central Asia. Princeton 1987/1993.
- Gibb, 1930* – Gibb H. A. Orta Asya'da Arap Fütühatı. Çev. M.Hakki İstanbul, 1930
- Togan, 1981* – Togan Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. İstanbul, 1981.
- Yoshida, 2003* – Yoshida Y. On the Origin of the Sogdian Surname Zhaowu and Related problems // JA. Tome 291. 2003. № 1-2.

Еще раз о дате возникновения Парфянского и Греко-Бактрийского государств

В науке уже долгое время идут споры о дате отпадения Парфии и Бактрии от державы Селевкидов. Так, сторонники «высокой» хронологии помещают, по крайней мере, начальную фазу этого отпадения в правление Антиоха II (Bickerman, 1944, p. 80, 83; Musti, 1984, p. 219–220), а приверженцы «низкой» хронологии переносят весь процесс в первые годы царствования Селевка II (Wolski, 1996, p. 167–178).

Между тем вне поля зрения большинства исследователей остался источник, который может пролить свет на эту запутанную проблему. Речь идет о XIII Большом наскальном эдикте царя Индии Ашоки из династии Маурьев, в котором тот, в частности, сообщает об отправленном им посольстве к царям греков Антиоху, Птолемею, Антигону, Магу и Александру (Вигасин, 2007, с. 95–103). Понятно, что если бы в момент отправления посольства соседями Индии были независимые Бактрия и Парфия, то Ашока не преминул бы осчастливить и их правителей рассказом об одержанной им «победе дхармы». Однако отсутствие в тексте эдикта даже малейшего намека на посещение индийским посольством Бактрии и Парфии недвусмысленно свидетельствует о том, что обе эти области все еще были селевкидскими сатрапиями. Таким образом, определение даты «Великого посольства на Запад» одновременно дает нам и *terminus post quem* для возникновения новых государств в Средней Азии.

Большинство из упоминаемых в тексте эдикта Ашоки греческих царей хорошо известны: Антиох II Теос (261–246 гг. до н.э.), Птолемей II Филадельф (282–246 гг. до н.э.), Антигон II Гонат (283–239 гг. до н.э.), Маг Киренский (ок. 277 – ок. 250 гг. до н.э.). Относительно же того, кто имеется в виду под Александром, существуют разные мнения: одни авторы полагают, что это Александр II Эпирский (Феррари, 1998, с. 34, прим. 17), другие же видят в нем Александра, царя Коринфа и Эвбеи (Вигасин, 2007, с. 95–103; Кошеленко, Гаибо, 2009, с. 106, прим. 14). А.А. Вигасин аргументирует свою точку зрения тем, что Александр II Эпирский умер около 255 г. до н.э. и не мог принимать маурийское посольство, которое

отправилось в путь только после завершения Второй Сирийской войны в 253 г. до н.э. Однако сравнительно недавняя публикация одного из рескриптов Александра II Эпирского, который точно датируется 242 г. до н.э. (Rigsby, Hallof, 2001, s. 344), выявила ошибочность прежних представлений. С другой стороны, наместник Антигона Гоната в Коринфе Александр отложился от своего повелителя и принял царский титул в 249 г. до н.э. (Walbank, 1984, p. 247).

Таким образом, посольство Ашоки к эллинистическим монархам могло иметь место в 252–249 гг. до н.э., что серьезно подрывает позицию сторонников «высокой» хронологии. На наш взгляд, наиболее вероятным временем возникновения независимых Парфии и Бактрии следует считать период после Третьей Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.), когда вследствие успехов египетской армии, дошедшей вплоть до Вавилона, держава Селевкидов оказалась на краю гибели.

Библиография:

- Вигасин, 2007 – Вигасин А.А. Великое посольство на Запад и хронология династии Маурьев // Вигасин А.А. Древняя Индия: от источника к истории. М., 2007.
- Кошеленко, Гаибо, 2009 – Кошеленко Г.А., Гаибо В.А. «География» Страбона как источник по проблеме возникновения Парфянского и Греко-Бактрийского царств // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009.
- Феррари, 1998 – Феррари Ж.-Л. Восток и Запад «Ойкумены» от Александра Великого до Августа: история и историография // ВДИ. 1998. № 2.
- Bickerman, 1944 – Bickerman E. Notes on Seleucid and Parthian Chronology // Berytus. 1944. Vol. VIII (2).
- Musti, 1984 – Musti D. Appendix. The Secession of Bactria and Parthia // САH2. 1984. Vol. VII. Pt. 1.
- Rigsby, Hallof, 2001 – Rigsby K.J., Hallof K. Aus der Arbeit der «Inscriptiones Graecae» X. Decrees of Inviolability for Kos // Chiron. 2001. Bd. 31.
- Walbank, 1984 – Walbank F.W. Macedonia and Greece // САH2. 1984. Vol. VII. Pt. 1.
- Wolski, 1996 – Wolski J. Quelques remarques concernant la chronologie des débuts de l'Etat parthe // IA. 1996. Vol. XXXI.

Новые материалы к археологии Древнего Хорезма

С 2003 г. Южно-Хорезмийский археологический отряд Института археологии АН РУз и Академии Маъмуна проводит регулярные археологические работы на территории Хорезмской области Республики Узбекистан – на крайнем юге Хорезмского оазиса. Исследования производились на территории поселения Хумбузтепа, городища античного и средневекового времени Хазарасп и Таш-Кала 2, караван-сарая Мешекли-Кала, а также некрополях Уч-очак и Мешекли (Баратов, 2004, с. 46-50; Баратов, 2006, с. 53-55).

Новые материалы были получены в округе городища Садвар (Садуар), затопленного Туямуюнским водохранилищем (Итина, 1991, с. 25), где на правом высоком берегу Амударьи исследовался некрополь Мешекли. Погребальные сооружения могильника внешне выражены разваленными каменными насыпями высотой до 150 см и диаметром – 15 м. Курганы, как правило, располагаются группами по 3-7. Каждая группа удалена друг от друга на 1-3 км. Такие группы прослежены на протяжении 10 км к северу и к югу от залива Мешекли. На насыпях курганов и вокруг них собраны фрагменты керамических сосудов бронзового, архаического, античного и средневекового времени. Исследованию подверглись четыре такие группы, на территории которых раскопаны погребальные сооружения эпохи бронзы, раннего железа и античности.

Погребения эпохи бронзы

Первое погребение (Группа 1, Курган 2) представляло собой наземный склеп, сложенный из камня без скрепляющего раствора, подпрямоугольной в плане формы с размерами 260x210 см углами, ориентированный по сторонам света. Камера прямоугольной в плане формы имеет размеры 160x140 см. Толщина стен до 80 см. В юго-западной стене расчищен проход шириной 90 см. Пол камеры устроен на уровне скальной древней дневной поверхности. На уровне пола в северной части камеры найдены фрагменты от нескольких андроновских сосудов. Форма сосудов и их орнаментация позволяют датировать исследованное сооружение XV-XIV вв. до н.э.

Второе располагается в 300 м к югу первого (Группа 1, Курган 3). Погребение было совершено в каменном ящике прямоугольной в плане формы с размерами 200x110 см, углами ориентированного по сторонам света. Ящик сложен из четырех крупных плит, вертикально поставленных в предварительно выкопанную яму с небольшим наклоном верхней части наружу. На его дне расчищены остатки скелета человека, сохранившие анатомический порядок. Погребенный располагался в скорченной позе, на левом боку, головой на северо-запад. В области сосцевидных отростков черепа располагались две бронзовые восьмеркообразные подвески. Вокруг шейных позвонков расчищена низка из бронзовых и серебряных бус бочонковидной и биконической форм. На запястье правой руки находился бронзовый браслет «бобовидной» формы. Второй такой браслет находился в перемещенном положении. В изголовье погребенного располагался лепной широкогорлый горшковидный неорнаментированный сосуд. Восьмеркообразные подвески, аналогичные нашим, известны на могильнике Кочча 3, где они датированы XVI-XIV вв. до н.э. (Итина, 1961, с. 77-82, рис. 24 – 1, 2; 27). Форма, характер отделки и состав глины найденного сосуда аналогичен сосудам амирабадской культуры. Подобная конструкция погребального сооружения имела распространение в Ферганской долине – могильник Ходжа Ягона и другие (Литвинский, Окладников, Раинов, 1962, с. 117-118, рис. 26). Кроме того, она встречается среди федоровских погребений Центрального Казахстана. Находки, сопровождающие исследованное погребение, позволяют датировать его в пределах XV-XIV вв. до н.э. и отнести к кругу памятников, оставленных скотоводческими племенами андроновской культурно-исторической общности.

Сооружения эпохи раннего железа

Исследовано два раннесакских погребения (Группа 3. Курган 1; Группа 4. Курган 1). Погребения имеют хорошо выраженную каменную насыпь, диаметром от 5 до 10 м с сохранившейся вы-

сотой от 80 до 150 см. Погребальные сооружения имеют каменные насыпи, сложенные довольно крупными плитами, и напоминают «панцирь». В центре их располагается погребальная камера овальной в плане формы размерами: 210x100 см из крупных каменных плит, уложенных вертикально, длинной стороной по периметру. Перекрытие камеры в одном случае сохранилось полностью и было произведено крупными плитами в несколько слоев. С пола камеры до уровня скальной поверхности спущена узкая неглубокая могильная яма длиной — 200, ширина — 60 и глубиной — 20 см. На полу ямы обнаружены кости скелета человека. Костяк лежал в вытянутой позе головой на север, руки вытянуты вдоль туловища. На полу одной из камер найдены два бронзовых наконечника стрел «жаботиновского» типа, датирующиеся сегодня рубежом VIII и VII вв. до н.э. Близкие в конструктивном отношении сооружения известны на территории Узбоя и плато Устюрт, где они имели распространение в V-II вв. до н.э., а также на территории Ферганской долины — некрополи Дашт-и Ашт, Актам, Суфан и Кунгай, датирующиеся раннесакским временем (Юсупов, 1972, с. 122-124; Ягодин, 1978, с. 187-189; Goribunova, 1986, с. 253-258).

Следующая группа сооружений, по нашему мнению, может иметь отношение к зороастрийским погребальным ритуалам и обрядам.

Одно из них представляет собой почти квадратную в плане «платформу», возведенную из сырцового кирпича размерами 40x40x10–12 см и камней. Размеры сооружения — 560x540 см. Оно ориентировано углами по сторонам света (Группа 1. Курган 1). Сохранившаяся высота «платформы» — 130 см. Сырцовая кладка перемежается слоями камня с песком. По периметру она заключена в кольцо каменной кладки на глиняном растворе шириной 200–220 см. Это придавало всему сооружению вид округлой в плане конструкции диаметром 10 м. Очевидно, кольцо каменной кладки является остатками фундамента стены сооружения. В восточной части кольца расчищены остатки прохода шириной 90 см. Выявлено, что каменная обкладка «платформы» с двух сторон скрывает в себе две диаметрально расположенные ямы овальной в плане формы с размерами 120x60 см. К ямам примыкают склепы с узкой камерой шириной 30 и длиной 240 см, сложенные из дикого камня без скрепляющего раствора. В ямах были найдены фрагменты керамических сосудов III-I вв. до н.э. и V-VIII вв. н.э. В кладке «платформы» собраны мелкие фрагменты гончарной посуды раннеантичного времени. Конструкция исследованного сооружения имеет относительные аналогии среди части «наусов», исследованных в районе крепости Канга-1. (Яб-

лонский, 1999, рис. 93). Анализ конструктивных элементов исследованного сооружения, методов и приемов строительства позволяет предполагать, что оно могло служить дахмой. Обнаруженные ямы могли использоваться в качестве «колодцев», в которые мог сбрасываться «саван» выставленного покойника. Две узкие каменные камеры, на наш взгляд, очень напоминают каменные «ката», описанные в «Видевдате», в которые могли помещать тела покойников, умерших в период года, недозволенный для выставления трупов.

В разных частях некрополя исследованы четыре отдельно расположенных каменных склепа с узкими камерами, аналогичные узкокамерным сооружениям, расчищенным на дахме (Группа 1. Курган 5; Группа 2, Курган 1, 2; Группа 4. Курган 4). Они представляют собой наземные конструкции, сложенные из камня без скрепляющего раствора. В центре располагалась узкая и длинная камера (25x220 см), пол которой вымощен камнем. Сооружения сохранили плоское перекрытие из плит. На полу камер двух сооружений найдено небольшое количество разрозненных и фрагментированных костей, а также капролиты, принадлежавшие собакам. Во всех случаях находились рубленные кости крупного и мелкого рогатого скота.

К этому же обряду погребения, видимо, имеют отношение и два сооружения, исследованные в группе 4 (Курганы 2, 3). Первое (Курган 2) представляет собой наземную конструкцию округлой в плане формы диаметром 5 м, сложенную из необработанных каменных плит. Сооружение представляет собой сильно разрушенную, округлую в плане каменную ограду, окружавшую ровную, хорошо утрамбованную площадку. Вдоль внутреннего края ограды были вкопаны 12 деревянных столбов. Внутри сооружения на полу площадки найден бронзовый наконечник стрелы. Другой наконечник был найден за пределами оградки с южной стороны. В северной части за оградой найдены фрагменты, принадлежавшие одному гончарному сосуду. Наконечники позволяют датировать сооружение серединой V в. до н.э. Вероятно, оно является культовым и может быть связано с культом поклонения духам предков — «фравашей», однако не исключено, что было введено для кенотафного погребения.

Элементы конструкции этого сооружения близки погребению, располагавшемуся в 50 м к югу (Курган 3). По внешнему краю его ограничивало кольцо вертикально поставленных крупных плит, образующих ограду округлой в плане формы диаметром 8 м. Внутренний край ограды был оформлен частоколом из деревянных балок. В центре сооружения была расчищена могильная яма подпрямоугольной в плане формы, углами

ориентированная по странам света. Размеры ямы 300x160 см, глубина 90 см. Вырублена в скальном грунте. В северном углу ямы на возвышении 50 см от пола была расчищена ниша, в которой находились кости скелета человека, предварительно очищенные от мышечной ткани. Одна из костей сохранила следы «погрыза», оставленного зубами хищника. Все горизонтальные поверхности могильной ямы, ниш были обильно посыпаны древесными угольками, среди которых было много семян и косточек. На полу ямы «in situ» были найдены кости отдельных частей туш мелкого рогатого скота. Выше уровня пола найдены фрагменты костей лошади. Удалось зафиксировать отпечаток кожного горита скифского типа. Найдены фрагменты от одного красноангобированного кувшиновидного гончарного сосуда, который может датироваться серединой V в. до н.э. Оба последних сооружения представляют собой практически одну и ту же конструкцию, однако у первого отсутствуют погребальная яма и остатки погребения.

Библиография:

Баратов, 2004 – Баратов С.Р. Археологические работы в Южном Хорезме // Археологические исследова-

ния в Узбекистане – 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004.

Баратов, 2006 – Баратов С.Р. Археологические исследования на Юге Хорезма в 2004–2005 годах // Археологические исследования в Узбекистане в 2004–2005 годы. Вып. 5. Ташкент, 2006.

Вайнберг, 1961 – Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

Итина, 1961 – Итина М.А. Могильник бронзового века Кокча 3 // МХЭ, Вып. 5. М., 1961.

Итина, 1991 – Итина М.А. Археологические памятники на древних торговых путях вдоль берегов Амударьи // Древности Южного Хорезма. Труды ХА-ЭЭ. Том. 16. С. 25С. М., 1991.

Литвинский, Окладников, Ранов, 1962 – Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайраккумов (древнейшая история северного Таджикистана) // Труды АН Тадж. ССР. Том. XXXIII. Душанбе, 1962.

Юсупов, 1972 – Юсупов Х.Ю. Археологические работы в предгорьях северо-западного Копетдага и между Сарыкамышем и Кызыл-Арватом // Каракумские древности. Вып. IV, Ашхабад, 1972.

Яблонский, 1999 – Яблонский Л.Т. Некрополи Древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. М., 1999.

Ягодин, 1978 – Ягодин В.Н. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

Gorbunova – Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Fergana. (VI century B.C. – VI century A.D.). BAR, International Series 281.

Ахелой в Согде

Предмет настоящего доклада — большое граффити, выполненное по сырой глине на плечиках хума, фрагменты которого были открыты раскопками Г.В. Григорьева на городище Тали-Барзу¹ в 6 км от Афрасиаба в 1939 г. (Григорьев, 1940, с. 91-92). Сохранившиеся фрагменты представляют верхнюю часть фигуры человекобыка, изображенного в профиль. А.Я. Борисов, участник экспедиции, атрибутировал это мифическое существо как Гопатшаха. Григорьев согласился с его определением, а К.В. Тревер в связи с этой находкой написала специальное исследование об истории Гопатшаха и значении его образа (Тревер, 1940, с. 87-104). Вслед за К.В. Тревер определение изображения из Тали-Барзу как Гопатшаха поддержали А.Ю. Якубовский (Якубовский, 1940, с. 70), А.И. Тереножкин (Тереножкин, 1950, с. 157) и А.М. Беленицкий (Беленицкий, 1958, с. 129-130). Оно также было повторено в каталоге сасанидских гемм А.Я. Борисова и В.Г. Луконина (Борисов, Луконин, 1963, с. 35-36). С середины XX в. это мнение стало общепринятым.

Образ Гопатшаха имеет древнемесопотамское происхождение. Он хорошо известен в памятниках монументальной скульптуры и мелкой пластики. На территории Средней Азии доисламского периода Гопатшах запечатлен на мелких импортных изделиях: от золотого перстня из Амударьинского клада до самых поздних сасанидских гемм, а также на предметах местного производства (Берзина, 2000, с. 19-25; Вайнберг, 2004, с. 220-223).

На всех известных изображениях (а их тысячи) Гопатшах предстает в виде крылатого быка с головой длиннородого человека с «персидским» ликом, в головном уборе «бессмертного», диадеме или с корзинкой для переноски кирпичей на голове. Как отметила сама К.В. Тревер, фигура из Тали-Барзу отличается от канонического образа отсутствием крыльев и головного убора

(Тревер, 1940, с. 71). Фотоснимок обломка хума с граффити, приведенный в статье Тревер, а еще более — непосредственная работа с предметом, хранящимся в фонде сектора Средней Азии ОВ ГЭ (за что я благодарна светлой памяти Г.Л. Семёнова), позволили установить еще и другие принципиальные отличия человекобыка из Тали-Барзу от гопатшахов. У изображения из Тали-Барзу огромная черепная коробка, его голову и тулово соединяет горбик загривка, а на голове перед загривком видно большое звериное ухо. Лицо человека с низким лбом, прямым носом и полуоткрытым ртом завершает клинообразная бородка. На лице прорисованы анфас большой человеческий глаз с отмеченным зрачком и длинной изогнутой бровью. Таким образом, голова принадлежит не человеку, а быку с лицом человека.

Образ быка с лицом человека (в виде полной фигуры, ее передней половины или только личины) представлен сотнями памятников, открытых в Средиземноморье (включая долину Нила) и Причерноморье. Это Ахелой, создание древнегреческой мифологии. В качестве ближайших аналогий исследуемому изображению можно привести несколько примеров из каталога Г.П. Ислера (Isler, 1981, №№ 20, 34, 180, 224-225). Согласно древним письменным источникам, Ахелой — бог одноименной реки в Эолии (материковая Греция). Он сын Океана и Тефтиды, отец множества водных источников и хищных сирен. Вода реки Ахелой обладает свойством смывать смертные грехи. Он сам воплощение текучих вод, а также ловкий оборотень, умеющий принимать образы силена, змеи и быка. Наиболее известный миф, связанный с Ахелоем, повествует о его сватовстве к Деянире. Из-за нее Ахелой вступил в единоборство с Гераклом, меняя во время схватки свой образ. Геракл победил Ахелоя, обломав ему один из рогов. Граффити из Тали-Барзу демонстрирует изображение Ахелоя-быка, утратившего рог.

Другое опубликованное изображение Ахелоя с территории Средней Азии — рукоять ксифоса из храма Окса эллинистического периода, раскопан-

¹ Г.В. Шишкина классифицирует Тали-Барзу как крепость.

ного в Тахти-Сангине, в Северной Бактрии (Litvinskij, Picikyan, 1995, p. 129-139, ill. 4-11; Литвинский, 2001, с. 264, № 1124, табл. 73-74). Здесь Ахелой-силен представлен в поединке с Гераклом. Б.А. Литвинский и Р.Г. Пичикян отмечают, что изображение речного божества Ахелоя связано с кульгом воды. Они объединяют рукоять ксифоса, принесенного в дар храму, и найденный здесь же культовый алтарь с фигуркой речного божества Марсия, посвященный в храм неким Атросоком, в единый семантический ряд (Литвинский, Пичикян, 2000, с. 304-305). Очевидно, хум из Тали-Барзу с быком Ахелоем следует поставить в тот же ряд.

Хумы, отмеченные специальными изображениями (оттисками печатей, пряжек и т. п.) на плечиках, известны на территории Согда. Многие из них были посвящениями в храмы. Естественно, посвящали хумы с содержимым (Беленицкий, 1958, с. 124-126). В связи с находками из Пянджикента и Тали-Барзу А.М. Беленицкий обратил внимание на фрагмент хума с оттисками двух гемм-печатей на плечиках с городища Афрасиаб, из слоя, датированного кушанским временем (Беленицкий, 1958, с. 126).

По мнению Г.В. Григорьева, фрагменты хума с исследуемым граффити были открыты в слое ТБ 2, датированном автором раскопок V-IV вв. до н.э. Эту датировку пересмотрел А.И. Тереножкин. Он объединил ТБ 1 и 2 в один слой. По содержащейся в слое керамике (в первую очередь красноангобированным вазам-кубкам, фигурной подставке под вертел, терракотам) А.И. Тереножкин определил время отложения ТБ 1-2 — I-IV вв. н.э., т. е. кушанским периодом (Тереножкин, 1950, с. 160). По уточнению Г.В. Шишкиной, сделанном на основе афрасиабского материала, керамика из слоя ТБ 1-2, которая представлена на таблицах Г.В. Григорьева (Григорьев, 1940, рис. 3, образцы а-ж), относится ко времени не ранее IV в. н.э. Эллинистические обра-

зы, занесенные в Среднюю Азию, продолжали здесь жить вплоть до сасанидского времени (Shishkina, 1994, p. 86-91).

Библиография:

Беленицкий, 1958 — Беленицкий А.М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951-1953) // МИА, № 66. М., 1958.

Берзина, 2000 — Берзина С.Я. Керамическая печать из Самарканда // Средняя Азия: археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. М., 2000.

Борисов, Луконин, 1963 — Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.

Вайнберг, 2004 — Вайнберг Б.И. Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме. М., 2004.

Григорьев, 1940 — Григорьев Г.В. Городище Тали-Барзу // ТОВЭ II. Л., 1940.

Литвинский, 2001 — Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. М., 2001.

Литвинский, Пичикян, 2000 — Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) Т. 1. М., 2000.

Тереножкин, 1950 — Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. Вып. XXXIII. М., 1954.

Тревер, 1940 — Тревер К.В. Гопатпах — пастух-царь // ТОВЭ II. Л., 1940.

Якубовский, 1940 — Якубовский А.Ю. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. // ТОВЭ II. Л., 1940.

Isler, 1981 — Isler H.P. Acheloos // Lexicon iconographicum mythologiae classicae. T. I. Zürich — München, 1981.

Litvinskij, Picikian, 1995 — Litvinskij B.A., Picikian I.R. An Achaemenian Griffin Handle from the Temple of the Oxus. The Makhaira in Northern Bactria // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity. Firenze, 1995.

Shishkina, 1994 — Shishkina G.V. Ancient Samarkand: Capital of Soghd // Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 8. Bloomfield, 1994.

К интерпретации одного из образов согдийской терракоты

Малая пластика и особенно терракота — один из интересных и информативных источников по истории культуры, в первую очередь быта и религиозным представлениям древнего и раннесредневекового населения Согда. Считается, что терракота отражала не только официальные культы, но в большей мере традиционные народные представления. Растиражированность того или иного персонажа коропластики показывала популярность, или, по крайней мере устойчивость, его образа и связанных с ним верований или представлений. Безусловно, большую часть этих персонажей занимают образы божественных существ, которые служили иконками или магическими талисманами и к которым обращались за помощью и защитой. Однако среди археологических материалов все чаще встречаются терракотовые изделия с изображением демонических персонажей, чья интерпретация затруднена и спорна. Предполагается, что это либо привнесенный образ, обусловленный культурным заимствованием и отражающий простое копирование инокультурных образцов как диковинный элемент декора, либо, что наиболее вероятно, проявление глубоко народных архаических представлений, к которым вполне могли быть адаптированы эти образы.

Отдельную небольшую группу среди них составляют изображения широколицей круглой головы демонического существа. По мнению абсолютного большинства исследователей, они тракуются как обереги. Некоторые из исследователей подчеркивают даже, что эти «изображения в глиняной скульптуре и терракоте VI–VIII вв. по трактовке деталей: лба, ушей, рта, носа, шерсти — близки между собой, что показывает общность в наборе образов разных видов искусства» (Маршак, 1971, с. 58–59). Однако в реальности эта группа изображений неоднородна и представлена на тремя подгруппами. Первая — изображение морды (головы) хищного животного (тигра или льва) с высунутым языком, иногда сильно стилизованная. Вторая — фантастическое существо с

растянутой в улыбке пастью, чаще всего с высунутым языком между торчащими клыками. Нередко в образе присутствуют какие-то стилизованные растительные мотивы. Уши, брови или волосы передаются в виде стилизованных растительных завитков или побегов. Показателен в этом плане керамический налеп с Хайрабадтепа из района Термеза, где у демонической личины уши переданы в виде пары листьев (Альбаум, 1975, с. 78, рис. 24). Третью — образуют бородастые персонажи, в большей степени наделенные антропоморфными чертами (Мешкерис, 1989, с. 301–302, табл. 160, 4).

Все это показывает, что группа изображений неоднородна, сложение их происходило неодновременно и истоки образов были разные. Причем наличие звериных черт или растительных элементов в их облике позволяют предполагать какую-то изначальную связь с силами природы (произрастанием, плодородием) и магико-охранной функцией.

Еще в 1960-е гг. исследователями не исключалась связь этих личин с образом Бэса. Этот египетский божок, покровитель-охранитель человека, семьи получил большую популярность уже в эллинистический период. От эпохи античности сохранилось огромное количество защитных амулетов в виде Бэса. С образом Бэса связывают широкоскулые бородастые личины с круглыми звериными ушами. Именно они изображены на передке моделей колесниц из Амударьинского клада (Зеймаль, 1968, с. 47). С Бэсом же связываются изображения голов — деревянной основы бляшек — украшений уздечки из первого Пазарыкского кургана (Руденко, 1953, табл. XLIV). Из второго кургана происходит кожаное украшение седельного нагрудника из рядов полупальмет с маской в виде бородастой головы (Руденко, 1953, с. 185, рис. 114). Иконография Бэса разнообразна, но любопытно, что, во-первых, он нередко изображался с шапочкой из листьев или перьев, во-вторых, с высунутым языком.

К эпохе эллинизма и античности относится

еще один изобразительный образ демонической головы, получивший широкое распространение в искусстве и культуре того времени. Это образ Горгоны, которая тоже почти всегда изображалась с высунутым языком между клыками. Кстати, не всегда вокруг ее головы извивались змеи. Нередко ее волосы передавались в виде простых завитков. Видимо, клыкастая голова Горгоны с вывалившимся языком считалась оберегом, особенно на воинских доспехах. Именно так трактуется изображение головы Горгоны на одном из щитов воинов, в росписи на сосуде из собрания Киджи (История искусства зарубежных стран, 1952, с. 94, рис. 65), на эллинистической бронзовой нагрудной защитной пластине (пейтрале) для коня из музея Напле или бронзовом конском налобнике из музея Карлсруе (Cohnoly, 1981, p. 73). На этрусском антефиксе (VI в. до н.э.) голова Горгоны вообще изображена бородатой (Штаерман, 1989, с. 388). Небезынтересен еще один аспект — связь Горгоны с животным миром. Так, в центре фронтона храма Артемиды на острове Керкира (VI в. до н.э.) помещена огромная фигура Горгоны, а по сторонам, занимая большую часть фронтона, две фигуры пантер или львов (История искусства зарубежных стран, 1979, с. 113, ил. 224).

Изображения демонической или львиной головы получило широкое распространение в искусстве Индии в эпоху Гуптов. И на пороге раннего средневековья они могли появиться в Согде через посредство торгово-экономических контактов и придать новый импульс в его возрождении и бытовании в народной культуре. Индийское влияние на искусство Согда обычно связывается с буддизмом или шиваизмом. Отсюда традиционное отождествление этих изображений с Киртимукхой. Однако такой традиционный взгляд вызывает сомнение. Дело не только в том, что Киртимукха — это проявление двойственности облика Шивы, его демонической природы как бога смерти и времени, чья разрушительная деятельность неизбежно предшествует возрождению, сколько в том, что по популярности его изображения уступают по сравнению с лингамом или другими символами культа Шивы. Таким образом, роль Киртимукхи кажется не столь значительной, и этот образ вряд ли мог бы оказать значительное влияние на искусство Индии или других регионов. Кроме того, разнородность образа, его широкая популярность в раннесредневековой терракоте и торевтике Восточного Туркестана и Средней Азии явно указывают на то, что он, в отличие от шиваистского Киртимукхи, должен был иметь более широкие народные корни и другие истоки.

В большей мере эти изображения могли быть связаны с Вишну, который почитался как охра-

нитель мира, олицетворял собой бытие мира, силой поддерживавший стабильность и порядок в природе. При Гуптах в Индии вишнуизм стал главным религиозным течением (Бонгард-Левин, Герасимов, 1975, с. 168). В гимнах Атхарваведы к Вишну обращаются с просьбой о ниспослании потомства, богатства, защите и т. п. Одна из его ипостасей — лев или, точнее, львиноголовое существо (Нарамсиха). Известны монеты VI в. с изображением человеко-льва. Именно Вишну нередко изображался в головном уборе с изображением круглой демонической или львиной головой (Тюляев, 1988, с. 308, ил. 321; Ставен, 1976, р. 175). Такие же изображения имелись в храмах Вишну, обрамляли верхний пояс ниш с его изображением, например храм Вишну Дасаватир (V–VI в.) в Деогархе (штат Уттар-Прадеш) (Тюляев, 1988, ил. 228–230). В понимании значения культа Вишну важно его отождествление с производительной силой природы. В «Тайттирия-самхита» он связывается с растительным миром, травами, деревьями. Он бог зерна, дарующий людям пищу. Он же связывается с жертвой, точнее с процессом ее приношения. Он же предстает как «изначальное семя», дающее развитие всему живому (Бонгард-Левин, Герасимов, 1975, с. 163). Как солнценосное божество (на что указывают диск-чакра, птица Гаруда и его знаменитые три шага), он связан с миром предков и возрождением. Так термин «парамапада», применяемый к высшему из трех шагов Вишну, стал определяться как прибежище душ предков или «небо Вишну». До сих пор в индуизме вершины гор часто называются «Вишну-пада». А представления о Вишну-Нараяна, т. е. лежащего на водах, обыгрывают его образ как возрождающегося бога (Гусева, 1977, с. 104, 106). Не следует забывать, что именно с Вишну и прямо и косвенно связан миф об амрите — напитке бессмертия. Он в облике черепахи участвовал в его добыче, в облике красавицы Мохини рассадил отдельно богов и демонов, отвлек их и украл напиток, наконец, Вишну отсек голову Раху, обманом проникшего на пир богов. Именно этот сюжет о голове Раху, из мести пытающегося проглотить луну и солнце, т. е. способствующего их временному затмению, получил широкое распространение среди монгол, бурят, хакасов и, видимо, народов Средней Азии. Таким образом, к кругу Вишну относятся демонические существа с головой льва, и они вполне могли изображаться на сосудах и оссуариях как защитники и охранители порядка.

Немаловажна, на наш взгляд, еще одна устойчивая деталь — высунутый язык у большинства этих изображений. Видимо, это проявление архаических представлений. В некоторой степени символическое значение этого элемента

можно реконструировать по религиозным представлениям Древней Месопотамии, которые тесно переплетались с магией и носили преимущественно обрядово-магический характер. Здесь этот элемент являлся символом потенции, а как графема знак – высунутый язык – имел значение «ритуал» и соответствовал слову-понятию *Ме*, которое, в свою очередь, выражало стремление вещи обрести силу и внешнее проявление. Любопытен в этом плане анализ, проведенный В.В. Емельяновым, согласно которому *Ме* – это модели вещей, существующие только в идеале, но все, что есть в мире, может существовать только через наличие своих *Ме*. Они воплощают в себе всю силу вещей и свойств мира и связаны с начальным периодом существо-

вания мира, а значит, с ежегодным весенним возрождением. Хотя сами по себе они бесплодны, но только с их помощью возможно умножение людей и вещей (Емельянов, 2003, с. 34-35). Видим, древний ритуал почитания божеств включал определенные символические жесты и мимику, которые были призваны, чтобы испрашиваемое у божеств приобрело внешнее проявление и силу. Следы схожих представлений фиксируются в культовой практике современной Индии. Так, в ритуале почитания богини Кали кивают головой и высовывают язык (Гусева, 1977, с. 232). Вероятно, высунутый язык у демонических персонажей, восходивших к производящим силам природы, как раз и является рудиментом таких представлений.

Гончарные производства Бактрии античного периода

Первые ремесленные гончарные производства, зафиксированные на территории Бактрии — одного из древнейших историко-культурных регионов Среднего Востока, относятся к эпохе бронзы. Керамические обжигательные горны открыты на территории южного Узбекистана (Саппалитепа, Бустан, Моллали), южного Таджикистана (Кунгуртут), северного Афганистана (Дашлинский оазис).

Гончарное производство Бактрии эпохи РЖВ изучено недостаточно. Раскопан и опубликован один горн, обнаруженный в г. Куляб (южный Таджикистан), который по сопутствующему материалу был датирован доахеменидским и ахеменидским периодом. По конструктивным признакам он является прямой аналогией горнам середины I тыс. до н.э., раскопанным на территории южного Туркменистана (низовья Мургаба). Остатки обжигательных горнов, которые по подъемному материалу можно датировать первой половиной — серединой I тыс. до н.э., отмечены на многих поселениях Бактрии, особенно ее левобережной части. Достаточно вспомнить крупный производственный центр на окраине поселения Алтын 2, где отмечены остатки не менее 25 обжигательных горнов. Данных об организационных формах гончарного ремесла в эпоху РЖВ практически нет. Можно лишь предполагать, что наличие таких крупных производственных центров, как Алтын 2, свидетельствует о существовании на территории области в это время товарного ремесленного производства.

Значительно лучше изучено ремесло Бактрии, прежде всего гончарное, последней трети I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э.

К эллинистическому и постэллинистическому периоду (конец IV—I вв. до н.э.) относятся 17 горнов и обжиговых устройств. Большая часть объектов раскопана в правобережной Бактрии (Дальверзинтепа, Кампыртепа, Саксанохур, Дабиль-Курган). Один горн изучен на городище Ай-Ханум. Среди них по основным конструктивным признакам, которыми являются форма топки и

обжигательной камеры, а также их расположение относительно друг друга, выделяются две группы: округлые двухъярусные с прямым вертикальным ходом горячих газов и прямоугольные одноярусные, двухчастные, с горизонтальным или периферийно-боковым ходом горячих газов.

Горны первой группы, также по конструктивным признакам, в данном случае это способ перекрытия топочной камеры и расположение распределителей тепла, в свою очередь, подразделяются на два типа.

I тип — углубленная топочная камера была округлой (Кампыртепа, Дальверзинтепа, Саксанохур, Дабиль-Курган) или овальной формы (Саксанохур). Топка перекрыта ложным куполом или глиняным диском; у овальных в плане горнов предполагается сводчатое перекрытие. Распределители тепла, которые строились в процессе строительства перекрытия, располагались радиально и открывались в округлую обжигательную камеру одним или двумя продухами. Площадь обжигательной камеры во всех случаях была больше площади топки.

II тип — углубленная топочная камера округлая (Ай-Ханум, Дальверзинтепа). Плоское перекрытие топки опирается на столб, сложенный из сырцового кирпича. Специально устроенные распределители тепла не прослеживаются. Горячий воздух поступал в округлую обжигательную камеру через продухи, устроенные непосредственно в перекрытии. Площадь топки равна или почти равна площади обжигательной камеры.

Горны второй группы обнаружены пока только на Кампыртепа, где в пределах нуклеарной части поселения открыт производственный центр, который датируется в первой половине III в. до н.э. Здесь раскопано семь обжиговых устройств, которые представляли собой прямоугольную в плане одноярусную двухкамерную конструкцию, сложенную из сырцовых кирпичей на невысоком глинобитном основании, перекрытую сводом. Одна из камер была топкой. Стенки ее сильно обожжены, а в верхней части ошлакованы. Вторая

камера, под которой был немного выше пода топочной камеры, являлась, по всей видимости, обжигательной. Камеры были разделены перегородкой, высота которой, вероятно, не превышала половину общей высоты конструкции. Как можно предполагать, через оставшийся зазор между перегородкой и замком свода горячие газы поступали из топки в обжигательную камеру. Подобные конструкции А.А. Бобринский классифицирует как горны с горизонтальным ходом горячих газов.

Данных об организации гончарного ремесла Бактрии в этот период, в общем, недостаточно. На городище Саксанохур раскопана часть квартала керамистов, который существовал на одном месте на протяжении длительного периода времени. Однако материалы раскопок полностью не опубликованы. Судя по введенному в научный оборот материалу, вскрытые производственные комплексы можно датировать кушано-юэджийским периодом, не ранее середины II в. до н.э. На Дальверзинтепа два горна эллинистического периода выявлены в нижних слоях цитадели, на небольшой площади. Об условиях размещения, а тем более о характере производства на памятнике в это время судить трудно. На Ай-Ханум обжигательный горн был построен на развалинах монументального здания эллинистического периода, когда город практически не существовал. Каким-либо построек или помещений, которые можно было бы считать производственными, рядом с ним не выявлено. Несколько больше данных о формах гончарного ремесла получено в процессе раскопок Кампыртепа. Здесь в пригородной зоне раскопана гончарная мастерская — обжигательный горн, землянка рядом с ним, площадка для сушки керамики, ямы с производственными отходами, датированная в пределах III в. до н.э. Незначительная мощность культурного слоя, отсутствие стационарных очагов и хозяйственной зоны рядом с землянкой дают основание предполагать, что это было сезонное производство. Такая организационная форма ремесла, когда мастер-профессионал во время определенного сезона выезжал в сельскую местность и изготавливал посуду на заказ, довольно широко была распространена не только в древности, но и в эпоху развитого и позднего средневековья.

Одновременно с этой мастерской в пределах крепости функционировало довольно крупное производство. Как можно предполагать по стратиграфическим данным, в открытых дворах в цитадели одновременно работало не менее пяти горнов, отнесенных ко второй группе (см. выше). Однако их производственные мощности были значительно меньше, чем у горна за пределами крепости. Видимо, в данном случае следует говорить о сосуществовании на одном памятнике профессионального гончарного сезонного производства,

работающего на заказ, и крупного домашнего производства, обеспечивающего потребности одного, может быть, крупного домовладения.

Значительно лучше изучено гончарное производство Бактрии кушанского и кушано-сасанидского периода. На территории области известно 12 археологических объектов, в той или иной степени связанных с производством глиняной посуды. На территории памятников зафиксировано более 30 обжигательных горнов, большая часть из них раскопана. На территории Бактрии изучались обособленные гончарные кварталы (Дальверзинтепе), небольшие производственные центры (Хатын-Рабат, Ак-тепе II в Кобадияне), а также отдельные обжигательные горны (Айртам, Тепа-и-Шах, Шортепа, Кампыртепа).

Не позднее I в. н.э. на территории области появляется новая конструкция обжигательного горна. Все бактрийские горны кушанского периода были двухъярусными, с вертикальным ходом горячих газов, но, в отличие от горнов эллинистического периода, они были прямоугольными. Топочная камера имела сводчатое перекрытие, а распределители тепла располагались параллельно, по обе стороны центральной оси горна.

Причины изменения конструкции обжигательного горна остаются неясными. За пределами Бактрии известен лишь один горн прямоугольной формы этого времени — это горн, раскопанный на Мунчак-тепе (северо-восточная Уструшана). Несколько особняком стоит прямоугольный горн, раскопанный на городище Бабиш-Мулла (низовья Сырдарьи), который датируется в пределах IV-III вв. до н.э. Во всех остальных историко-культурных областях среднего Востока двухъярусные горны, датированные первыми веками н.э., имели округлую форму и напрямую связаны с обжигательными конструкциями предыдущего периода. В то же время на территории северной Бактрии в кушанский период округлые двухъярусные горны полностью исчезают.

В ходе раскопок получены материалы, на основании которых можно в определенной степени составить представление об организации гончарного ремесленного производства на территории Бактрии в кушанский период.

На территории области известны обособленные кварталы, располагавшиеся в пределах крупных городских центров (Дальверзинтепа, Зартепа, Тепаи-Шах, Термез). Наиболее полно изучен гончарный квартал на Дальверзинтепа, где были раскопаны жилые и производственные помещения, обжигательные горны рядом с ними и, что особо следует подчеркнуть, небольшой кварталный храм. Как свидетельствуют стратиграфические данные, квартал керамистов существовал в юго-западной части городища уже на раннем этапе существования «нижнего города»; постройки ку-

шанского периода перекрывают остатки округлого горна с опорным столбом в топочной камере.

Наличие в крупных городских центрах компактно расположенных ремесленных кварталов, возможно представлявших собой самостоятельную единицу в социальной структуре города, о чем говорит, в частности, существование квартального храма, дает основание предполагать существование в Бактрии профессиональных объединений ремесленников (корпораций?) уже в первые века н.э., тем более что в северной Индии, являвшейся в этот период частью Кушанского государства, как следует из анализа письменных источников, существование ремесленных корпораций не подвергается сомнению. Если принимать раннюю датировку гончарного квартала на городище Саксанохур, то следует признать, что обособленные гончарные кварталы появляются в Бактрии уже в позднеэллинистический или раннекушанский период — не позднее середины II в. до н.э.

На территории области, помимо гончарных кварталов, выявлены и сравнительно небольшие производственные центры — обычно не более 5–6 компактно расположенных обжигательных горнов, находящихся, чаще всего, на окраинах поселения, на некотором расстоянии от жилых построек (Хатын-Рабат, Ак-тепе II, Пультапды в северо-западной Бактрии). Как можно предполагать, это были сезонные производства, где в определенное время года могли работать небольшие организованные группы ремесленников (артели?). Возможно, другие функции были у небольшого по объемам производства расположенного неподалеку (150 м к северу) от буддийского культового центра Кара-тепе в Старом Термезе. Видимо, в данном случае можно говорить о гончарном производстве, которое удовлетворяло потребности обитателей монастыря и паломников. Надо полагать, основными потребителями гончарной

продукции производства, открытого на территории буддийского культового центра на Айртаме, также были его обитатели и паломники.

Помимо выше упомянутых памятников на территории Бактрии выявлены и обжигательные горны, расположенные рядом с жилыми постройками в пределах поселения или в пригородной части крупных городищ (Хирман-тепе, Шор-тепе, Джагаттепа, Дальверзин, Дильберджин). Их, по всей видимости, можно соотнести с небольшими гончарными мастерскими, работавшими постоянно на заказ. На сельских поселениях это, вероятно, были ремесленники, члены общины, и в данном случае речь может идти об общинном ремесле.

Таким образом, в кушанское время на территории Бактрии по археологическим данным фиксируется многоукладное ремесленное гончарное производство, где выделяются как довольно сложные по уровню организации производства (ремесленные корпорации или цеха в городских центрах и артели на сельских поселениях), работавшие на рынок, так и небольшие мастерские, снабжавшие своей продукцией членов сельских общин. Безусловно, это время в такой весьма урбанизированной области, как Бактрия, возрастает роль города как торгово-ремесленного и социально-экономического центра. В то же время на сельских поселениях сохраняются общинные формы ремесла. Как представляется в данной ситуации, несколько усложняется схема товарообмена, предложенная Б.А. Литвинским, а именно: город — деревня — кочевая степь, где городу отведена ведущая роль как центру товарного производства. Надо полагать, что часть ремесленной продукции, прежде всего керамики, изготавливалась в деревне. Кроме того, определенную роль в обеспечении сельского населения ремесленной продукцией играли и сезонные производства.

Динамика развития городской культуры Ташкентского оазиса

Исследователи Средней Азии, входившей в северный пояс цивилизации Евразии, подчеркивают урбанистический характер ее культуры. Неоднородность природно-климатических условий способствовала многообразию путей развития экономики и культуры ее регионов. При общем взгляде выделяются две крупных зоны. Южная — оазисы, с глубокой древности освоенные оседлым земледельческим населением, тесно связанным с урбанистическими центрами Ближнего и Среднего Востока, и северная — освоенная племенами кочевых скотоводов, вошедшими в круг народов Великой евразийской степи. На контактах между ними вырастают регионы, в которых потоки взаимного экономического культурного и этнического взаимовлияния были наиболее велики (Литвинский, 1973, с. 100–101). Процесс урбанизации здесь, естественно, имел свои особенности и был наиболее интенсивным.

К числу таких регионов в первую очередь может быть отнесен древний Чач, ядром которого являлся Ташкентский оазис. Выросший в бассейне Средней Сырдарьи в долине ее крупнейших притоков Чирчика и Ахангарана, Чач включал плодородные земли, удобные для орошаемого земледелия. Его предгорные богарные площади были удобны для бахчевых и садовых культур. Горные районы с альпийскими лугами были прекрасными пастбищами отгонного и вертикального кочевания. И что не менее важно, они были богаты благородными и цветными металлами, самоцветами, глинами и красителями.

Сырдарья была важнейшим средством торгового обмена и (особенно в периоды природных стрессов) активным ретранслятором и культурных, и этнических взаимосвязей оседлых оазисов и кочевых народов Великой степи. Чач стоял в самой активной зоне этих контактов, на перекрестке торговых связей и миграций племен. С грани эпохи бронзы и раннего железа в оазисе складывается и земледелие, основанное на простейших формах орошения. Культура, названная по месту

первой находки бургулюкской, представлена неукрепленными поселениями с домами-землянками, комплексом лепной керамики, формовавшейся в основном на матерчатом шаблоне, набором бронзовых орудий труда, оружием и украшениями. Артефакты позволяют включить оазис в круг евразийских культур расписной керамики I тыс. до н.э. Заключительный этап бургулюкской культуры (VI–III вв. до н.э.) в определенной степени связывается с комплексами сако-усуньских племен.

В отличие от Согды и Бактрии Ташкентский оазис не входил в состав урбанизированных держав ни Ахеменидов, ни Александра Македонского. По сообщениям античных авторов Яксарт, Сырдарья была границей оседлых согдийцев и кочевых народов — саков. «Саки отделены от согдийцев Яксартом, а согдийцы от бактрийцев Оксом» — сообщает Страбон (Страбон, VII, 3, 12). А Дионисий Перизигит уточняет: «За Согдом по течению Яксарта обитают саки стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, не пускающие стрелы наудачу» (Дионисий Перизигит, с. 23).

Археологические исследования показывают, что со второй половины I тыс. до н.э. наблюдается демографическая активизация сакских племен, внедрение их в оазисы восточных районов Средней Азии и Казахстана. Возможно, с защитными мерами от них связано возведение некоторых укреплений и Александра Македонского, и его последователей. Селевк и его сын Антиох I в процессе укрепления своего государства направляют против саков полководца Демодама, который на грани IV–III вв. до н.э. «впервые пересек Яксарт и «воздвиг дидимейский алтарь Апполону» (Хенниг, 1961, с. 234–235). На античных картах появилась Антиохия Заяксартская — единственный эллинистический город за Сырдарьей.

При археологических исследованиях в юго-западной части Ташкентского оазиса нами были выявлены руины наиболее раннего городского

памятника — городище Канка, окруженное несколькими рядами крепостных стен. В его ядре выявлена крепость площадью более 6,5 га, выросшая на остатках землянок бургулюкской культуры. Квадратная форма крепости, оборонительные стены с внутренними галереями, округлыми башнями, возведенными из сырцового квадратного кирпича античного стандарта, выступающая берма для защиты от стенобитных орудий, широкий обводной ров, квадратная же мощная цитадель в северо-западном углу раскрывают планировку античного города, возведенного в эллинистических традициях. Среди керамических изделий интересен фрагмент краснолощеного сосуда типа рыбницы, характерного для IV—III вв. до н.э. Все это позволило нам отождествить эту крепость Канки с Антиохией Заяксартской (Буряков, 1982, с. 103-106). Таким образом, на рубеже IV—III вв. до н.э. культура в Ташкентском оазисе приобретает урбанистический характер. Крепость в таком виде просуществовала недолго, спустя короткий промежуток времени она теряет свой эллинистический облик и становится укрепленным ядром гигантского города площадью более 150 га. Город включал три шахристана, обведенных самостоятельными рядами стен. Стены этого ядра — шахристана I капитально ремонтируются, а стены внешнего шахристана III, возводимые заново, целиком строятся в иных архитектурных традициях. Теряется четкая геометрическая планировка, приобретающая неправильную форму. В кладке крепостных стен с башнями применяется крупный кирпич, иного — прямоугольного стандарта в сочетании с паховыми блоками. Материальная культура представлена в основном лепной плоскодонной керамикой не эллинистического облика, а иной каунчинской культуры, получившей название по месту находки первого комплекса на городище Каунчи в долине Чирчика (Григорьев, 1940).

Исследователи отмечают, что в III — начале II вв. до н.э. прослеживается очередной экологический стресс, вызвавший аридизацию макроклимата. Жившие в низовьях иссыхающих прарусел Яксарта (Сырдарьи) и Чу-Сарысуйской системы племена сако-усуньского крута отчасти покидают эти земли и активно продвигаются вверх по Сырдарье через Отрар в Ташкентский и в более южные регионы вплоть до Каршинского оазиса. При изучении Каршинского оазиса — Нахшеба со столицей центром на Еркургане Р.Х. Сулейманов отмечает, что в конце III — начале II в. до н.э. здесь вырастает еще один огромный город-крепость Калаи-Захаки-Марон, возведенный по единому плану с тремя рядами мощных стен (внешняя стена 1,5x1,5 км) и громадной башней в центре. По периферии оазиса прослежена серия военных крепостей, возводившихся вокруг этого

города, определяемого автором как ставка сакских правителей оазиса. Столица на Еркургане со своей эллинизированной культурой, как, возможно, настроенный в это время оппозиционно к новым династиям — выходцам из кочевой среды, по его мнению, отходит на второй план, сохраняя роль ремесленного и культового центра Нахшеба (Манби, Халид, Перриман, Арутюнова, Сулейманов, Муминов, 2006, с. 93-94).

Город на Канке, локализуемый как столица владения, описанного в китайских источниках под именем Юе-ни, и носивший название Юеничен (Бичурин, 1950, с. 184) по площади мало уступал античным столицам Согда и Нахшеба. Но в отличие от Нахшеба, где отмечается распределение функций царского города на Калаи-Захаки-Марон и ремесленного на Еркургане, здесь мы видим совмещение их в пределах единого центра. С одной стороны, шахристан I выполняет военные и культовые функции, с другой — производственные: вдоль его оборонительных стен раскрыты мастерские керамистов и металлургов, которые функционируют на этом же месте и в последующие века. А в шахристане III вырастают кварталы, кузнецов, ювелиров и металлургов, выплавляющих железо и сталь.

Так же как в Нахшабе, на северных границах Ташкентского оазиса складывается система укрепленных поселений и крепостей (Каунчитепа, Кугаиттепа, Мингурик, Таукаттепа, Кавардан и некоторые другие), в основании урбанизационного пласта которых лежат архитектура и материальные комплексы каунчинской культуры. В формировании ее на раннем этапе прослеживаются, с одной стороны, северный компонент, в основном джетыасарской культуры, с другой — южный и западный — влияние античных комплексов Согда и Нахшеба. Определенную роль играет постоянная инфильтрация кочевых компонентов Семиречья. В блоке укреплений в пределах Ташкента выделяется Мингурик. В кладке стен его наряду с прямоугольным кирпичом встречен и квадратный, а вместе с каунчинской керамикой найдены фрагменты бокала и тонкостенной чаши с лощеными стенками, находящие аналогии в керамике античной эпохи (Буряков, 1956, с. 126; Зильпер, 1972, с. 18 и сл.).

Китайские хроники ханьского времени описывают государство Кангюй, ядро которого исследователи размещают в бассейне Сырдарьи. Сначала он относился к разряду средних владений, среди которых упоминается и Юени, причем в этой стране размещается и зимняя столица Кангюя (Бичурин, 1950, с. 184, 186), чем и объясняется стремительный рост города на Канке. В составе Кангюя экономика Юени расцветает благодаря выгодному положению на торговых

трассах северной дороги из Китая «в Давань, Кангюй, Янчай и Яньцзы» (Бичурин, 1950, с. 170). В связи с этим вдоль Сырдарьи вырастает группа городов. К югу от столицы стратегически важную переправу через Яксарт на торговом пути из Согда контролирует крупная крепость Банокат, планировка и фортификация которой находит аналогии в античной архитектуре Согда и Бактрии. Южнее — еще один пункт — городище Дальверзинтепа, стоявший у переправы на пути в Давань—Фергану (Буряков, 1966, с. 46-48). Экономический потенциал владения возрастает вследствие активной разработки горно-рудных богатств — золота, серебра, меди, железа, бирюзы в Чаткальских и Кураминских горах. На базе переработки руды и плавки металлов вырастает сеть городских центров, связанных торговым путем со столицей.

С рубежа нашей эры владение и столица выступают под новым именем Чач (в китайской передаче Ши или Чжеши). Источники сообщают, что правитель Ши живет в городе Чжеши, место которого принадлежало Юе-ни (Бичурин, 1950, с. 313). Название это трактовалось в науке как «камень»¹. Проанализировав источники и археологический материал, мы обратили внимание, что Чач — «сес» в древнетюркском означает «благородный камень» и конкретно «бирюза» (Древнетюркский словарь, 1963, с. 143). Китайские источники сообщают, что «на юго-востоке Ши есть большая гора, производящая камень сэ-сэ» (Бичурин, 1950, с. 313). Чач был главным поставщиком этого небесно-голубого самоцвета на торговых трассах Центральной и Восточной Азии. В науке название этого самоцвета отождествлялось неоднозначно, от бирюзы до ляпис-лазури². Ляпис-лазурь в Чаче не добывалась, но с каунчинской эпохи в гигантском руднике Кураминского хребта Унгурикан к юго-востоку от столицы (Канка) шла активная добыча бирюзы. Это дает нам основание определить топоним Чач как «бирюза».

С первых веков н.э. Чач чеканит свою монету, многие сотни экземпляров которой найдены на Канке и в других городах владения. Находки в Согде и Фергане показывают, что государственная монета Чача имела хождение за его пределами.

В эпоху раннего средневековья в связи с созданием могучего Тюркского каганата, заинтересованного в сбыте своих товаров и поддерживавшего торговлю, Великий шелковый путь активно

перемещается на север, возрастает и экономическая, и политическая роль Чача. Он включается в торговую конфедерацию, возглавляемую Согдом, расширяет свои территории на севере и востоке. Активизируется интенсивная разработка богатых сырьевых ресурсов — золота Кызылалмы, серебра Лашкерека, в котором располагался знаменитый на Востоке Кухисим — «Серебряная гора».

Закономерно формирование в это время новых городов, причем целые системы их продвигаются вглубь оазиса, в горные рудные районы. Это Тункет и Туккет, Кухисим. Некоторые из них получают тюркские названия — Абрлыг, Намудлыг.

Рудный район Чача в этот период настолько наращивает свой экономический потенциал, что в его составе выделяется в определенной степени автономная область — Илак со столицей Тункет, правитель которой характеризуется как «сильный дикхан».

Одновременно разрастается и северный блок городов, связанных с экономикой скотоводческих племен среднего течения Сырдарьи. В рамках современного Ташкента вырастает группа из пяти городских пунктов: Ногайкурган, Ханабадтепа, Тугайтепа, Аката и самый крупный из них — городище Мингурик, который после неудачного восстания чачцев против кагана в 605 г. становится ставкой тюркского наместника Чача. Даже в адырной зоне в междуречье Чирчика и Ахангарана вырастают города Паркент, Заркент, Намадванак.

Рост городов был обусловлен продвижением в Чач ведущих сухопутных торговых трасс. Традиционный путь из Согда проходил через Банокат в столицу оазиса, от которой путь разветвлялся: на север в долину Чирчика, на восток в Илак, а через Кухисим на юг и в Фергану. Одновременно начинает оформляться северная трасса, которая из Дизака вела сквозь пустынную степь на восток в Чинанчикет (ныне Чиназ) — «Китайский город», игравший большую роль в торговле с кочевниками степи. Цепочка пунктов, среди которых следует отметить культовый центр долины Динбагинакет (город храма религии) и торгово-транспортный центр — Уштуркет (город верблюдов), протягивается от него к «мадине Чача».

Арабское завоевание VII—VIII вв. привело к потере государствами Средней Азии, и Чача в том числе, политической самостоятельности. Но вхождение в состав обширных владений халифата, распространение единой интегрирующей религии — ислама, в рамках которого мусульмане всех

¹Сводку данных применительно к Ташкенту см. в работе Аальто Пенти (Penti Aalto. The name of Tashkent // Central Asian Journal. Vol. XXI №. 3-4. Wiesbaden, 1977; Пенти Аальто. Имя «Ташкент» // SHYGYS. Алматы, 2005. № 1. С. 106, комментарий 17 А. Акишева).

² Полная сводка мнений представлена Э. Шеффером, считавшим, что это — ляпис-лазурь (Shafer E., 1963; Шеффер Э., 1981. С. 305, 442-450).

регионов были едины, стимулирует развитие торгово-экономических связей, что было очень выгодно предприимчивым купцам и ремесленникам Мавераннахра.

IX-XII вв. — время максимального расцвета городов, среди которых особенно активно развиваются города Чач-Илака, обладавшие высоким производственным потенциалом. Арабские географы X в. сообщают, что в Хорасане и Мавераннахре нет страны, подобной ему по многочисленности соборных мечетей (на Востоке это был основной показатель статуса города³), возделанных селений, по обширности и обилию построек⁴. Из 200 городов Средней Азии в этот период около 50 восточные историки размещали в Чач-Илаке, выделяя в их числе 6 крупных городских центров — Бинкет — столица Чача, Харашкет — второй по значимости город Чача, Тункет — столица Илака, Нукет — вторая столица Илака, а также Банокат, Штуркет.

Этот быстрый взлет городской культуры историка средневековых городов Средней Азии называли «урбанистическим феноменом Чача» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 195).

Библиография:

Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973 — Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Бичурин, 1950 — Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.-Л., 1950. Т. II.

Буряков, 1956 — Буряков Ю.Ф. Городище Минг-Урюк в Ташкенте // Труды САГУ. Вып. 81. Ташкент, 1956.

Буряков, 1966 — Буряков Ю.Ф. О локализации древнего Хаса // Материалы по истории Узбекистана.

Ташкент, 1966.

Буряков, 1982 — Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы городской культуры ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

Григорьев, 1940 — Григорьев Г.В. Каунчитепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.

Дионисий Периегит, 1940 — Дионисий Периегит // Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. — III в. н.э.). Ташкент, 1940.

Древнетюркский словарь, 1963 — Древнетюркский словарь. Л., 1963.

Зильпер, 1972 — Зильпер Д.Г. Минг-Урюк — древнейшее городское образование // Древности Ташкента. Ташкент, 1972.

Литвинский, 1973 — Литвинский Б.А. Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели) // Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н.э.). Ереван, 1973.

Манби, Халид, Перриман, Арутюнова, Сулейманов, Муминов, 2006 — Манби Дж., Халид Ф., Перриман А., Арутюнова В., Сулейманов Р., Муминов О. Опыт применения GIS-технологий в археологическом изучении древней системы поселений Каршинского оазиса // Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Ташкент-Карши, 2006.

Пенти Аальто, 2005 — Пенти Аальто. Имя «Ташкент» // SHYGYS. Алматы, 2005. № 1.

Страбон, 1940 — Страбон. География. VII. 3, 12 // Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. — III в. н.э.). Ташкент, 1940.

Хенниг, 1961 — Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961.

Шеффер, 1982 — Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах империи Тан. М., 1981.

Pentti Aalto, 1977 — Pentti Aalto. The name of Tashkent // Central Asian Journal. Vol. XXI № 3-4. Wiesbaden, 1977.

Shafer, 1963 — Shafer E. The golden Peaches of Samarkand. A Studies of Thang Exotics. Bearchley-Los Angeles, 1963.

³Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 135.

⁴Абуль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны / Пер. Е.К. Бетгера // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Ташкент, 1956. С. 22.

Глазурованная керамика Согда, Чача и Хорезма конца VIII – начала XIII в.

из собрания Государственного музея искусства народов Востока (опыт сравнительного анализа)

В коллекции домонгольской глазурованной керамики нашего музея выделяются три региональных комплекса – согдийский (преимущественно Самаркандский Согд), чачский (Бинкет) и хорезмийский (южный Хорезм, городище Джигербент). Наиболее массовой и представительной является согдийская группа, она насчитывает более трехсот целых форм и выразительных фрагментов. Ее основу составили коллекции Б.Н. Кагальского и А.И. Смирнова, дополненные единичными дарениями других собирателей и материалами раскопок САЭ ГМИНВ на городище Дурмен. Подавляющее большинство экспонатов комплекса найдены вне археологического контекста, состав коллекции является результатом более или менее произвольного выбора коллекционеров-собирателей. Вместе с тем в силу массовости этой выборки в музее представлены все хронологические периоды развития глазурованной керамики и, насколько я могу судить, практически все известные в Средней Азии типы изделий.

Группа керамики из Чача на порядок меньше, она насчитывает немногим более 20 целых сосудов, датирующихся X–XI вв. Все они найдены одним коллекционером при строительных работах на территории современного Ташкента. В процессе отбора сосудов, предложенных нашему музею, предпочтение, естественно, отдавалось наиболее ценным в художественном отношении образцам. Таким образом, комплекс керамики Бинкета представляет собой «выборку из выборки».

Единственный строго археологический комплекс глазурей, хранящийся в нашем музее, представлен материалами раскопок цитадели городища Джигербент (южный левобережный Хорезм), переданными Хорезмской экспедицией ИЭ АН СССР. В коллекции восемь целых сосудов, происходящих из закрытых комплексов IX и начала XI вв., более десяти археологически целых форм, позволяющих судить об их декоративной композиции в целом, и многочисленные фрагменты, тип которых поддается определению. На Джигербенте

отсутствуют слои XI в. позднее 1017 г. (разрушение города Махмудом Газнийским), в хорезмшахский период город снова функционирует. Керамика, найденная на памятнике, скорее всего, изготовлялась на соседнем и синхронном Джигербенту городище Садвар, где обнаружены остатки керамического производства.

Перед нами три группы керамики, различным образом сформировавшиеся, три выборки разного типа, пересекающиеся не на всех хронологических этапах. Тем не менее мне представляется возможным и интересным попытаться сравнить комплексы глазурованных изделий трех исторических областей Средней Азии, принимая во внимание все перечисленные особенности нашей коллекции.

При сопоставлении комплексов учитываются следующие параметры: присутствие определенного типа глазуры, его удельный вес в комплексе и стилистические особенности декора внутри имеющегося типа.

Для периода конца VIII–IX в. сравниваются комплексы Согда и Хорезма, для X – начала XI в. – все три региона, для XI в. – Согд и Чач, для XII – начала XIII в. – Согд и Хорезм. При описании формы изделий и типов глазуры используется классификация, разработанная Г.В. Шишкиной (Шишкина, 1979).

Керамика конца VIII–IX в.

I. Однотонная непрозрачная и полупрозрачная глазурь по черепку

(внутри типа делится на группы в зависимости от цвета глазури):

1. Зеленая глазурь.

Согд – единичные, в основном закрытые формы, светлый черепок т. н. «самаррского» типа. *Хорезм* – фрагмент плечиков горшка и ручка кувшина, глазурь полупрозрачная, светлый черепок.

2. Бирюзовая глазурь.

Согд – единичные фрагменты чаш с развернутым бортом, светлый черепок.

Хорезм — фрагменты чаш с развернутым бортом, в одном случае с волнистым краем, светлый черепок.

3. Сочетание темно-зеленой глазури внутри и бирюзовой снаружи.

Согд — нет.

Хорезм — наиболее часто встречаемая группа, как правило, толстостенные сосуды с цилиндрическим бортом, светлый черепок.

II. Роспись по белой непрозрачной глазури (внутри типа делится на группы в зависимости от характера росписи):

1. Роспись зелеными потеками.

Согд — открытые формы, чаши с развернутым бортом, потеки радиальные.

Хорезм — два узкогорлых кувшина с потеками от горла.

2. Роспись пятнами зеленого цвета.

Согд — небольшие открытые формы, пятна концентрическими кругами.

Хорезм — нет.

3. Роспись пятнами в сочетании с марганцево-черными линиями.

Согд — нет.

Хорезм — два фрагмента чаш, в одном случае мотив ветви с плодами.

4. Роспись зеленым и марганцево-черным в стиле «резерва» на точечном фоне.

Согд — доминирующая в IX в. группа, представлены чаши, блюда с разнообразными композициями, первый опыт эпиграфического декора.

Хорезм — один фрагмент чаши с развернутым бортом.

III. Роспись по черепку под полупрозрачной глазурью (нанесенная черная основа рисунка дополнена желтым и зеленым):

1. Секторная композиция.

Согд — одна чаша, чередуются желтые и зеленые полосы.

Хорезм — фрагмент чаши, сектор заполнен желтым.

2. Композиция с зубцами мерлонов.

Согд — один фрагмент края блюда.

Хорезм — один фрагмент чаши.

3. Сетчатая основа, дополненная зелеными и желтыми точками.

Согд — нет.

Хорезм — две полусферические чаши.

Комплексы Согда и Хорезма этого периода обнаруживают большое сходство, в обоих случаях представлены основные для Средней Азии типы глазурей. Единственное существенное отличие составляет резкое доминирование сосудов с надглазурной росписью «резервом» на точечном фоне в согдийской группе изделий.

Керамика X — начала XI в.

I. Однотонная окрашенная глазурь по черепку.

Согд — нет.

Чач — нет.

Хорезм — сочетание зеленой стекловидной глазури внутри и бирюзовой снаружи. Архаический тип, сохранившийся с IX в., но с кремовым или розовым черепком.

II. Однотонная окрашенная глазурь по белому ангобу:

1. Прозрачная зеленая глазурь.

Согд — многочисленная группа. Кувшины, небольшие чаши, светильники, чернильница с ажурными стенками.

Чач — нет (возможно, из-за ординарности типа, результат «двойной выборки»).

Хорезм — многочисленная группа. Небольшие чаши и светильники.

2. Прозрачная коричневая глазурь.

Согд — нет.

Чач — ажурная курильница, подражание бронзовым изделиям. Отметим близкое сходство с ажурной чернильницей из Согда.

Хорезм — нет.

III. Однотонная окрашенная (зеленая) глазурь с подглазурной гравировкой по ангобу.

Согд — многочисленная группа. Открытые формы, гравировка сетчатая, полосчатая, завитки.

Чач — нет. Этот тип более характерен для Чака в XII в. (Брусенко, 1986, с. 66).

Хорезм — немногочисленные, невыразительные фрагменты с гравированными поясками по борту, фрагмент донца с розеткой.

IV. Монохромная и полихромная роспись по белому или цветному ангобу под прозрачной бесцветной глазурью. (Для Хорезма речь идет только о росписи по белому ангобу, красный и черный ангоб не использовались.)

Это самый распространенный тип глазурованной керамики, представленный во всех трех регионах. Роспись, как правило, выполнялась коричневым, терракотовым и белым, иногда монохромный рисунок оживлялся красными и зелеными крапинами (Согд, Хорезм). С середины X в. распространяется роспись фисташковым и оливково-зеленым (Шишкина, 1979, с. 59; Брусенко, 1986, с. 51). Некоторые детали рисунка выделяются процарапанными до белого ангоба линиями. Эти характеристики типа присущи керамике всех трех регионов. Внутри типа выделяются группы в зависимости от композиционных схем, орнаментальных мотивов и их элементов. На этом уровне обнаруживаются определенные различия. Отметим некоторые из них, представляющиеся существенными.

1. Роспись, выполненная «резервом» на точечном фоне.

Согд — одна из самых многочисленных групп. В этой манере расписаны чаши с растительным, геометрическим орнаментом и значительная часть сосудов с эпиграфическим декором.

Чач — одна чаша с куфической надписью и одна чаша, где точечный фон теряется в ярком плетеном орнаменте.

Хорезм — одно дно чаши с многолепестковой розеткой.

2. Композиции с бутонами и букетами.

Согд — две чаши рубежа X–XI вв., букеты сравнительно простые, выполнены с применением красного цвета.

Чач — одна чаша рубежа X–XI вв. (Пуасова, Wischnewskaaya, 2002, Abb. 9) с необычайно пышным двойным букетом.

Хорезм — одна чаша начала XI в. Наиболее лаконичный, монохромный вариант сюжета сильно отличается от более пышных и ярких композиций *Согда* и *Чача*, но практически идентичен росписи на сосуде их Замахшара (Вактурская, 1959, рис. 8, J).

3. Композиции с пальмовыми ветвями.

Согд — несколько фрагментов с ветвями оливково-зеленого цвета.

Чач — чаша с крестообразно расположенными ветвями в оливково-зеленой гамме.

Хорезм — нет.

Другие растительные элементы (розетки, пальметты, побеги) в разных сочетаниях присутствуют в керамике трех регионов, это же касается и геометрических элементов. Но в тех случаях, когда сохранилась вся композиция, становится ясно, насколько по-разному они komponуются. Характерны в этом отношении две чаши начала XI в. из Джигербента. И композиция, и взаимосочетание элементов отличаются от декора изделий *Согда* и *Чача*, находя при этом полную аналогию в керамике Замахшара (Вактурская, 1959, рис. 8, I2).

4. Плетеный орнамент.

Согд — несколько чаш со сложным плетеным орнаментом, занимающим всю поверхность чаши. Отдельные элементы плетения включены в декор многих изделий.

Чач — две чаши с плетеным орнаментом и одна чаша с эпиграфическим декором с элементами плетения.

Хорезм — один фрагмент донца чаши, выделяется из общей стилистики комплекса.

5. Эпиграфический декор.

Согд — многочисленная группа. Примерно половина надписей выполнена простым «куфи» по белому, реже черному фону. Остальные

надписи — керамическим курсивом или простым «куфи» в стиле «резерва» на точечном фоне.

Чач — три чаши и один кувшин с надписями почерком «цветущий куфи». Две маленькие чашки с надписями «куфи» на белом фоне. Одна чаша с надписью «куфи», выполненная белым по красному ангобу под прозрачной желтой глазурью. Одна чаша с куфической надписью «резервом» на точечном фоне (Пуасова, Wischnewskaaya, 2002, Abb. 1-5).

Хорезм — эпиграфический декор практически отсутствует, отдельные фрагменты сосудов с псевдоэпиграфическими мотивами и нечитаемая надпись на дне одной из чаш начала XI в.

6. Зооморфные мотивы представлены во всех трех регионах, преобладают фигурки птиц. Стилистически все изображения животных столь различны, даже в пределах одного регионального комплекса, что сравнительный анализ не представляется возможным.

V. Роспись по цветному ангобу под прозрачной цветной глазурью.

Согд — горшок с белой росписью по красному ангобу под желтой глазурью; кувшинчик с белой росписью по черному ангобу под зеленой глазурью; два фрагмента чаш с белыми надписями по черному фону под зеленой и желтой глазурями.

Чач — кувшинчик с росписью черным по красно-коричневому под желтой глазурью и чаша с надписью белым по красному ангобу под желтой глазурью.

Хорезм — нет.

VI. Роспись желтыми, зелеными и коричневыми потеками поверх гравированного по белому ангобу рисунка под прозрачной бесцветной глазурью.

Согд — массовый тип изделий.

Чач — нет.

Хорезм — массовый тип, две целые чаши и множество фрагментов.

Для X — начала XI в. отметим значительное сходство керамики *Согда* и *Чача*. Различия заключаются в отсутствии в коллекции из Бинкета керамики, расписанной желто-зелеными потеками, и единичность вариантов росписи «резервом». Для согдийского же комплекса интересно полное отсутствие изделий с надписями, выполненными почерком «цветущий куфи», богато представленных в коллекции из *Чача*. Керамический комплекс *Хорезма* имеет более существенные отличия на технологическом уровне: не используются цветные ангобы и глазури. Но и в случаях, когда типы глазури совпадают с согдийскими и чачскими, сам стиль росписей все же различается.

Керамика XI в. дает мало материала для сравнения. Коллекция Чача этого времени представлена чашей с четырьмя букетами, вполне сопоставимыми с согдийскими вариантами этого мотива.

Керамика XII – начала XIII в.

I. Однотонная непрозрачная бирюзовая глазурь по ангобу.

Согд – чаши, пиалы, кубки, узкогорлый кувшин. Глазурь нанесена на белый ангоб, иногда придонная часть покрыта темно-красным ангобом. Этот тип появляется в Согде еще в XI в. и продолжает существовать позднее (Шишкина, 1979, с. 51).

Хорезм – чаши и пиалы. Встречается вариант нанесения глазури на темно-красный ангоб, прием, более типичный для Бухарского Согда (Шишкина, 1979, с. 51, 65). Интересен фрагмент кубка с выемчатым орнаментом в нижней части – может быть, попытка имитации кашинной посуды с рельефным декором.

II. Гравированный по белому ангобу орнамент под непрозрачной цветной (желтой) глазурью.

Согд – нет.

Хорезм – массовый тип изделий.

III. Роспись черным по белому ангобу под прозрачной синей глазурью.

Согд – крышка, чаши. Роспись с четким контуром линии.

Хорезм – нет.

IV. Роспись в сочетании с гравировкой по белому ангобу под прозрачной цветной глазурью:

1. Роспись точками и пятнами под желтой глазурью.

Согд – нет.

Хорезм – одна из самых распространенных групп керамики. Зеленые и коричневые точки дополняют гравированную основу рисунка.

2. Расплывчатая роспись черным в сочетании с гравированным орнаментом по белому ангобу под прозрачной синей глазурью.

Согд – нет.

Хорезм – массовый тип изделий. По манере нанесения гравировки и росписи потеками эта группа, возможно, близка к росписи жел-

то-зелеными потеками, но в другой цветовой гамме.

Кашинная посуда и сосуды в стиле минаи представлены в согдийской коллекции единичными сосудами, в комплексе Джигербента их нет.

Большое сходство комплексов Согда и Хорезма в конце VIII–IX в. может объясняться подражательностью ближневосточным образцам, отсутствием самостоятельной керамической школы. Уже на этом раннем этапе в Согде широко распространяется надглазурная роспись на точечном фоне, положившая начало «металлическому» стилю керамического декора. В X – начале XI в. складываются три самостоятельные традиции изготовления глазурованной керамики. Две из них, согдийская и чачская, очень близки, различия заключаются в преобладании того или иного типа. Возможно, существовало некоторое отличие в школах каллиграфии. Хорезмийский комплекс керамики имеет более существенные отличия на технологическом и стилистическом уровне. Вместе с тем хорезмийская школа вполне вписывается в общий контекст среднеазиатского керамического производства. В хорезмшахский период керамика Джигербента достигает высокого ремесленного уровня, сопоставимого с изделиями других крупных центров, но сохраняет при этом несомненное своеобразие.

Библиография:

Брусенко, 1966 – Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент, 1966.

Вактурская, 1959 – Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма. // Труды ХАЭФ, т. IV, М., 1959.

Вишневская, 2001 – Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента. М., 2001.

Шишкина, 1979 – Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

Пьясова, Wischnewskaya, 2002 – Пьясова S., Wischnewskaya N. Glasierte Keramik von Binket (Taschkent) aus der Sammlung des Staatlichen Museums für Orientalische Kunst // Tribus 51. Stuttgart, 2002.

Опыт реконструкции древних оросительных систем Самаркандского Согда дистанционными методами

В течение последних лет коллективом сектора археологии Средней Азии ОМК и ДИ Государственного музея Востока под руководством Г.В. Шишкиной ведутся комплексные археолого-картографические исследования Пастдаргомского района Самаркандской области. Основой археологического мониторинга и изучения исторического ландшафта региона стали результаты полевых исследований, включающие данные разведки Среднеазиатской экспедиции ГМВ в 1985–1991 гг., материалы государственной аэрофотосъемки и карты. На сегодня по данным карт, аэрофотоснимков, археологических разведок паспортизировано более 700 археологических памятников, изучены особенности водоснабжения; по мере возможностей реконструирована гидрография естественных и ирригационных водных систем как у отдельных памятников, так на территориях выделенных оазисов.

Исследуемый регион расположен в долине среднего течения Зеравшана, в левобережье его южного рукава – Карадарьи, в западных районах Самаркандского Согда. Плодородная Зеравшанская долина, вытянутая с востока на запад между Зеравшанским и Туркестанским хребтами, окружена с севера и северо-запада степными просторами. Так же как и в большинстве среднеазиатских территориальных ландшафтных комплексов, в Самаркандской области сочетается 80 % равнинного и 20 % горного рельефа (Бабушкин, Когай, 1975, с. 5-6).

Геоморфология Самаркандской области характеризуется сочетанием широких пойм и надпойменных террас реки Зеравшан, предгорных лессовых равнин и адыров. Структура подгорных оазисов, формирующих террасы, представляет собой толщи лесса. Оазисы, расположенные на более древних террасах рек, относящиеся к особому типу древних ландшафтов, занимают промежуточную полосу между равнинами и предгорьями.

Равнинная область сложена древними и современными речными отложениями. На ее внут-

ренних участках, в районах древних речных террас, простираются современные террасы, относящиеся к хозяйственно-культурному типу исторических ландшафтов с развитым орошаемым, богарным земледелием и животноводством (Берг, 1952, с. 147-148; Почвы Узбекистана, 1975, с. 13-15; Бабушкин, Когай, 1975, с. 5-6).

Горные склоны Зеравшанского хребта ограничивают Пастдаргомский район на юге, составляя наиболее высокую часть его территории. Геоморфология аллювиальной Зеравшанской равнины, ее повышенное расположение сказались на условиях поверхностного и подземного стока, на характере водно-солевого обмена в почве и на формировании в оазисе агроклимата (Корженевский, 1959, с. 30-32).

В пределах Самаркандского Согда равнина имеет уклон с юга на север до Зеравшана, поэтому направление стока вод происходит с юга, юго-востока и юго-запада на север (Мухамеджанов, 1969, с. 295; Исамиддинов, 2002, с. 27).

Техника и характер орошения региона с древних времен зависели от особенностей гидрографических, геоморфологических условий, почвенного покрова, технического и социально-экономического развития общества. Благоприятные физико-географические условия и мягкий климат, наличие речных долин, плодородных почв, полезных ископаемых способствовали освоению региона с древнейших времен (Исамиддинов, 2002, с. 4).

Наши исследования охватывали территорию более 1164 кв. км западных районов от города Самарканда в пределах водных артерий: с севера – Карадарьи; на западе – Аксаия и арыка Карасу; на юге – конусы выносов саев, стекающих с Зеравшанского хребта; на востоке – Даргома.

В реконструкции оросительных систем исторического ландшафта данной территории использовались материалы государственной аэрофотосъемки 1973 г. (М 1:12 000, М 1:36 000; М 1: 39 000) и карты конца XIX – начала XX в., 1950–1960-х,

1970-х гг. (М 1:100 000). Значительную помощь в работе оказал собранный из снимков (М 1:12 000) в громадное «полотно» фотомонтаж Пастдаргомского района, благодаря большой обзорности удалось реконструировать гидрографию не выраженных в рельефе распаханых, разрушенных древних оросительных систем. Детальный анализ антропогенного ландшафта в процессе дешифровки аэрофотоснимков помог выявить отдельные уничтоженные археологические памятники, курганы и уточнить их топографию.

В силу антропогенного и природного факторов, повлиявших на сохранность древних ирригационных сооружений, наши исследования основывались на разработанных в гидрологии и картографии методах специального и аналитического дешифрирования (Кудрицкий, Попов, Романова, 1956).

Специальное дешифрирование включают систематизацию индикационных признаков, по которым проявляются на аэрофотоснимках сохранившиеся в ландшафте естественные и искусственные водные артерии (Андрианов, 1969, с. 41). На следующем этапе аналитического дешифрирования данные и материалы комплексных археолого-географических исследований учитываются в реконструкции динамики орошения региона.

На аэрофотоснимках видно, как руслами временных и постоянно действующих водных артерий в основном меридионального направления и разнообразными и разновременными ирригационными системами разработан эрозионный речной рельеф, представляющий три варианта гидрографического рисунка: 1 — линейно-параллельный; 2 — разветвленный; 3 — решетчатый. (Кизельватер, Раскатов, Рыжова, 1981, с. 75-76).

На юге преобладают русла действующих саев Агалыксая, Капакульсая, Миранкульсая, Тепакульсая, Сазагансая и Аксая и ложа высохших сезонных речек (вариант 1, 2). Саи у выхода с гор в период паводков растекаются по конусу выноса, образуя веер эрозионных потоков. Окружающий ландшафт, запечатленный на аэрофотоснимках, представляет собой осветленные земли, покрытые едва заметными прерывистыми линиями распаханной богары и протяженных проселочных дорог. На светлом фоне пашни проявляется контрастный темный рисунок стариц и ложа древних оросительных систем.

В центре района широкая горизонтальная полоса сложного «решетчатого» рисунка из эрозионных борозд, валов, промоин и глубоких оврагов вдоль Олдынсая, Эски-Анхора (вариант 4), пересекает территорию района с востока на запад, разделяя ландшафт на южные и северные водные системы.

На севере преобладает меридиональный разветвленный вариант водоносителей — Дурменсая,

Хауза, Карасу, Катгасая, арыка Анхор (вариант 3).

В процессе гидрологического дешифрирования Пастдаргомского района типичные фотоизображения (видимых и невидимых визуально) естественных и ирригационных водных систем были объединены в блоки — Б.І, Б.ІІ.

Естественные водные артерии саи, небольшие речки, ручейки составляют блок Б.І. На монтаже аэрофотоснимков видны зональные различия антропогенного ландшафта. Так, на юге в предгорно-равнинном оазисе светлые извилистые русла саев ярко контрастируют на темно-сером фоне окружающего ландшафта.

Из всех перечисленных выше южных русел саев самым крупным является Агалыксай, обозначенный на картах как одноименный овраг. Его широкая осветленная пойма с темной извилистой линией действующего водного потока среди пестрого ландшафта и осветленной пашни пролегает в юго-восточной части Пастдаргомского района. На равнине вследствие уменьшения уклона, падения скорости течения и разливов весенних паводков русло расширяется, образуя пойму со сложным рисунком из перекастов, плесов, речных островов. Следуя на северо-восток, вблизи водохранилища Хишрау, русло Агалыксая теряется на сложно структурном антропогенном участке, изрезанном меридиональными сухими руслами преимущественно разновременных каналов, перепутанных и нарушенных светлыми аморфными вытянутыми пятнами распаханых полей, сетью тонких белых линий дорог и тропинок.

Севернее, за пределами Эски-Анхора, на светлом фоне пашни проявляются затемненные небольшие отрезки двух древних русел Агалыксая — Аг. 1, Аг. 2. Русла зафиксированы с востока у древней излучины Эски-Анхора. Широкий изгиб протока Аг. 1, проявляющийся на светло-сером «в линейку» распаханном поле по едва заметному темному контуру береговой полосы и слегка затемненному ложу, поворачивает на запад и теряется у территории суперфосфатного завода. Зафиксировать его продолжение удалось северо-восточнее кишлака Янгиер, ниже по течению ложе пересекает арык Анхор и южнее кишлака Болталы-Боло проток Аг. 1 соединяется с Даргомом. Земли вдоль трассы канала Эски-анхор обследовались экспедицией С.К. Кабанова. В районе его головного сооружения, располагавшегося на одном из ответвлений Агалыксая, возле селения Хишрау, сохранились развалины поселений типа усадеб (Кабанов, 1959, с. 154-155). Ранее А.И. Тереножкин на основании подъемного археологического материала пришел к выводу, что территории вдоль Эски-Анхора начали осваиваться в V в. до н.э. (Тереножкин, 1947, с. 186). На западном берегу старого русла Агалыксая располагается сельское поселение Чоштепа VI-IV вв. до н.э.

В русле протока-1 размытый фон береговой полосы перекрывает округлой формы тепе-132 (замок), обследованное в 1990-х гг. разведочным отрядом экспедицией ГМВ. Данные для точной датировки памятника отсутствуют. На основании особенностей его топографии, различиях демаскирующих признаков обоих протоков и археологических материалов округа можно предполагать, что проток Аг.1 действовал задолго до постройки замка (тепе-132), очевидно, в VII-V вв. до н.э.

Русло протока Аг. 2 отличается от выше описанного протока Аг. 1 не только размерами, но и дешифровочными признаками. Его узкое осветленное извилистое ложе, обрамленное темными размытыми полосами берегов с редкими эрозионными оврагами, пролегает под каналом Эски-Анхор, огибает суперфосфатный завод с востока и, следуя на северо-восток, недалеко от завода уходит в овраг Даргома. На юго-западе вблизи правого берега Эски-Анхора находится тепе-196, а северо-восточнее тепе-197 и тепе-462. Тепе-196 и 197 по типологии Г.В. Шишкиной относятся к замкам. Последний — подпрямоугольный в плане (ок. 96х60 м) с высокой хозяйственной площадкой и кешком конической формы (ок. 48 м в диаметре). Индикационные признаки протока Агалык 2 относительно протока Агалык 1 указывают на его более позднее происхождение, а топография и типология памятников позволяет предположить, что проток Агалык 2 действовал в раннем средневековье.

Из вышеизложенного следует, что зафиксированный отрезок протока — Аг. 1, возможно, одно из древнейших русел Агалыкская, действовавший задолго до строительства канала Даргом (Шишкина, 1987, с. 164-170; Исамиддинов, 2002, с. 23-24). Допускаем, что один из отрезков Даргома, дублируя гидрографию, проходит по древнему руслу Агалыка 1.

Позднее, в раннем средневековье, давно исчезнувшее русло протока Агалыкская 1 попало в земледельческую округу тепе-132.

Б.И.б. В западных районах от Агалыкская на темно-сером фоне окружающего ландшафта параллельно друг другу читаются светлые русла Капаккульская, Тепакульская (Б.И.а.).

Современное яркое осветленное русло Тепакульская и Капаккульская вследствие уклона равнины мигрировало с юго-запада на юго-восток, оставив в западных окрестностях не выраженные в рельефе ложа древних русел (Б.И.б.). В археологии разработаны методы поиска и фиксации невидимых визуально древних водных систем (Андрианов, 1969; Галиева, 2002, с. 71-85). Аналогичные, не сохранившиеся в рельефе древние водотоки были зафиксированы на аэрофотоснимках по конфигурации, растущему кустарнику по береговой линии или тону почв. Гидрологи установили,

что проявляющиеся на аэрофотоснимках темные ложа древних протоков указывают на присутствие в почвах гумуса, окиси железа.

Гидрография и морфология древнего русла Капаккульская (Кап. 01.) хорошо читается на аэрофото. Южный отрезок русла представляет собой широкую темную аморфную полосу древней поймы с витиеватым «рисунком» светлых эрозионных размывов, криволинейно расходящимися ручейками и извилистым ложем русла посередине. В отличие от южной части русла, его северный отрезок имел четкие контуры берегов и извилистое русло. (Кап. 01), по которому в последствие был проведен канал (Кап. 2; Б.П.а). Установить время его функционирования возможно было бы по материалам с расположенных по берегам памятников (339, 340, 341, 250, 251, 252, 253).

Древнее русло Тепакульская (Теп. 01.) проявляется среди пестрого ландшафта широкой плавно изгибающейся полосой. Его северный отрезок в пределах Олдынская пересечен сухими руслами временных потоков.

Блок Б.И.в представляет действующие саи или сухие русла в виде оврагов на севере Пастдаргомского района, и, как было сказано выше, здесь преобладает разветвленный вариант (в. 3) речных систем — Дурменская, Хаузак и Карасу (овраг). Северные территории региона, по которым протекали саи, представляют собой внутренние участки равнинной области, сложенные древними и современными речными отложениями и с древности используются под орошаемое земледелие. На речной морфологии и истории развития долины саев сказались физико-географические условия, постепенный уклон рельефа от гор на юге и к Зеравшану на севере. Здесь, вследствие длительного врезания руслового водного потока, глубиной и боковой эрозии, у древних саев сформировалась важнейшая аккумулятивная форма речной долины — пойма. Развитие поймы, расширение днища влечет за собой образование меандров у русла и свидетельствует о стадии старости долины саев (Леонтьев, Рычагов, 1979, с. 149). У Дурменская и Карасу на аэрофотоснимках хорошо фиксируется глубинная и боковая эрозия, широкая пойма, миандрирующее русло, указывающее на их древнее происхождение. В то же время подтверждением долговременного функционирования саев являются археологические памятники, расположенные по берегам Дурменская и Карасу.

Дурменсай (направление с юга на север) с тремя притоками — Калмаксай, Торарык, Кумсай орошают восточные территории Пастдаргомского района. Его извилистую и широкую пойму (ширина на разных участках от 70 м до 180–200 м) демаскирует с востока высокий (около 20 м высотой) обрывистый берег с многочисленными эро-

зионными оврагами. Западный берег сильно размыв и сnivelирован, на отдельных участках сохранились высокие останцы. Тонкая осветленная линия в пойме действующего арыка (ширина около 10 м), повторяющего сложный рисунок пояса меандрирования старого русла, демаскирует светлый тон воды.

На фотомонтаже по берегам Дурменская и его притоков выявлено и локализовано, по данным разведок и итогам дешифрирования, около 60 различных археологических памятников. Из них полевые исследования уточнили локализацию 36 (№№ от 1 до 37) памятников и по аэрофотоснимкам — 24 (№№ от 300 до 325).

Исследования культурного ландшафта в долине Дурменская, данные археологии раскрывают время и специфику расселения с IV—III вв. до н.э. вплоть до эпохи средневековья (Шишкина, Наймарк, 1987, с. 287-289; Галиева, Иневаткина, 2005, с. 281-284).

Ирригационные системы (Б.П.): протяженные каналы (Б.П.а), магистральные каналы с отводами (Б.П.б), мелкая арычная сеть (Б.П.д) обладают основным индикационным признаком — прямолинейностью; их гидрография, независимо от рельефа, неизменно имеет спрямленные контуры в виде светлых полос или темных тонких линий.

Извилистая конфигурация, развитая пойма зафиксированы у долговременных каналов (Б.П.в), а дублирующие каналы (Б.П.г) — в руслах саев.

Почвенные, теневые признаки демаскируют распределительные гидроузлы (Б.П.д), дамбированные русла (Б.П.е).

В процессе дешифрирования выяснилось, что ирригационные артерии в основном сохранились в трех вариантах: в. 1 — протяженные каналы с разработанной поймой на аэрофотоснимке в виде черного широкого контура; в. 2 — каналы с обрывистыми берегами с эрозионными оврагами; в. 3 — каналы, не выраженные в рельефе, но проявляющиеся на аэроснимке.

Блок Б.П.а (вар. 1) представлен протяженными спрямленными или зигзагообразными каналами, гидрографию которых подчеркивают темная полоса. В контрастном цвете поймы каналов и светло-серой окружающей поверхности отразились почвообразовательные процессы, зависящие от механического и минералогического состояния почв, степени влажности: темный тон на снимке может указывать на присутствие в почвах гумуса, окиси железа; светлый фон — свидетельствовать о содержании кремнекислот, карбонатов, хлоридов и т. д. (Кузнецов, 1962, с. 164).

В блок Б.П.а (вар. 2) входят эталонные изображения каналов с высокими берегами, прорезанными эрозионными оврагами. Протяженные каналы данного блока встречаются преимущественно

но в восточных районах исследуемого региона среди сложно структурного ландшафта в окрестностях Эски-Анхора и Олдынсай в левобережье Даргома.

Самый представительный блок Б.П.а (вар. 3), объединивший многочисленные и разнохарактерные ирригационные артерии, не выраженные в рельефе. Только почвенные индикаторы стали ведущим демаскирующим признаком в поиске ирригационных артерий.

На огромных просторах богары на юге, сквозь пашню на западе и северо-западе просматриваются осветленные полосы с темным контуром или тонкие длинные линии ложа каналов. Часто в окрестностях, возвышающихся тепе, сквозь серый фон земли проявляются темные ложа каналов, раскрывающих принцип водоснабжения.

Магистральные каналы (Б.П.б) имеют четкие индикационные признаки — протяженное ложе, ширина которого преимущественно превышает размеры его отводов. Были установлены характерные признаки для древних, долговременно действующих каналов: разработанное извилистое русло, близкое естественным водотокам; береговая овражная эрозия.

Можно предполагать, что каналы с извилистым руслом действовали дольше по времени, чем каналы со спрямленным ложем.

На относительную хронологию функционирования указывают отводные каналы. В тех случаях, если отводы выведены из магистрального канала под прямым углом, к примеру, как в междуречье Тепакульская и Сазаганская, то они относятся к античности, если под острым углом — к ранне-средневековому периоду (Андрианов, 1969, с. 27—42; МХЭ, выпуск 3, 186—188). В 28 км к северу от Сазаганская, вблизи широтного канала в овраге Олдынсай, расположена квадратная в плане крепость Куйтепе с кешком в центре (282). Гидрографию магистрального канала Олдынсай подчеркивают темные обвалованные берега короткими извилистыми линиями оврагов. В южных окрестностях Куйтепе среди серого фона пашни проявляется темное ложе отводного канала длиной 150 м, выведенного из Олдынсай, следующего к юго-западному углу крепостного рва.

Куйтепа (Койтепа), по мнению Исамеддинова М.Х., в античное или эллинистическое время выполнял охранно-сторожевые функции (Исамеддинов, 2005, с. 56). Из чего следует, что ирригационные системы вблизи археологического памятника функционировали в то же время.

К эталонным изображениям, как нам представляется, античной оросительной системы (Б.П.б, в, д.) относятся выявленные в междуречье Капаккульская и Тепакульская и Сазаганская два комплекса ирригационных систем (Ир.с.01; Ир.с.02). Темные ложа мощных извилистых широтных магист-

ральных каналов, выведенных из старых русел меридиональных саев, протяженные разновременные каналы-отводы, распределительные гидроузлы, широкая арычная сеть.

Оросительная система (Ир.с.02) в междуречье Тепакульса и Сазаганса намного мощнее ирригации, расположенной с востока между Капаккульсаем и Тепакульсаем. Широкий магистральный канал, выведенный из старого русла Тапаккульса, следует с востока на запад. Изображение его ложа раскрывает этапы его реконструкций. Отрезок древнего русла выделяется по широкому и сильно извилистому ложу. За долгие годы функционирования вдоль его южного берега образовались эрозионные овраги, а с западного конца по берегам сохранились валы. Западные окрестности этого междуречья интенсивно орошались, здесь хорошо читаются три разновременных распределительных гидроузла (Б.П.д) с серией выведенных под прямым углом меридиональных каналов (6 отводов). Гидрография русел отводов раскрывает не только разницу в мощности водного потока, но и свидетельствует о временном разрыве. А изображение извилистого разработанного ложа каналов, приближенного к руслу естественного водотока, свидетельствует о его раннем происхождении.

Гидрография широтного магистрального канала Ир.с.01, различия индикационных признаков морфологии ложа отводов гидроузла (Б.П.д) ирригационных систем Ир.с.01; Ир.с.02, топография археологических памятников помогли уточнить этапы динамики водоснабжения.

На втором этапе, как нам представляется, проводится протяженный меридиональный канал (Саз.Ир.с.01) в восточных окрестностях Сазаганса, к которому подводится «новый» отрезок (Ир.с.02) широтного канала (Ир.с.01). Севернее от места стыка на восточном берегу возвышается квадратная в плане крепость с кешком в центре (322), южнее тепе-321 и 324.

Таким образом, история развития античных ирригационных систем в междуречье южных саев Пастдаргомского района, как нам представляется, аналогична древней ирригации правобережья Южного Даудана Присарыкамьшской дельты. Исследователи пришли к выводам, что угловатые подпрямоугольные раннеантичные системы с мощными магистральными каналами на рубеже нашей эры сменяются на более экономичные, разветвленные системы. Уменьшается ширина магистральных каналов, увеличивается количество боковых ответвлений, расширяется полезная поливная площадь (МХЭ, 1960, с. 185-186).

Исследования древних ирригационных систем Пастдаргомского района дистанционными методами открывают широкие возможности в реконструкции и развитии истории орошения.

Библиография:

Абдулкасимов, 1983 – Абдулкасимов А.А. Проблемы изучения межгорно-котловинных ландшафтов Средней Азии. Ташкент, 1983.

Андреанов, 1969 – Андреанов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

Бабушкин, Когай, 1975 – Бабушкин Л.Н., Когай Н.А. Природные территориальные комплексы юго-запада Средней Азии. Ташкент, 1975.

Берг, 1952 – Берг Л.С. Географические зоны Советского союза. Т. 2. М., 1952.

Галиева, 2002 – Галиева З.С. Эволюция культурных ландшафтов Восточного Приаралья VII в. до н.э. – VII в. н.э. на примере бассейна Эскидарьялька. Методы реконструкции // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.

Галиева, Иневаткина, 2005 – Галиева З.С., Иневаткина О.Н. Исторический ландшафт Самаркандского Согда (на примере долины Дурменсая) // Центральная Азия. Источники, история, культура. Материалы международного конф. М., 2005.

Исамиддинов, 2002 – Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.

Исамиддинов, 2005 – Исамиддинов М.Х. Южные части Самаркандского Согда в период включения в империю Александра Македонского // Материалы по античной культуре Узбекистана. Самарканд, 2005.

Кабанов, 1959 – Кабанов С.К. Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала // ИМКУ. Вып. 1. М., 1959.

Кизельватер, Раскатов, Рыжова, 1981 – Кизельватер Л.С., Раскатов Г.И., Рыжова А.А. Геоморфология и четвертичная геология. М., 1981.

Корженевский, 1959 – Корженевский Н.А. Природные ресурсы Узбекистана. Ташкент, 1959.

Кудрицкий, Попов, Романова, 1956 – Кудрицкий Д.М., Попов И.В., Романова Е.Д. Основы гидрографического дешифрирования. М., 1956.

Кузнецов, 1962 – Кузнецов В.В. Изучение почвенного покрова пустынь // Аэрометоды изучения природных ресурсов. М., 1962.

Мухамеджанов, 1969 – Мухамеджанов А.Р. К вопросу о водоснабжении Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.

МХЭ, 1960 – Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамьш, Узбой. История формирования и заселения // МХЭ. Вып. 3. М., 1960.

Тереножкин, 1947 – Тереножкин А.М. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана // ВДИ. № 2. М., 1947.

Почвы Узбекистана, 1975 – Почвы Узбекистана. Ташкент, 1975.

Шишкина, 1987 – Шишкина Г.В. Древний Самарканд и его округа // Городская культура Бактрии, Тохаристана и Согда античности, раннее средневековье: Материалы международного коллоквиума. Ташкент, 1987.

Шишкина, 2005 – Шишкина Г.В. Сооружение у стен Исбискета // Центральная Азия. Источники, история, культура: Материалы международного конф. М., 2005.

Шишкина, Наймарк, 1987 – Шишкина Г.В., Наймарк А.И. Историческая топография Дурмен-тепе // Тезисы докладов конференции. М., 1987.

К вопросу о времени функционирования «нижнего города» Кампыртепа

Укрепленную часть городища Кампыртепа (Сурхандарьинская обл., Узбекистан) составляют цитадель и «нижний город». Обособленными частями, относимыми к городищу, являются «пристань» и погребально-культовые сооружения. В 1979–1991 гг. были исследованы верхние слои цитадели (Курбанов, 2000), начато изучение «нижнего города» и погребально-культовых сооружений (Ртвеладзе, 2001б). С 1999 г. на Кампыртепа проводятся крупномасштабные археологические исследования с привлечением зарубежных (в основном российских и японских) археологов под общим руководством академика АН РУз Э.В. Ртвеладзе. Работы главным образом были сосредоточены на изучении «нижнего города» Кампыртепа (Шейко, 2000; Сверчков, 2001; Шейко, Никитенко, 2001; Болелов, 2005а; он же, 2005б; он же, 2005в; он же, 2006; Ильясов, 2006).

На современном этапе исследований в юго-восточной части цитадели зафиксировано наличие слоев селевкидского и греко-бактрийского времени (конец IV – III в. до н.э.). Здесь вскрыт комплекс предвратных сооружений (Ртвеладзе, 2008) и примыкающий к нему участок застройки внутри цитадели (Мкртычев, Болелов, 2006). На восточном склоне цитадели выявлены остатки нескольких помещений эллинистического периода (Сверчков, Восковский, 2006). На противоположной стороне, на склоне естественного холма, открыта терраса с остатками нескольких помещений, датируемых этим же временем (Двуреченская, 2006). Упомянутые постройки являются самыми ранними на городище.

В раннекушанское время цитадель перестраивается и обводится крепостной стеной, которая сохранилась только в восточной части. В юго-восточной части выявлено значительное падение уровня естественного холма, на котором стоит стена цитадели. Видимо, для того чтобы ликвидировать разницу в уровнях, понадобилось нивелировать неровности рельефа. В качестве подсыпки были использованы культурные напластования пре-

дыдущего, греко-бактрийского времени. Раннекушанским временем датируются зафиксированные остатки нескольких домовладений в западной части цитадели (Курбанов, 2000; Восковский, 2002) и ряд керамических комплексов из погребально-культовых сооружений.

В кушанское время цитадель превращается в своеобразный торгово-складской комплекс. Он был застроен более чем полтора десятками домовладений с несколькими помещениями в каждом из них. Большая часть помещений на последнем этапе своего существования служила хранилищами, где находилось от пяти до 15 хумов (Курбанов, 2000).

Основная жилая часть Кампыртепа – «нижний город». Он был обведен крепостной стеной и разделен на блоки-кварталы. Большая часть распанных помещений возведена на выровненной древней дневной поверхности (материк) и относится к одному строительному горизонту. По мнению ряда исследователей, «нижний город» функционировал при кушанских правителях «Сотере Мегасе» (ок. 90–110), Виме Кадфизе (ок. 110–126) и Канишке I (127–150). Было сделано предположение о наличии единого плана застройки «нижнего города», где каждому такому блоку могли быть отведены строго очерченные границы (Русанов, 2000, с. 22–23; Ртвеладзе, 2001а, с. 10). Свидетельством этого служит неправильная планировка ряда помещений, которая была продиктована уже существовавшими к тому времени границами кварталов внутри крепости. Это предположение было подтверждено фактически при раскопках блоков №№ 9, 10 – кварталы «А», «Б» и «В» (Болелов, 2005б, с. 8; 2006, с. 17), а также блока № 2. Финальный этап жизни на Кампыртепа наступает при Хувишке (151–190), монеты которого были обнаружены в погребениях внутри башен №№ 9 и 10 городской стены Кампыртепа (Ртвеладзе, 2001б, с. 82).

После запустения жизнь на городище больше не возобновлялась. Исследователями отмечена разновременность и поэтапность времени обжива-

ния блоков-кварталов. Так, например, для функционирования помещений квартала «А» и «нижнего города» в целом выделено три периода (Болелов, 2006, с. 38). Для помещений блока № 8 в юго-западной части крепости, время строительства которого начинается в период правления «Сотера Мегаса» или Вимы Кадфиза, выделено пять строительных этапов (Никоноров, 2000, с. 138, рис. 1). Несколько этапов обживания зафиксировано при раскопках комплекса помещений, расположенных в восточной части блока № 8 («секция свастик», «восточный комплекс») и прилегающего к нему участка галереи (Ильясов, 2006, с. 74, 83).

Решающим аргументом для датировки времени функционирования «нижнего города» служат находки монет указанных выше правителей. Однако при рассмотрении монетных находок необходимо учитывать стратиграфические условия их залегания. Показательно, что строгой стратиграфической зависимости в распределении монет трех царей («Сотера Мегаса», Вимы Кадфиза и Канишки I), а также их последовательной смене в помещениях с несколькими уровнями полов на городище Кампыртепа не фиксируется. Состав монетной массы оставался практически неизменным на протяжении всего периода существования крепости. В напольном слое и на полах помещений найдены монеты только этих трех правителей. При этом принципиально важной находкой для датировки начала застройки служат монеты Канишки I, найденные в кладке южной стены помещения № 6 блока № 2 и в кладке стен помещений №№ 3, 13 и «переулк» блока № 9 (квартал «Б»).

Таким образом, определяется *terminus ante quem* для начала возведения построек «нижнего города» Кампыртепа — 127 г. н.э.

Этот вывод, как нам кажется, можно распространить и на время функционирования блока ? 8. В своей основе планировка помещений блока ? 8 практически оставалась без кардинальных изменений, только в некоторых из них закладывались проходы, а в прилегающем к ним участке «галереи» — военной улицы возводились сооружения из необожженного кирпича. С учетом отмеченных архитектурных особенностей — квартальная застройка в рамках единого плана — можно сделать предположение о начале строительства по крайней мере пяти блоков-кварталов (№№ 2, 8, «А», «Б», «В») в течение короткого хронологического периода времени — 23-летнего правления Канишки I. С технической стороны при наличии необходимого количества рабочих рук ничего невозможного в этом нет. Как показывает опыт реставрационных работ, проводимых на Кампыртепа начиная с 2005 г., возведение отдельных участков внешней стены и строительство кварталов города могло быть осуществлено в течение всего одного рабочего сезона — весеннее-летнего или летнее-осеннего.

Библиография:

Болелов, 2005a — Болелов С.Б. Кушано-бактрийский археологический комплекс по материалам раскопок Кампыртепа // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург, 2–5 ноября. СПб., 2005.

Болелов, 2005b — Болелов С.Б. Городище Кампыртепа в эпоху Кушан. Предварительные итоги археологических исследований сектора Средней Азии Государственного музея Востока на юге Узбекистана // МКВ. Вып. 4. М., 2005.

Болелов, 2005в — Болелов С.Б. Жилые кварталы Кампыртепа кушанского времени // Материалы по античной культуре Узбекистана. К 70-летию Геннадия Андреевича Кошеленко. Самарканд, 2005.

Болелов, 2006 — Болелов С.Б. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа. (Раскопки 2000–2002 годов) // МТЭ. Вып. 6. Елец, 2006.

Двуреченская, 2006 — Двуреченская Н.Д. Итоги археологических работ 2004–2005 гг. в жилом квартале-блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа // МТЭ. Вып. 6. Елец, 2006.

Ильясов, 2006 — Ильясов Дж.Я. Раскопки в нижнем городе у башни № 7 // МТЭ. Вып. 5. Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. Ташкент, 2006.

Мкртычев, Болелов, 2006 — Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5. Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. Ташкент, 2006.

Ртвеладзе, 2001a — Ртвеладзе Э.В. Предисловие. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 году // МТЭ. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001.

Ртвеладзе, 2001b — Ртвеладзе Э.В. Погребально-культовые сооружения Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001.

Ртвеладзе, 2008 — Ртвеладзе Э.В. Открытие надписей кхароштки на городище Кампыртепа // ИМКУ 36. Ташкент, 2008.

Русанов, 2000 — Русанов Д. Градостроительная культура Кампыртепа эпохи Кушан // МТЭ. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2000.

Сверчков, 2001 — Сверчков Л. Раскопки северо-восточной части Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001.

Сверчков, Восковский, 2006 — Сверчков Л.М., Восковский А.А. Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоев Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5. Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. Ташкент, 2006.

Шейко, 2000 — Шейко К. Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа // МТЭ. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2000.

Шейко, Никитенко, 2001 — Шейко К., Никитенко Г. К изучению квартала-блока № 5 на Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001.

По следам Афрасиабской комплексной археологической экспедиции: 20 лет работ MAFOuz-Sogdiane на городище Афрасиаб (1989-2009)

С момента своего создания в 1989 г. Узбекско-Французская археологическая экспедиция (MAFOuz-Sogdiane), возглавленная Францем Грене и Мухаммаджом Исамиддиновым, стремилась следовать направлениям научной деятельности Афрасиабской комплексной археологической экспедиции, деятельность которой в 1960–1980-е гг. под руководством Г.В. Шишкиной, глубоко изменила научные знания о городище Афрасиаб. Ряд сотрудников АКАЭ были изначально включены в состав новой экспедиции, начавшей действовать на городище Афрасиаб: Б.Д. Кочнев и Л.Д. Соколовская (ныне покойные), Х. Г. Ахунбабаев, Н. Рахимбабаева, И.Д. Иваницкий и О.Н. Иневаткина, ныне сотрудник Государственного музея Востока, которая продолжает свои исследования на цитадели Афрасиаба. В их числе также сотрудник Государственного музея Востока Е.А. Куркина — бессменный архитектор обеих экспедиций. Это взаимосоотрудничество обусловило преемственность методов, стратегии и проблематики исследований.

В данном докладе я хотел бы сопоставить общие перспективы научных исследований АКАЭ и MAFOuz-Sogdiane.

1. Продолжение исследований на первоначальных объектах исследования:

а) Проблематика основания г. Самарканда и вопросы, связанные с его водоснабжением: стратиграфические шурфы 2006–2007 гг., осуществленные Ф. Грене и Ш. Рахмановым на Р-27 (юго-западная зона внешней фортификации), дали возможность датировать время обживания плато началом ахеменидского периода (конец VI — начало V в. до н.э.), что дало возможность подтвердить ранее сделанные предположения О.Н. Иневаткиной. Более ранняя урбанистическая фаза была выявлена на памятнике Кук-тепе, который отчетливо выделяется как предшественник Афрасиаба в долине среднего течения р. Зеравшан. Вопрос о трассификации древнего русла канала Дар-

гом, являвшегося центральным звеном водоснабжения плато Афрасиаба, до сих пор остается предметом дискуссии членов экспедиции (отвод вод предгорных саев либо водозабор из р. Зеравшан в 40 км выше Афрасиаба?!).

б) Последовательные фазы фортификации: исследования MAFOuz-Sogdiane полностью подтвердили последовательную хронологию памятника Афрасиаб, предложенную АКАЭ. Это синхронность возведения оборонительной стены IV, окаймлявшей плато и стены I к югу от акрополя; уменьшение площади древнего города в северной трети в период поздней античности, что выражается в возведении в V–VI вв. н. э. оборонительных стен II–III и повышением уровня цитадели (исследования О.Н. Иневаткиной и Л.Д. Соколовской). Исследования «Бухарских ворот», начатые АКАЭ, были закончены К. Рапеном и М. Исамиддиновым, что позволило выявить две различные фазы греческой оккупации Афрасиаба (ок. 330–230 и 170–150 гг. до н.э.).

с) Цикл афрасиабских росписей: раннесредневековые росписи, обнаруженные в 1965 и исследованные повторно сотрудниками АКАЭ в 1980-х гг., стали предметом новых исследований, позволивших развить идеологическую интерпретацию живописных программ (в особенности соответствия календарных систем и геополитических элементов), а также в предпринятии незамедлительных мер для приостановления процессов деградации росписей в современных условиях. Итогом этих исследований явился colloquium в Венеции, на котором присутствовали члены обеих археологических экспедиций (*Royal Nauruz in Samarkand*, ed. M. Comparetti et E. de la Vaissiere, Piza-Roma, 2006).

д) Керамика: развивая направление научной деятельности Г.В. Шишкиной, Б. Лионе подготовила к изданию, в сотрудничестве с Е.Г. Лушниковой и Л.Ю. Шпеновой, два тома исследований, посвященных изучению керамики средней долины р. Зеравшан с периода поздней бронзы до эпо-

хи монгольского нашествия. Эти публикации намечены к выпуску в 2011 г. и представляют собой первую часть серии «*Fouilles de Samarkand et de Sogdiane: travaux de la Mission archéologique franco-uzbèque*».

2. Исследования на новых объектах:

а) Структуры под мечетью: открытым оставался вопрос о наличии под соборной мечетью Афрасиаба раннесредневекового храма, наличие которого было предложено в данной местности В.В. Бартольдом на основании изучения данных рукописных источников. АКАЭ не смогла из-за недостатка средств до конца исследовать этот вопрос. В период с 1989 по 2003 г. MAFOuz-Sogdiane достигла неожиданных результатов: под соборной мечетью было выявлено наличие дворца позднеомейядского периода (Х. Ахунбабаев, Ф. Грене, И. Иваницкий). В нижележащих слоях под данным дворцом было выявлено зернохранилище, относящееся к первой фазе греческой оккупации Афрасиаба (Ch. Baratin, L. Sève-Martinez, Н. Алмазова). Ряд признаков наводят на мысль о наличии внешней стены храма, разрушенной при постройке дворца, но на сегодняшний день они не могут быть окончательно установлены.

б) Постройки на цитадели: были выявлены две монументальные постройки исламского периода, не отмеченные в рукописных источниках (Ю. Карев). Первой из них является дворцово-парад-

ное здание раннеаббасидского периода, возведение которого можно отнести к времени Абу Муслима. Архитектурные остатки этого здания перекрыты руинами комплекса дворцовых сооружений позднекараханидского периода (XII – нач. XIII вв.). В одном из них был обнаружен уникальный комплекс настенных росписей, иллюстрировавшие сцены дворцовой жизни. Данные живописные фрагменты, представляющие собой новое слово в персидской изобразительной школе, находятся в стадии реставрации в реставрационной лаборатории Института археологии Академии наук Узбекистана для последующего экспонирования в Музее основания города.

3. Начиная с 2003 г. MAFOuz-Sogdiane развивает исследования на других памятниках. Эти исследования позволяют в более емкой и четкой форме исследовать определенные исторические периоды, чем на памятнике Афрасиаб (эпоха бронзы и РЖВ на примере памятника Кук-тепе и курганные могильники к северу от городища Кук-тепе, относящиеся к периоду поздней античности и городище Сангир-тепе, относящееся к ахеменидскому и позднеантичному периодам). Исследования на других памятниках в Согдиане (регион Железных Ворот близ Дербента, саманидо-караханидский караван-сарай Турткуль-тепе близ Заамина) дают новую информацию для углубленного понимания истории этой области.

Городище Каратепе

Городище Каратепе, расположенное на западной окраине г. Даштабад (Ульяново) в Зааминском районе Джизакской области Узбекистана, уже давно привлекало внимание как российских, так и местных исследователей древностей. При этом давались самые противоречивые оценки в отношении его датировки и роли, которую он занимал в древней и средневековой культуре Уструшаны.

Городище имеет четко выраженную цитадель более 15 м высотой, примыкающую к середине южной стены. С западной и восточной сторон она защищена рвами. Восточная сторона цитадели сильно нарушена. Со всех сторон цитадель охватывает территория шахристана 1. К нему примыкает с северо-восточной стороны прямоугольный шахристан 2, окруженный оборонительными стенами. Скорее всего, он был сооружен уже после первого шахристана, вокруг которого визуально стен не прослеживается. Общая площадь городища — около 6 га. Не исключено, что за пределами укрепленной территории располагались еще какие-то постройки, остатки которых сейчас почти не прослеживаются. Можно отметить только холм, расположенный к югу от городища. Подъемный материал можно отнести к раннему средневековью. Встречается этнографическая посуда. По мнению первых исследователей памятника Н.Б. Немцевой и Г.Я. Дрествянской, на этом месте был укрепленный городок с пригородами, а по подъемному материалу он был датирован первыми веками н.э. и вторично обжигался в раннее средневековье. Городок сложился на базе вод Зааминсу и Ходжамушкентсая.

Раскоп 1 был заложен в первом шахристане городища. В ходе раскопок был получен довольно скромный по объему керамический материал, который, однако, дает возможность предварительно характеризовать и уровень керамического производства, и степень обживания городища в течение VI — начала VIII в. н.э. О том, что посуда изготовлялась на месте, свидетельствуют находки керамического шлака и бракованные экземпляры.

Практически вся керамика выполнена на гончарном круге. Достаточно представительным выгля-

дит комплекс крупнообъемной тары (хумы и хумча). Венчик их оформлен просто, в виде валика, шейка сосуда короткая либо отсутствует вовсе. В подъемном материале встречаются сосуды с зашипами в нижней части и знаками на тулове. Подобный прием оформления довольно типичен для этого времени. Сосуды типа горшков выполнены на круге быстрого вращения из глины хорошего вымеса, равномерного обжига. Чаши по качеству изготовления не уступают лучшим образцам сосудов как из самой Уструшаны, так и соседних регионов. Среди кувшинов встречаются довольно крупные сосуды. Некоторые из них украшены процарапанным орнаментом (мотив «падающей волны»), также характерным для VI—VII вв.

В период раннего средневековья здесь находился хоть и небольшой, но город со всеми атрибутами городской структуры: выделенной цитаделью, двумя шахристанами и пригородами. Роль и значение его можно раскрыть только после проведения широких археологических работ. Возникновение его здесь не было случайным хотя бы потому, что он находился на перекрестке торговых и военных магистралей: одна вела из Заамина, а другая — из Джизака. Проведенные небольшие раскопки показали, что городище очень интенсивно развивалось и пережило несколько строительных этапов. Несмотря на то что до материка опуститься не удалось, в относительно небольшом культурном слое выявлено четыре жилых горизонта и столько же строительных периодов. В ходе раскопок не подтвердилось предположения о возникновении города в античный период. Скорее всего, за античную керамику были приняты венчики тонкостенных чаш, которые действительно бывает трудно отличить от бокалов. Подобные чаши встречались и при наших раскопках.

По сути дела, этот стерильный раннесредневековый памятник имеет большое значение для изучения культуры своего времени, и, хотя он уступает по размерам и значению городищу Пенджикент, тем не менее он может дать много информации как не элитный, а рядовой памятник эпохи раннего средневековья.

Плетеный орнамент на глазурованных блюдах Афрасиаба X–XII вв.

Распространение плетеных орнаментов в этот период характерно для различных материалов, технологий и видов прикладного искусства большинства регионов Евразии. Это элементы конструкций и декор архитектурных сооружений (Дебилов, 1982), надгробия, одежда, упряжь, посуда, оружие, надписи и многое другое. Таким образом, плетеный орнамент являлся актуальной изобразительной темой, которая, по моему мнению, в должной мере пока не нашла своего изучения. Впрочем, упоминание о предметах, содержащих плетеный орнамент, весьма многочисленны.

По мнению реставратора А.К. Елкиной (Елкина, 1983), имеются основания считать, что плетеные рисунки на предметах прикладного значения и, в частности, на афрасиабских блюдах, являются репродукциями реальных плетенок из кожи, веревки и пр. Многие предметы, которые некогда были украшены реальными плетеными рисунками, имели круглую форму, например: щиты, шлемы, барабаны, зеркала и пр. Таким образом, композиции, разработанные под оплетение кожей реальных круглых предметов, позже легко могли воспроизводиться в технике рисунка или живописи на иных предметах той же формы.

Наиболее распространенными изделиями прикладного характера на протяжении многих веков являлась керамическая посуда. Именно она была одновременно как эффективным полем для всевозможных экспериментов и новаций, так и для тиражирования выработанных той или иной эпохой художественных штампов. Поэтому появление плетеных мотивов на расписной глазурованной посуде является фактом закономерным: новая тема была быстро освоена в декоре посуды, а несколько позже стала уже традиционным мотивом подглазурной росписи чаш и блюд, в частности афрасиабских блюд X–XII вв. К этому моменту плетеные рисунки были известны на Афрасиабе, например, в качестве резного ганчевого декора «дворца Саманидов» (который на столетие опережает упомянутую подглазурную роспись), кирпичного декора «айвана В» в некрополе, плетеного рисунка михраба мечети и пр.

Мне по роду работы пришлось довольно подробно изучать афрасиабские расписные глазурованные блюда указанного периода в коллекциях Самаркандского государственного историко-художественного музея-заповедника и Ташкентского Государственного музея искусств. Первоначально создалось впечатление, что в плетеные композиции включены разнообразные художественные мотивы и орнаментальные схемы. Среднеазиатская орнаментика всегда изумляет необычайным многообразием мотивов и композиций. Неудивительно, что в одной книжной миниатюре среднеазиатский художник мог нарисовать более десяти орнаментальных рисунков, причем они почти не повторялись и в книге при переходе от одного листа миниатюры к другому. При этом среднеазиатская орнаментика была и оставалась чрезвычайно функциональной на протяжении по крайней мере двух тысячелетий, что нельзя сказать о европейском искусстве украшения архитектурных сооружений и изделий прикладного характера.

Однако при ближайшем рассмотрении многообразия плетеных схем оказалось кажущимся. Композиции, которые по аналогии с европейскими принято называть *розетками*, в большинстве своем в действительности оказались бордюрами, причем чаще всего простыми *косичками*. Первоначально мотив *косичек* появился на венчиках керамических сосудов за несколько тысячелетий до афрасиабских блюд с их подглазурной росписью в виде плетеного орнамента. Первыми рисунками была волнистая линия, которую мастер «гравировал» любым заостренным предметом, перемещая его сверху вниз при одновременном повороте гончарного круга. Затем появились рисунки в две волнистые линии, когда обе обладали одинаковой периодичностью, но были смещены друг от друга на 180 градусов. Если первый рисунок не имел никакого отношения к теме плетения, то уже второй был примером простейшего плетения — *веревочки*. Позже появились рисунки в три линии.

Конечно, первые «гравированные» на необожженной керамической массе *косички* не могли содержать деталей, столь характерных для более позднего периода, а именно характерных признаков пле-

тения, чередования «сверху-снизу-сверху», что позже, с XIV по XVII в., прилежно воспроизводилось в композициях, называемых *герихом*. Но именно в деталях лежит интересная особенность на первый взгляд практически одинаковых орнаментальных рисунков: часть *плетенок* имеют *левое плетение*, а часть — *правое*. Эти различия не могли быть случайными, так как они требуют либо использования разных *ахта*, либо хорошую и разную моторику художника. Плетение в разных направлениях *косичек* означает, что при различном плетении оплетаемый предмет вращался в разных направлениях.

Вообще *тропность* является неотъемлемой частью изобразительной культуры средневекового изобразительного искусства Средней Азии (Шукуров, 1983). Не случайно, например, появление пары идентичных по геометрии (но не по пластике, что, впрочем, не играет в этом вопросе главенствующую роль) *плетеных розеток* (аналогичных розеткам с глазурованной посуды Афрасиаба) на одном портале мавзолея Ак-Астана-баба, расположенного в Сурхандарьинской области (Узбекистан), и датируемых X или XI веком. К сожалению, данные композиции мне известны лишь по фотографиям и я не могу оценить степень их аутентичности (возможно, они претерпели искажения, связанные с ранней или поздней реставрацией, а реставрированные произведения плохо поддаются изучению). Итак, две рядом расположенные композиции имеют одинаковую композицию, но выполнены с противоположным по направлению плетением. Эта деталь, воспроизведенная путем сложного процесса специальным образом выгачивания и кладки кирпича на архитектурном сооружении, еще больше подчеркивает неслучайный характер отмеченных на афрасиабских блюдах различия в плетениях.

Черты *дуалистичности*, просматривающиеся в *правых* и *левых* косичках, очевидны, однако... В средневековье можно отметить две группы дуалистичных пар: «жесткую», категоричную по своему характеру, по-видимому, наследуемую из древности и раннего средневековья — *ал-ваджиб* и *ал-махзур* (*разрешенное* и *запрещенное*) — и «мягкую» — *ал-мандуб* и *ал-макух* (*рекомендуемое* и *не рекомендуемое*). Вероятно, первая пара участвовала в качестве метода социально-религиозных регуляторов; а вторая отвечала за регуляторы в светских общественных институтах. Более того, последняя обладает замечательной особенностью «менять полярность» в зависимости от контекста! Наша пара соответствует именно паре *ал-мандуб* и *ал-макух*.

Другой важной особенностью афрасиабских *плетенок* является их контекст. В отличие от современного зрителя, средневековый сразу прочитывал в сложных рисунках именно косичку, согнутую по линии окружности блюда, а не сложную двумерную *плетеную композицию*. Но оплетенный периметр чаши с яствами был не оберег, как в «языческие» времена. Темой декора многих афрасиабских блюд

того периода были изображения баранов, птиц, рыб, плодов, цветов, а также благожелательные надписи. Несомненно, *плетеный рисунок* должен был соответствовать общему контексту композиций. В литературе отмечаются два значения строчных (бордюрных) *плетений*: сохранение содержания *внутреннего пространства* от влияния *внешнего* (то есть *обереги*) и сохранение содержания внутреннего пространства от убыли, например: смерти, бедности и пр. Таким образом, *плетеный рисунок* как бы удерживал содержание блюда в сохранности, метафорически обеспечивая выполнение благожелательной формулы: «Да будет полна Ваша чаша!» После заполнения блюда яствами изображения на дне уже не читались, и тогда всю смысловую нагрузку выполнял полностью или частично читаемый *плетеный узор*. Исходя из того, что *плетеный рисунок* был широко востребован, можно предположить, что он успешно справлялся с ролью метафоры.

Оперирование направлениями плетения перестает быть инструментом технологии (плетения), но становится инструментом метода (обеспечения понимания контекста), хотя последний не обязательно сводится к материальным носителям. Однако содержание блюд было вполне материальным, и попытка найти некую проекцию дуальной пары *правое* — *левое* в пище пока дал только один известный факт: по крайней мере, со времен средневековья в Средней Азии пища различалась на *горячую* и *холодную*. Эта дифференциация до сих пор успешно используется в профилактических и лечебных целях. К примеру, баранина является исключительно *горячей* пищей, которую до сих пор применяют в качестве нормы правильного питания.

К сожалению, ввиду отсутствия соответствующих источников (жанр среднеазиатских средневековых рукописей не дает много информации относительно светского этикета) эта тема пока не разработана и сегодня возможны только осторожные гипотезы. Но я хотел бы подчеркнуть, что пара *горячий* — *холодный*, согласно среднеазиатской традиции, касается не только пищи, но также минералов и топографии конкретных мест. В связи с тем что до нашего времени дошло довольно большое число средневековых минералогических трактатов, можно надеяться на определенный прогресс в понимании контекста пары *горячий* — *холодный*, пока хотя бы в этом направлении и со временем вернуться к контексту *плетеных композиций* на посуде.

Библиография:

- Дебиров, 1982 — Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982.
Елкина, 1983 — Елкина А.К. Исторические и теоретические принципы построения плетеного орнамента // Художественное наследие. № 8(38). 1983.
Шукуров, 1983 — Шукуров Ш.М. Шах-наме Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М., 1983.

Жилой комплекс великокушанского периода на крепости Кампыртепа

На протяжении шести лет Бактрийский отряд Института археологии РАН в составе Тохаристанской археологической экспедиции ведет исследования на уникальном античном памятнике древней Бактрии — крепости Кампыртепа, расположенной у переправы через р. Аму-Дарья (в древности Окс). Крепость расположена на правом высоком берегу реки в 30 км к юго-западу от г. Термез на самом юге Сурхандарьинской области Республики Узбекистан.

В 2007 г. Бактрийским отрядом Среднеазиатской археологической экспедиции был заложен новый участок раскопа в восточном секторе «нижнего города» крепости Кампыртепа. Он охватил юго-западный террасный край жилого блока-квартала I, непосредственно примыкающий к ранее исследованному террасному краю блока V. Здесь под кушанской застройкой были выявлены периоды непрерывного обживания с III в. до н.э. Представлялось целесообразным завершить исследование всей террасы восточной части «нижнего города», а также установить границы распространения докушанской застройки в этой части памятника.

Особенностью данного участка является его расположение на магистральной части больших размеров промоины, которая тянется от северо-восточного края блока I до его юго-западного края и захватывает северо-западный край блока V. В результате деятельности этой промоины значительная часть архитектурных сооружений была смыта.

Раскоп размером 10х5 м был заложен на уровне -5,30 от реперной точки, отметка его нижнего края -8,00. В процессе зачистки участка выявились контуры материкового холма, частично размытого. В 4 м от восточного края участка; вниз по склону холма, в направлении восток-запад, на отметках -6,43 -6,76 от репера, зафиксированы контуры восточной, южной и северной стен пом. 21, ориентированного по сторонам света с небольшим отклонением на С-В по оси. Как можно предполагать, помещение в плане напоминало трапецию. Западная стена не сохранилась, так же как и значительная часть южной стены. Проход в помещение мог располагаться как в западной несохранившейся стене, так и в юго-западной части помещения. Общие размеры комнаты 2,7х4,5 м. Максимально сохранившаяся высота стен — до 1,3 м. Выше на восток от помещения 21 зафиксирован

только материк, что позволяет предположить использование здесь характерного для всей террасной части Кампыртепа строительного приема: вертикальную подрубку материка и укрепление его кирпичной стеной.

Вновь вскрытое жилое сооружение представляет собой интерес не только благодаря особенностям строительных приемов, использованных при его возведении, но также необыкновенно богатым комплексом индивидуальных находок, включающим 38 предметов, изготовленных из различных материалов.

К разряду наиболее выразительных относятся керамическая матрица для изготовления оттисков женского лица с идеализированными чертами местного этнического типа. Интересен целый ряд штампов из мраморовидного известняка, а также керамических с антропоморфным и геометрическим рисунком. Уникальными являются находки двух пирамидальных керамических грузил с оттисками гемм на верхних площадках, несущих эллинистические образы мужских персонажей. Можно отметить также фрагмент статуэтки с редким типом стоящего в богато украшенных одеждах женского персонажа с круглой лютой в руках. Помимо этого в комплекс находок вошли наконечники стрел, ножи, клык кабана и многое другое.

Важно отметить, что весь публикуемый комплекс хорошо датирован стратиграфически. Датировка концом I в. н.э. — первой третью II в. н.э. подкреплена не только анализом массового керамического материала, но и нумизматическими данными (монетами «Сотер Мегаса» и Вимы Кадфиза). В свою очередь, надежная датировка комплекса серьезно расширяет информационные возможности приводимого реестра индивидуальных находок.

В заключение представляется важным отметить, что наши исследования на юго-западном краю жилого блока I подкрепляют вывод о максимальном развитии крепости в короткий период от правления Вимы Кадфиза до Канишки I, когда под освоение новых жилых площадей интенсивно использовались все резервы внутреннего пространства крепости, и в том числе восточный овраг; проводились значительные по объему планировочные работы по засыпке оврага и созданию многометровых искусственных платформ под размещение новых помещений.

Архитектура дворцовых зданий в Золотой Орде и ее связь с традициями Среднего Востока

Наиболее крупные усадебные дома, изученные в золотоордынских городах Нижнего Поволжья, имеют довольно четкую планировку. Прямоугольные в плане здания разделены меридиональными стенами на несколько рядов помещений. Центральный ряд состоит из входного тамбура, расположенного с южной стороны, и парадного зала, который является композиционным центром здания. С северной стороны мог быть еще один вход с тамбуром, но он не обязателен. С двух сторон от этого ряда помещений находятся жилые и хозяйственные комнаты.

Интересно понять, откуда взялась эта развитая и устойчивая планировка. В постройках этого типа выделяется репрезентативное ядро, состоящее из парадного зала и соединенных с ним помещений, поэтому можно предположить, что хозяевами их были представители высших слоев населения Золотой Орды. Кроме того, большое количество и сложная дифференциация помещений, их богатое оформление позволяют считать некоторые из зданий настоящими дворцами. К ним можно отнести два дворцовых здания на Ахтубинском городище (Плахов, 2008), здание аристократической усадьбы в восточном районе Царевского городища (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970, с. 88-113), три усадьбы Селитренного городища (Федоров-Давыдов, 1994, с. 53-59; Зиливинская, Алексейчук, 2003). Трудно предположить, что планировка этих построек возникла самостоятельно в городах, основанных бывшими кочевниками, поэтому истоки ее нужно искать у народов, обладавших к XIV в. достаточно высокой строительной культурой.

Прежде всего, имеет смысл сравнить богатые усадебные здания Золотой Орды с дворцами самой Монголии. Г. Рубрук оставил довольно подробное описание дворца Угедея в Каракоруме, который представлял собой здание, внутреннее пространство которого разделено на нефы рядами колонн (Рубрук, 1997, с. 155). Раскопки предполагаемого дворца Угедея в Каракоруме экспедицией С.В. Киселева, а также исследования синхронных

по времени дворцовых зданий на р. Хирхира, в Кодуйском городке и на городище Дён-терек показали, что они были построены в китайских традициях (Древнемонгольские города, 1965, с. 138-165, 329-369). Исследованные здания представляли собой многоколонные композиции, поставленные на высокие земляные платформы, облицованные кирпичом и камнем. Базами деревянных колонн, поддерживающих крышу, служили массивные гранитные блоки, крыша была из поливной черепицы с характерными концевыми дисками и отливами. Здания не имели отопления и использовались только для церемониальных целей (Древнемонгольские города, 1965, с. 159).

В зданиях с парадным залом в Золотой Орде нет ничего китайского. Это многокомнатные постройки, состоящие из парадных, жилых и хозяйственных помещений. Сложены они из сырцового и обожженного кирпича. Тем не менее описание Рубрука и Марко Поло, возможно, проливают свет на характер приемов, происходивших в главном зале. Показательно, что вход в него находился с южной стороны, а возвышение, на котором восседал владетель дома, — в северной части. Гости и домочадцы располагались по сторонам. То есть организация пространства парадного зала в усадебных домах Золотой Орды соответствует таковой во дворцах Монголии. Кстати говоря, подобная организация пространства характерна для любого монгольского жилища. Китайская форма дворцовых зданий и их ориентировка была перенята монголами практически в неизменном виде, так как она соответствовала их пространственным представлениям и не противоречила традициям (Минерт, 1990, с. 95).

Другим регионом, в котором следует искать прототипы золотоордынских дворцовых зданий, является Средний Восток, и прежде всего Средняя Азия. Планировка дворцовых и типологически близких к ним усадебных зданий Среднего Востока со II тыс. до н.э. вплоть до XII в. была разобрана и проанализирована С.Г. Хмельницким (Хмельницкий, 1992, с. 211-231; он же, 1997, с. 9 -

84; он же, 2000, с. 169-190; он же, 2006, с. 13-32). Планировочной структурой, которая способствовала наилучшему выражению взаимоотношений власти и подданства, являлась дворово-айванная композиция, которая состояла из большого прямоугольного двора и открытого во двор айвана, лежащего на продолжении дворовой оси. В камерном варианте двор заменялся залом, а айван — нишей.

Та же зально-айванная планировка отчетливо прослеживается в золотоордынских усадебных домах. Особенно явственно она выражена в планировке здания 1 на Ахтубинском городище (Плахов, 2008), центральный ряд помещений которого состоит из открытого во двор айвана, квадратного зала, соединенного с парадным айваном, и небольшого помещения, расположенного за айваном. Юго-восточный угол здания занят обширным залом, к которому с севера и запада примыкает узкое помещение сложной конфигурации. То есть здесь наблюдается еще один планировочный прием, известный в архитектуре Средней Азии, — приемный зал, расположенный в одном из углов здания и охваченный Г-образным кулуаром. Таким образом, в этой усадьбе присутствует сочетание дворово-айванного плана с асимметричной планировкой, характерной для замков 4-го типа по С.Г. Хмельницкому (Хмельницкий, 2000, с. 67).

Несмотря на очевидное сходство золотоордынских усадебных домов этого типа с дворцовыми и усадебными постройками Среднего Востока, нельзя не отметить существенное отличие в ориентировке парадных помещений. В Золотой Орде парадные помещения организованы по «монгольским» принципам, то есть вход всегда находится с южной стороны, а парадный айван — с северной. В зодчестве других стран этот принцип не имеет значения, и парадные помещения ориентированы произвольным образом. Например, в северном

комплексе «верхнего дворца» в Хульбуке было несколько дворово-айванных групп, и все они имели различную ориентировку (Хмельницкий, 1997, с. 28-29).

Библиография:

Древнемонгольские города, 1965 — Древнемонгольские города / С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, Л.Р. Кызласов, Н.Я. Мерперт. М., 1965.

Зиливинская, Алексейчук, 2003 — Зиливинская Э.Д., Алексейчук С.Н. Усадебное здание на XV раскопе Селитренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т. 3.

Минерт, 1990 — Минерт Л.К. Монгольское градостроительство XIII—XIV веков // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990.

Мухамадиев, 1970 — Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарасе // СА. № 3. 1970.

Плахов, 2008 — Плахов В.В. Дворцовые здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 6.

Рубрук, 1997 — Рубрук Г. Путешествия в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга марко Поло. М., 1997.

Федоров-Давыдов, 1994 — Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Хмельницкий, 1992 — Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин-Рига, 1992.

Хмельницкий, 1997 — Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Часть II. Берлин-Рига, 1997.

Хмельницкий, 2000 — Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Берлин-Рига, 2000.

Хмельницкий, 2006 — Хмельницкий С. Дворцы Хутталя. Идеи и формы гражданской архитектуры Средней Азии IX—XII веков. Берлин, 2006.

Новая группа глазурованной керамики X–XI вв. из Тохаристана

При раскопах на городище Будрач (руины Сеганийяна) в 1986 г. автором был найден фрагмент чаши с ангобной росписью под прозрачной глазурью, украшенной эпитафическим орнаментом. Отличие этого сосуда от широко известной группы керамики с подглазурной росписью под прозрачной свинцовой глазурью, получившей в научной литературе условное наименование «афрасиабской» («Afrasiab ware»), заключается в цвете основного фона. Здесь поверх первоначального белого ангобного покрытия, нанесенного на сосуд целиком вплоть до дна, внутренняя поверхность была выкрашена ангобом серовато-лилового цвета. Этот серо-лиловый цвет служит фоном для пересекающей чашу белой куфической надписи, растительных завитков и неправильных кругов оливкового цвета, заполняющих пространство разнообразных черных фигур, наполненных рядами белых и охристо-красных крапин, а также для черной полосы с белым псевдо-эпитафическим узором, тянущейся вдоль устья. Снаружи лиловый ангоб нанесен в виде неровной широкой полосы вдоль венчика, кое-где имеются потеки. Косые штрихи оливкового цвета завершают декор внешней стороны. Глазурь покрывает снаружи верхнюю половину чаши. В тот период нам не удалось найти аналогий данному типу орнаментации; сосуд опубликован не был.

Как нам стало известно гораздо позже, глазурованный кувшин, несомненно, относящийся к одной группе с будрачской чашей, был найден еще в 1936 г. в ходе работ Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) на городище Старый Термез и опубликован в Трудах Узбекского филиала АН СССР в 1940/41 г. Плохого качества черно-белая фотография в данной публикации, к сожалению, не позволяет судить о цветовой гамме кувшина. Его описание в тексте отсутствует. Под фотографией стоит подпись: «63. Многоцветный глазурованный сосуд с изображением двух фантастических птиц IX–X

веков». Лишь после непосредственного ознакомления с термезской находкой в экспозиции нового Термезского археологического музея в 2003 г. стало понятно, что в Сурхандарьинской области Узбекистана сделаны, по крайней мере, две находки сосудов, относящиеся к новой, до сих пор не известной группе глазурованной керамики домонгольского периода.

Начиная с 2000 г. керамика, относящаяся к рассматриваемой здесь группе, начала фигурировать на аукционах, специализирующихся на т. н. исламском искусстве. В аукционных каталогах, а также в каталогах известных коллекций и галерей опубликованы сосуды, в основном чаши, которые позволили изучить некоторые характерные особенности этой керамики и поставить вопрос об идентификации новой группы посуды и месте ее происхождения.

В настоящее время автору известны более 30 сосудов данной группы, которую мы предлагаем называть тохаристанской, исходя из того, что две чаши, хранящиеся в Национальном музее Кувейта, по данным О. Ватсона, предположительно происходят из Меймене (Северо-Западный Афганистан), а два других сосуда, упомянутые выше, связаны с Сурхандарьинской областью. Эти территории принято включать в состав древней Бактрии или Тохаристана, если речь идет о средневековом периоде, поэтому обозначение «тохаристанская керамика» представляется нам вполне приемлемой, во всяком случае до более точной локализации места ее производства.

На тохаристанских сосудах прослеживаются следующие характерные признаки: серовато-лиловый, серовато-розовый или серый ангобный фон; заполнение пространства разнообразной формы фигурами с красными и белыми крапинами на черном фоне, а иногда – оливковыми на белом фоне; окрашенная в черный цвет полоса вдоль устья, в которой помещена выполненная тонкими белыми линиями имитация куфической надписи, либо ряд треугольников, зигзаги или

сложные цепочки. Подобная полоса иногда имеется и на дне сосуда.

Выделяет тохаристанскую керамику ее очень яркий и необычный дизайн, демонстрирующий буйную фантазию мастеров. Само по себе перечисление ведущих тем дизайна — растительно-геометрический орнамент, эпиграфический орнамент, зооморфный орнамент (изображения птиц, рыб, кошачьих хищников, зайцев), изображения людей и фантастических существ — не создает, конечно, впечатления чего-то особенно нового, что не встречалось бы уже на глазурованной керамике Хорасана и Мавераннахра. Однако причудливый стиль, в котором выполнены зооморфные и антропоморфные образы, позволяет говорить о новой, очень яркой и своеобразной группе, изготовлявшейся на определенном (не очень продолжительном?) отрезке времени и на довольно ограниченном пространстве.

Видимо, ее производство связано с каким-то из неизвестных пока точно центров, судя по всему входивших в пределы Газневидского государства. Был ли это крупный город (Меймене? Балх? Термез? Саганийан?) либо сравнительно небольшой провинциальный производственный центр, пока сказать трудно. Во всяком случае, сам факт столь позднего появления данной керамики и ее относительная немногочисленность являются косвенным свидетельством в пользу того, что ее изготов-

лением занимались всего несколько мастеров в течение непродолжительного времени.

Возвращаясь к яркой образности изображений на тохаристанской керамике, отметим, что они чаще всего сопрягаются с понятием «фантастический»: фантастические ушастые и длиннохвостые птицы, рыбыны, покрытые полосами и пятнами. Однако за этими образами можно разглядеть их реальные прототипы: фазана и осетра. И это тоже соответствует реалиям территорий, прилегающих к Оксу-Амударье, где когда-то эти животные были обычными.

Мы считаем, что датировать тохаристанскую керамику можно X—XI вв., а точнее, раннегазневидским (977—1041) временем. В противоречие с этим как будто вступает то обстоятельство, что на ряде сосудов имеются целиком читаемые афоризмы, что характерно для IX—X вв. Однако возможно, что в Тохаристане эта традиция просуществовала несколько дольше, чем в других владениях Саманидов. Либо если считать, как сказано выше, что ее производили недолго, то время ее существования можно уложить полностью в последнюю четверть X в. — время правления Себук Тегина (977—997) и самое начало правления Махмуда (997—1030). На связи именно с искусством газневидского периода указывают иконографические параллели, которые нам удалось проследить.

Зооморфные мотивы в позднесредневековой керамике Ташкента

Зооморфные мотивы в орнаментации позднесредневековой керамики Средней Азии представляют интерес с точки зрения развития древних традиций в декоративно-прикладном искусстве региона. Здесь рассматриваются зооморфные сюжеты на керамике XV–XVI вв. из Ташкента. В этот период изображения птиц и четвероногих животных часто встречались на посуде, найденной в Самарканде и в Южной Туркмении. В то же время в таких крупных центрах, как Отрар, Ахсикет, Бухара, Термез, они не представлены. В Ташкенте были известны некоторые находки, опубликованные достаточно давно (Филанович, 1990, с. 49; Ташкенту 2000, 1983, с. 42). Нам хотелось бы показать новые материалы, расширяющие знания об этом типе орнаментации позднесредневековой керамики Средней Азии.

Зооморфные сюжеты на керамике можно разделить на реалистические и условно-стилизированные. Наиболее многочисленную группу, как и в домонгольский период, представляют изображения птиц, среди которых преобладают водоплавающие. Имеется реалистично нарисованная утка, плавающая среди растительности (Филанович, 1990, рис. 2; 16), но численно преобладают птицы, напоминающие как уток, так и цапель, показанные плавающими или идущими среди условно изображенной водной растительности. К реалистическим можно отнести замечательное изображение цапли, взлетающей среди камышей (Филанович, 1990, рис. 2, 22; КИДУ, 1991, с. 202, № 765).

Изображение цапли известно на изразцовой панели мавзолея Ширин-бика-ака (1385) в комплексе Шахи-Зинда. Оно может свидетельствовать, по мнению Г.А. Пугаченковой, о появлении этого мотива независимо от темы в изобразительном искусстве Китая, где цапля или журавль — один из символов долголетия (Пугаченкова, 1950, с. 108). Возможно, что это и так, хотя китайские истоки для декора керамики XIV–XVI вв. очевидны. Видимо, речь скорее должна идти о том, что, получив новую китаизированную иконографию, в прикладном искусстве продолжали фигурировать

зооморфные персонажи, имевшие на среднеазиатской почве древнейшие корни, не связанные с поздними художественными влияниями.

В другой птице на фрагменте чаши XVI в., расписанной кобальтом по белому ангобу, можно узнать голубя.

Земной мир представлен на позднесредневековой ташкентской керамике оленихой, пробирающейся среди пышной растительности. Эта композиция выполнена кобальтовой росписью на дне чаши XV–XVI вв. и, несмотря на ее фрагментарность, позволяет увидеть, что она также выполнена в реалистической манере.

Третью группу зооморфных сюжетов представляют изображения рыб, сделанные в условной манере. На дне толстостенной чаши, датированной XVI в., кобальтовым красителем изображены три крупные рыбины, головы которых составляют одно целое, а туловища образуют трискеле. Вокруг — растительные завитки и рыбы, плывущие по кругу (сохранилась одна) (находка Р. Имамбердыева). Подобные изображения, на которых три-четыре рыбки образуют подобие свастики, известны на керамике более раннего периода из Ирана, например на люстровой чаше из коллекции Тарека Раджаба XII–XIII вв. (Fehervari, 2000, с. 226, № 291); на чаше XIII–XIV вв. с росписью черного и золотистого цвета под бирюзовой глазурью показана стайка рыбок в круговороте (Marthe Bernus-Taylor, 1993, с. 92, № 6459).

Мотив рыбок, формирующих свастику, известен в доисламском искусстве, например, в росписях Афрасиаба VII в. (Альбаум, 1975, с. 69, рис. 21). Помимо предполагаемой символики этот мотив демонстрирует и знакомство с природой, так как соответствует природному поведению рыб.

Весьма интересен фрагмент блюда XV в., на котором сочетаются два популярных мотива — птицы и рыбки. Роспись выполнена синим, бирюзовым и черным цветом по белому фону. Здесь чередуются изображения павлинов и рыбок, плывущих по реке. Водные потоки сходятся к центру сосуда или, наоборот, исходят оттуда; поперечны-

ми заштрихованными полосками, возможно, показаны пороги, преодолеть которые стремятся рыбы. Павлины изображались в среднеазиатском искусстве с доисламского периода, известны они и на керамике тимуридского периода, но вместе с рыбами они встречаются нам впервые. Аналогий представленному на публикуемом сосуде сюжету мы пока не знаем. Хотя известны примеры, когда вместе изображены павлин и две лани (Пугаченкова, 1950, с. 110), утка и рыба (Нишапур) (Golombek, Mason, Bailey, 1996, Figure 4.12, Н 3(II) 2/2). В целом же сочетание великолепных павлинов, наполненных рыбой водных потоков и стилизованных растений могло представлять собой достаточно выразительное воплощение райских куш.

В общем, все зооморфные изображения на позднесредневековой керамике Ташкента не выходят за рамки сюжетов, характерных для других регионов Средней Азии в XIV-XVI вв. И все эти мотивы (птицы, копытные, рыбы) были традиционны для прикладного искусства Мавераннахра, в том числе декора глазурованной керамики с предшествующих эпох. По сути, получив новое, китаизированное в соответствии с новой модой оформление, все они воплощали прежние представления о благе (барака), связываемом с птицами, копытными и рыбами. Силу традиции демонстрируют, к примеру, изображения птиц, копытных, рыб и хищных зверей на монетах Самарканда, Хиссара, Термеза, Ташкента, Ясы XV-XVII вв. (Давидович, 1983, с. 73, 77, 84, 85, 161; Бурнашева, 1999, с. 125; Довуди, 2009, с. 269, 275, 276, 277, 309-311, 401).

Для того чтобы понять, имеются ли какие-либо специфические особенности, характерные для позднесредневековой глазурованной керамики тех или иных историко-культурных областей Мавераннахра, либо все было в значительной степени стандартизировано и унифицировано, нужно накопление материала и его изучение. В случае с

глазурированной керамикой Шаша IX-X вв. достаточный объем данных позволил с уверенностью выделить изделия, характерные именно для данного региона. Удастся ли сделать это для позднесредневековой керамики, покажет время.

Библиография:

Альбаум, 1975 – Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.

Бурнашева, 1999 – Бурнашева Р.З. Монеты как источник для характеристики социально-экономических отношений в Южном Казахстане в VII-XVII вв. // Известия МН и ВО РК, НАН РК. Серия обществ. наук. 1999, № 1.

Давидович, 1983 – Давидович Е.А. История денежного обращения средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1983.

Довуди, 2009 – Давлат Ходжа Довуди. Монетные клады Таджикистана (находки 1980-2008 гг.). Душанбе, 2009.

КИДУ, 1991 – Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Книга 2. М., 1991.

Пугаченкова, 1950 – Пугаченкова Г.А. Самаркандская керамика XV века // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия. Вып. XI. Ташкент, 1950.

Ташкенту 2000, 1983 – Ташкенту 2000. Альбом-очерк. Ташкент, 1983.

Филанович, 1990 – Филанович М.И. Материалы к исторической топографии средневекового Ташкента // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент: Фан, 1990.

Fehervari, 2000 – Géza Fehérvári. Ceramics of the Islamic World in the Tareq Rajab Museum. I.B. Tauris Publishers. London – New York. 2000.

Golombek, Mason, Bailey, 1996 – Lisa Golombek, Robert B. Mason, Gauvin A. Bailey. Tamerlan's Tableware. A New Approach to the Chinoiserie Ceramics of Fifteenth – and Sixteenth-Century Iran. Mazda Publishers in association with Royal Ontario Museum. Toronto, Ontario, 1996.

Bernus-Taylor, 1993 – Marthe Bernus-Taylor. Les Arts de l'islam. Paris: Réunion des Musées Nationaux. Louvre. 1993.

Бухарские дороги в Самаркандском Согде

Значительная часть научной деятельности Галины Васильевны Шишкиной связана с Самаркандом, Афрасиабом и отражена в значимых публикациях по истории согдийского градостроения и культуре этого древнего города. В последние годы ее научный интерес связан с изучением памятников и реконструкцией исторического ландшафта Пастдаргомского района, в котором в 1986–1991 гг. под ее руководством работала САЭ ГМИНВ. Первые итоги этой многоплановой работы позволяют проследить историю формирования транспортных путей, проходящих через территорию Пастдаргомья. Речь идет о двух ветках Бухарской дороги: прибрежной, шедшей до Катта-Кургана вдоль берега Карадарьи, и южной, по следам которой проложена современная дорога через Джуму. Прибрежная дорога на Бухару, согласно картам, функционировала в качестве основного тракта еще в 30-х гг. XX в., а джуминская ветка в это время была второстепенной. Данные, полученные в результате анализа археологических, картографических и аэрофотоматериалов, дают возможность восстановить историю сложения этих двух путей.

Прибрежный путь, как показывают материалы разведок, являлся очевидно самым древним в Левобережье. Его формирование как дороги государственного значения началось во второй половине VI в. до н.э. после перенесения столичного центра из Правобережья (городище Куктепа) на левый берег Зарафшана (Карадарьи) на плато близ высот Чупан-ата. От новой столицы Согда — Самарканда отходили дороги, связывающие территории, вошедшие в северную сатрапию Ахеменидской державы. Самая известная и главная, соединяющая Самарканд с южными районами и метрополией, очевидно, дорога в Южный Согд, в Наутаку, проходила вдоль предгорий через Джамский коридор. С основанием Самарканда вдоль прибрежной полосы Карадарьи возникает ряд сторожевых пунктов, призванных контролировать переправы и подступы с севера-запада к но-

вой столице. Наиболее значительный из них — круглая крепость на правом берегу Даргома недалеко от его выхода в пойму Карадарьи — Караултепа. По керамическому материалу она датируется V–IV вв. до н.э., но по морфологическим признакам может быть более древней. Самый дальний западный сторожевой пункт в 40 км от Самарканда — это Ляйлякуйтепе — селение на стрелке сая Карасу и Карадарьи, возникшее здесь у переправы не позднее середины I-го тыс. до н.э. Вдоль Джуминской дороги памятников ранее III–II вв. до н.э. не наблюдается. Это обстоятельство дает возможность предположить сложение южной ветки Бухарской дороги в более позднее время, чем прибрежной. Вероятнее всего, это направление сложилось в связи с активным освоением земель вдоль канала Анхор, не исключено, что тогда же и проложенного и связанного со строительством в среднем течении Дурменсая не позднее IV в. до н.э. административного центра Пастдаргомья — Дурмена (Исбискет). Прибрежная дорога осталась в 6 км севернее нового города, а новая — проходила совсем рядом с южными пригородами Дурмена (ок. 950 м от современного полотна Джуминской дороги). На западном отрезке за каналом Анхор эта дорога проходила южнее современной и на Катта-Курган, к северо-востоку поворачивала за кишлаком Куча-малик. Само название кишлака Куча-малик (царская дорога), по мнению В.Л. Вяткина и В.В. Бартольда, определяет направление и назначение этой дороги, по крайней мере с эпохи Тимуридов. Обе эти дороги активно использовались на протяжении веков и повлияли на систему расселения Пастдаргомья. Вдоль них в эпоху эллинизма возникают крепости, селения и придорожные службы. В раннее средневековье параллельными цепочками ближе к дороге строились владельческие замки. На этой торговой дороге, связывающей главные города Согда Бухару и Самарканд, некоторые придорожные селения и станции становились центрами промежуточной торговли для окрестных земель.

Известным нам примером является селение и станция Ляйлякуйтепе на прибрежной дороге, в котором в X–XII вв. находились шесть караван-сараев. Возможно, некоторое запустение Пастдаргомских земель началось еще в XI в. когда с замиранием городской жизни Дурмен теряет свой статус и трансформируется в обширное сельское поселение. В XIII в. после монгольского завоевания все известные нам селения прекращают свое существование.

В эпоху Тимуридов Куча-маликская ветка приобретает значение главной «царской дороги». Это была оживленная и благоустроенная дорога, по которой в Бухару отправлялись многочисленные иностранные посланники ко двору Тимура, в том числе и Руи Гонсалес де Клавихо, оставивший описание своего обратного пути из Самарканда. При Шейбанидах и позже в результате запустения земель вдоль Анхора дорога стала небезопасной для путников, и по этой кратчайшей исторической «царской дороге» не рисковали проходить даже в сопровождении вооруженной охраны. Торговые караваны предпочитали идти по более заселенной полосе вдоль берега Карадарьи (Вяткин, 1902, с. 1-88). Развитие торговли и поддержание дорог в правление Абдулахана способствовали и благоустройству прибрежной дороги как главного пути в это время на Бухару. По картам и дешифровкам аэрофотоснимков видно, что вдоль прибрежной дороги возникали отдельные «хаули» и целые комплексы, возможно, караван-сараев либо мавзолеев, которые на старых картах обозначены развалинами, а на аэрофото читаются белыми

квадратными контурами стен под современной пашней. В XIX в. по прибрежной дороге от Катта-Кургана до Самарканда отмечается пять станций: Базари Чимбай на самом берегу Зеравшана, Карасу, небольшое укрепление, Зароут (?), Кумаран (совр. Кумарык), Даут (совр. Даул), развалины строения Абдулла-хана (?) вправо от дороги, Шуртут (?) (Ханыков, 1843). В конце XIX в. Карасу (Ляйлякуйтепе) сохранил свой статус пункта промежуточной торговли и на карте отмечается как «Базар». Кишлак Даул, расположенный на правом берегу Даргома, в это время стал крупной перевалочной станцией с караван-сараями.

Таким образом, Бухарская дорога, связывающая два главных города Согда, являлась определяющим фактором в формировании антропогенного ландшафта к северу от Анхора и во многом определяла и специфику придорожных селений начиная со второй половины I-го тысячелетия до н.э. Изучение исторических ландшафтов Пастдаргома дает большие возможности для реконструкции временных пластов истории Самаркандского Согда. И мы надеемся, что знания и опыт Г.В. Шишкиной помогут раскрыть еще не одну «историю» Пастаргомья.

Библиография:

Вяткин, 1902 – Вяткин В.Л. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайета // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII. Самарканд, 1902 г.

Ханыков, 1843 – Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб. 1843.

Нижняя площадка цитадели Афрасиаба в домонгольский период — исследования Узбекско-Французской экспедиции 1991–2007 гг.

Исследование Узбекско-Французской экспедицией (начальники Ф. Грене и М. Исамиддинов) нижней площадки цитадели Афрасиаба является составной частью общей программы изучения Северного укрепления древнего Самарканда (т.н. «акрополь»)¹. Начавшись в 1991 г. с зондажа размером 2х3 м, к 2007 г. раскопки затронули более половины всей центральной части нижней террасы цитадели. Шестнадцать лет регулярных полевых работ дали редкую возможность методического изучения одного из важнейших системных элементов средневекового города, существование которого так или иначе было связано с местопребыванием представителей власти. В отличие от жилых кварталов внутри мадины, заселявшихся в отдельные исторические периоды совершенно разными социальными группами населения (от знати до ремесленников), вариации функционального использования цитадели не выходили за рамки общего предназначения этой самой высокой и лучше всего защищенной части фортификационной единицы города. Здесь могли находиться дворцы или связанные с ними службы, от административных до хозяйственных, казармы или даже тюрьма — вариации были достаточно широкими, но здесь не строили дома рядовые горожане, которые, впрочем, могли в случае опасности искать здесь прибежище.

Накопленная информация позволила составить достаточно ясное представление о том, как пространство нижней площадки цитадели использовалось в период с середины VIII в. до начала XIII в. Важно подчеркнуть, что не только «позитивная» археология, например остатки мону-

ментальной архитектуры, но и «негативная» ее составляющая, т. е. отсутствие в определенный период внятных следов строительной активности, сопоставленные вместе, дают прекрасный материал для анализа.

Как видно из приведенных дат, раскопки затронули последние пять веков истории города, которые имели при всех особенностях в эволюции материальной и духовной культуры одну общую черту — доминирование ислама в качестве основной религиозной системы ценностей. Арабское завоевание в первой половине VIII в. радикально изменило социальный, культурный и политический облик Мавара'аннахра. Следы этих процессов фиксируются на разных городищах региона.

Основные результаты исследований — новые открытия и их интерпретация

VIII–IX вв. Аббасиды

Первым открытием стал большой архитектурный комплекс размером 75х65 м, датируемый в том числе и на основании монетных данных (все определения монет сделаны соруководителем раскопа А. Атаходжаевым) серединой VIII в. Речь шла о масштабном проекте переустройства нижней площадки цитадели, предыдущие постройки «согдийского» времени нивелируются. Последние сохранились на высоту до полутора метров (на северном обрыве над Сиабом), но остается неизвестным, что происходило на этом месте в период между завоеванием города Кутайбой б. Муслимом в 712 г. и серединой VIII в. — строения этого времени могли быть полностью снесены (если

¹Идея исследования нижней площадки цитадели Афрасиаба принадлежит Ольге Николаевне Иневаткиной, проводившей многолетние раскопки в верхней части цитадели — донжоне. Двухчастный характер комплекса указывал на то, что его большая по площади восточная половина могла быть местом, где возводились дворцовые постройки. Дворцы Пенджикента и Варахши, находившиеся у подножия донжона, указывали на возможность такого архитектурно-фортификационного решения на Афрасиабе. П. Бернар, один из создателей Узбекско-Французской археологической экспедиции в 1989 г., опираясь на анализ греческих и латинских источников, также рассматривал зону к востоку от донжона как наиболее вероятное место расположения дворца ахеменидских сатрапов. Идея дворцовой зоны была полностью подтверждена, по крайней мере, для исламского времени.

они вообще существовали — вопрос переиспользования построек предыдущего периода остается открытым).

Построение плана здания было математически точно рассчитано архитектором, использовавшим определенный модуль. Размер 75х65 м, безусловно, не случаен. Он примерно соответствует соотношению высоты равностороннего треугольника к длине его стороны. Комплекс состоит из двух неравных частей, объединенных общими внешними стенами толщиной 3,5 м (ширина внутренних стен варьируется от 1,5 до 2 м.). Главное строение занимает три четверти площади всего комплекса и представляет собой внутренний двор, окруженный разновеликими помещениями. Выделенный массивным порталом вход в комплекс находился с южной стороны, на оси Ю-С главного строения. С противоположной по отношению к входу стороны внутреннего двора находился большой айван шириной 6 м. Одна четверть площади комплекса с западной стороны приходилась на отдельный двор, связанный с первым посредством двух проходных коридоров. Характерной особенностью здания является использование массивных октогональных колонн (до 2,2 м в диаметре), образующих галереи в первом и втором дворах (в первом случае они идут по периметру двора, во втором — только с одной, восточной, стороны). Кладка стен комбинированная — семь рядов сырца в основании, поверх которых идут блоки пахсы.

Следует подчеркнуть, что это первое раскопанное здание гражданской архитектуры раннеисламского времени не только в Средней Азии, но во всей восточной части мусульманского мира². Судя по плану здания в цитадели, речь идет об административном дворце, *дар ал-имара*. Анализ письменных источников позволяет предположить, что его возведение было связано с именем Абу Муслима, который после установления власти Аббасидов в Мерве уделил особое внимание Мавара'аннахру. Помимо репрессий согдийской знати он участвует в подготовке войск, разгромивших китайскую армию на реке Талас в 751 г. Именно в это время была осуществлена постройка громадной стены оазиса Самарканда. Очевидно, что масштабные работы проводились и в городе, и в первую очередь в оплоте власти — цитадели. Контекстуально постройка дворца имела не только чисто утилитарное значение, но символически свидетельствовала об окончательном утверждении в регионе власти халифата, причем не старого омейядского, а пришедшего ему на смену аббасидского. Здесь нет частичного переиспользования старых согдийских построек (как в случае

дворца Насра б. Сайяра). План нового здания не имеет ничего общего с местной традицией дворцовой архитектуры, известной на примерах Пенджикента, Шахристана, Варахши и т. д. Архитектор был, несомненно, приглашен, по меньшей мере, из Хорасана, если не из центральных областей халифата (план здания ближе к иранской, сасанидской традиции, нежели к византийско-омейядской).

X в. Саманиды

Сведений письменных источников о внутренней истории Самарканда при Саманидах, несмотря на наличие первых описаний города арабскими географами, не так много. Археологический материал, прежде всего «керамический и монетарный взрыв», этого времени контрастирует с явной недостаточностью раскопанных на широкой площадке примеров развитой архитектуры. Нижняя площадка цитадели в определенной степени здесь не исключение, с той разницей, что наш материал, полученный на достаточно большом пространстве, позволяет сделать важные наблюдения о характере функционирования крепости в саманидское время.

В X в. здесь не строили монументальных зданий. В какое-то время часть территории над забутованным аббасидским дворцом превращается в большую свалку (размером не менее 30х40 м), но свалку особого рода — ее заполнение представляет собой «отходы» не только хозяйственного (в основном керамику), но и фискального «производства», а именно большое количество сосудов с узким продольным отверстием на донце и значительное количество монет. Очевидно, что сосуды-копилки использовались для сбора, учета и хранения денег в расположенном рядом казнохранилище — *байт ал-мал* (нам удалось расчистить остатки постройки, состоявшей из смежных продольных помещений (11х4 м), которая могла быть его частью). Эти данные, в общем, хорошо коррелируются с письменными источниками и позволяют сделать определенные выводы об исторической ситуации в это время. Саманиды не живут в цитадели и предпочитают строить дворцы за ее пределами. Вместе с тем фискальные службы могли оставаться в крепких стенах цитадели, как, собственно, и тюрьма, упомянутая в источниках.

XI–XII вв. Караханиды

В XI в. на нижней площадке не производилось каких-либо широкомасштабных строительных работ. При этом нельзя сказать, что цитадель, и в частности ее донжон, были полностью обойдены вниманием со стороны тюркских правителей династии Караханидов, пришедших к власти в Ма-

²Исключение составляет архитектурный комплекс, также раскопанный на Афрасиабе, к западу от цитадели, и, возможно, являющийся дворцом омейядского наместника Насра б. Сайяра (раскопки Ф. Грене, И. Иванишкого и др.).

вара'аннахре в конце X — начале XI в. Ясно одно — ранние Караханиды не обживали цитадель. Это напрямую соответствует данным источников — хан Шамс ал-Мулк Наср б. Ибрахим продолжал отчасти сохранять привязанность к кочевническому образу жизни, не нарушая покоя жителей городов. При этом он, как и его отец Ибрахим б. Наср, создатель Западно-караханидского каганата, прославились как активные строители и учредители вакфов.

Наши исследования показали (в источниках об этом нет прямых сведений), что с середины XII в. ситуация радикально меняется. Вся нижняя площадка цитадели застраивается если не по строгому симметричному плану, то, по крайней мере, с ясной идеей, как обустроить обживаемое пространство. Главной архитектурной единицей становится отдельное домохозяйство (условно названное нами как павильон), организованное вокруг квадратного двора. Таких павильонов расчищено семь по верхнему периоду. Они были связаны между собой системой проходов и улиц. Самый большой из них (12x12 м) был украшен фигуративной настенной живописью. Программа росписей определялась вкусами заказчика — одного из караханидских ханов, который «делегировал» на стены часть придворного церемониала (изображение тронной сцены, сановников двора и т. д.). Здесь находились личные покои хана, доступ в

которые был ограничен. В других домохозяйствах проживали, по крайней мере определенное время в году, остальные члены правящего клана, челядь и т. д. По сути, речь идет о сходной системе обживания, которую мы знаем на примере арка Бухары в мангытское время — с той разницей, что на нижней площадке цитадели Самарканда, по-видимому, не было зданий для официальных приемов и административного аппарата. Они должны были быть расположены в другом месте (в донжоне?). Необходимость заселения цитадели семьей караханидского правителя было обусловлено изменившимся политическим и социальным контекстом, на котором мы останавливаемся отдельно.

1212–1220 гг. Хорезмшахи

Разрушение и нивелировка павильонов произошло, видимо, после установления в Самарканде власти хорезмшаха Мухаммада б. Текиша в 1212 г., но скорее ближе к 1220 г., когда перед лицом надвигающейся опасности монгольского нашествия были предприняты масштабные работы по укреплению цитадели. Большая часть построек этого времени носила скорее временный характер. Очевидно, что к моменту завоевания и последующего окончательного запустения цитадель использовалась по своему прямому назначению — она должна была вмещать максимальное количество защитников.

Display in the ancient Iranian world: visuals and materials

Introduction.

The Karakalpak-Australian excavations at the monumental site of Kazakly-yatkan in ancient Chorasmia have yielded a rich corpus of material, which is helping to better situate Chorasmia in the ancient Iranian world¹. In particular, the display programme of a monumental building complex at the site – the KY10 complex – is providing new perspectives on the local and long distance exchange relations of Chorasmia, and challenging ideas about its role in the wider sedentary and pastoralist Iranian world. This paper provides an overview of the visual art of the display programme of the KY10 complex, as well as notes on the materials employed in its construction. The Kazakly-yatkan wall paintings are the best-preserved element of this programme². However, all aspects of the broader programme of display, including the paintings, architectural features (such as pilasters), copper alloy mouldings, moulded gold leaf, painted columns, bi-chrome column bases, as well as more mobile elements of the display, such as furniture, should be seen as integral. A focus on the general programme of display in the building complex provides simultaneously new perspectives on ancient Chorasmian relations, and highlights possible local elements in the little known ancient Chorasmian art.

Ideas about display in the ancient world.

As a material expression of ideology, monumental display programmes provide a critical point of access to the ancient world for several reasons. First, display is a non-verbal means of communicating an ideology to a target audience. Display programmes are the result of a planned approach to visuals in the built environment. The creation of monumental structures in antiquity is typically (but not always) associated with the elite, and very often a ruler; they are a conscious reflection of how a group (or individual) chose

to present itself to an intended audience. Materialised ideology represents an idealised image of how the elite wanted to depict society and their role in it, and also how the elite wanted to be remembered. Second, the human and natural resources at the disposal of the elite, and the ability to transform these in the built environment demonstrate a central position of power. Materials comprising the display are especially important, because they can provide evidence regarding local and long distance exchange networks to which a society belonged. Third, through comparative study of the various motifs and images of the programme, display provides significant insights into the figured environment of a society and the nature of its relationships on the basis of shared motifs and their meanings.

Archaeo-historical background.

Built around the end of the 3rd /beginning of the 2nd century BCE, the fortified site of Kazakly-yatkan is the largest in eastern Chorasmia. It comprises an upper and a lower enclosure totaling between 45 and 50 hectares in area. The site is located well inside the oasis, and is differentiated from many other local sites on the basis of size, location, the nature of the buildings inside the upper enclosure and, increasingly, the nature of the display programme of at least one of these structures – the KY10 monumental building complex. These characteristics underline of the significance of the site, and point to the idea that it may have been a local ruling centre. The KY10 complex is located in the north western corner of the upper enclosure. The structure comprises a square central building, surrounded (probably) on four sides by a corridor. The south western quadrant of the central building, and the area to its west have been the focus of excavations for the last few years. A 'columned hall' has been exposed in the south western corner of the central building,

¹The Karakalpak-Australian Expedition to Chorasmia is directed by V.N. Yagodin and A. Betts. The project has received generous funding from the Australian Research Council (A10009046, DP0556232, DP0877805), National Geographic and many volunteers. C14 analyses were largely funded by ANSTO (AINSE Grant 00/008).

²Most recently see Yagodin, Betts et al. (forthcoming). See also Kidd, Negus Cleary and Baker Brite (forthcoming), and Kidd, Negus Cleary et al. 2008.

while to the west there is a series of rooms and circulation spaces. Slit trenches on the north, east and south of the core building hint that these areas were characterized by a similar series of spaces, although only very scant traces of a display programme have been found.

Elements of display at Kazakly-yatkan.

The Kazakly-yatkan paintings are certainly the best preserved and most tangible elements of the monumental display programme in the KY10 complex. However, other aspects of the programme – including materials and the interplay of colours – should also be analysed for a full understanding of the society that generated them. The diversity of materials, colours and images comprising the programme underline its complexity and monumentality.

- The paintings

An important characteristic of the Kazakly-yatkan paintings is their diversity across the different areas of the building where they have been exposed. Wall paintings are found in many but, significantly, not all of the excavated areas of the KY10 complex. The most fully excavated unit of the building where paintings have been found is the western section of the corridor surrounding the central building. Fragments comprising a 'portrait' gallery (the images are schematic rather than exact likenesses) were found in the fill of the northern section of the corridor. The portraits are bust portraits showing the chest frontally and the face in either left or right profile. The spiral torques worn by the personages find close parallels with torques from archaeological contexts in the steppe; a bird protome headdress shown on just a few of the portraits similarly finds close parallels in the steppe, particularly with burials associated with the Pazyryk culture. An in situ procession scene was exposed on the eastern face of the corridor wall in the southern section of the corridor. The scene preserves the legs and lower bodies of a procession of alternate animals (probably including a horse) and humans. The style of paintings of the western corridor is monumental and rather static when compared with fragments preserving faces from other areas of the building, which are characterized by a much more 'active' style. For example one fragment preserves three faces grouped together in full profile, their eyes fixed on an unknown subject; another fragment shows a face in three quarter profile with grapes and a vine leaf in the background. Still other fragments show faces in full profile with flesh-toned skin, like the three faces grouped together. These facial skin tones contrast sharply with the white skin of the personages represented in the portraits. Other fragments from the central building preserve vegetal motifs, including tulips, rosettes and long, narrow leaf-like forms.

Paintings from the western corridor can be dated to the 1st century BCE. This date indicates a general date for paintings from other areas of the building,

although further study of the archaeological context of these spaces is required before such a date for all of the Kazakly-yatkan paintings can be confirmed.

Analysis undertaken by E. Baker Brite (2006) shows that most of the pigments used at Kazakly-yatkan are locally available, such as ochre, charcoal and gypsum. There is only one example of an imported pigment – cinnabar.

- Moulded plaster

Moulded plaster - in low and high relief - has been found in several areas of the central building. Although far less well preserved than the pigment on the wall paintings, it is nevertheless clear that at least some of the moulded plaster, too, was richly painted, with some fragments preserving black and red/brown pigments. The original location of much of the moulded plaster – for example whether it was free standing or attached to the walls as architectural fixtures - is unclear. While some of the moulded plaster pieces appear to be ornamental – such as a deep, volute-like fragment – others are clearly figurative, such as the head of an animal with a long nose – perhaps a dog.

- Architectural features

Several architectural features underline the diversity of the display programme at Kazakly-yatkan. A unique fragment from the 'columned hall' shows a geometric shape – perhaps a square – impressed in the remains of plaster. It is possible that this fragment preserves the plaster remains of a painted wooden ceiling.

Evidence from the complex of rooms and spaces to the west of the central building also indicates that at least some columns were painted predominantly white. The dark and lighter coloured stone used to make the column bases produces a bi-chrome effect, and adds another perspective to the already rich polychromy of the programme. A long and narrow clay block found close to the centre of the central building may be a pilaster. The piece was painted a red/brown, possibly with a narrow black stripe running the length of the edge.

- Metals

Dozens of small copper alloy nails or tacks of various shapes were found in the complex, along with many fragments of moulded copper alloy. Small perforations on these moulded fragments were presumably used to fix them with the nails. Only one of the treated fragments preserves a recognizable form – possibly a flower bud emanating from petals. A small fragment of moulded gold leaf was found in the south western corner of the central building.

Polychromy is an important factor in the display of copper alloy. Analysis of the copper alloy (yet to be undertaken) may indicate the original colour of the material – whether a gold-like yellow, white, or the more typical dark colour associated with bronze. The

provenance of the metals – a local provenance for the gold cannot be ruled out - should also point to the trade connections of Chorasmia during this period.

• Furniture

The spectacular fragment of carved ivory found in the central building demonstrates another aspect of the display programme – furniture and moveable items. Importantly, this fragment provides rare actual evidence of furniture used in ancient Chorasmia. Similar to visual and real evidence of throne legs in the Achaemenid and Parthian worlds, the Kazakly-yatkan piece comprises a series of carved rings above a number of compositional elements on the lower section, dominated by a wing element and a possible (lion?) paw element. While the composition on the lower section of the piece is unique, the Kazakly-yatkan ivory demonstrates several significant links with two other well known furniture pieces from the Iranian world: Achaemenid Iran, and the throne legs at Persepolis and Naqsh-i Rostam, and Parthian Nisa – the so-called ‘throne of Mithradates’³. More specifically, the wing element finds very close parallels with the winged protomes on some of the Nisa rhytons. The Kazakly-yatkan piece is especially important because it raises questions regarding the nature of the relationship between Chorasmia and Parthia.

The broader context: the wider Iranian world

Current research on the display programme at Kazakly-yatkan indicates a mixture of local (Chorasmian) elements, and motifs and materials

from other regions, particularly Parthia and the steppe. In general the display programme of the KY10 monumental building complex at Kazakly-yatkan fits clearly into the broader Iranian world, and also manifests some indications of an active local, Chorasmian tradition.

Bibliography:

Baker Brite, E. 2006. *Social Processes in the Production of Wall Paintings at Kazakhl'i-yatkan, Uzbekistan*. Unpublished Masters thesis, University of California, Los Angeles.

Kidd, F., M. Negus Cleary and E. Baker Brite (forthcoming). *Public vs. Private: perspectives on the communication of power in ancient Chorasmia*. In C. Hartley, G. Bike Yazicioğlu and A. T. Smith (eds), *Regimes and Revolutions: Materiality and Authority across Eurasia from the Past and the Present*. Cambridge, Cambridge University Press.

Kidd, F., M. Negus-Cleary, V. N. Yagodin, A. Betts and E. Baker Brite, 2008. «Ancient Chorasmian mural art.» *Bulletin of the Asia Institute* 18: 69–95.

Pugachenkova, G. A. 1969. «Tron Mitridata I iz Parfyanskoy Nisy». *Vestnik Drevney Istorii* 1: 161–171.

Yagodin, V. N., A. Betts, F. Kidd, E. Baker Brite, G. Khozhaniyazov, Sh. Amirov, V. V. Yagodin, and G. Fray, (forthcoming). «Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia. An Interim Report on the Kazakly-yatkan Wall Paintings: The Portrait Gallery». *Journal of Inner Asian Archaeology*.

³See Pugachenkova 1969.

Об одной загадочной находке из раскопок некрополя Тилля-тепе

Зимой 1978–1979 гг. сотрудниками Советско-афганской археологической экспедиции в ходе исследований известного некрополя Тилля-тепе (северный Афганистан) в различных погребениях было обнаружено несколько монет. Эти монеты стали объектом специальной публикации (В. Сарияниди, Г. Кошеленко). Все монеты представляют значительный интерес, но некоторые из них уникальны. Такой уникальной монетой посчитали авторы данной публикации и предмет, который был определен как золотая монета (№ 5), найденная в погребении №4 (вес ее – 4,33 г.). Правда, они специально указали, что никаких прямых аналогий ей в литературе найти не удалось.

На лицевой стороне представлена мужская фигура, которая стоит опираясь на «колесо дхармы», на оборотной – лев, стоящий в профиль, повернутый вправо, одна из передних лап поднята, перед ним знак «пандипада». И на лицевой, и на оборотной стороне присутствуют легенды на ххароштки.

Данный артефакт немедленно привлек внимание специалистов. При этом самый первый отклик появился еще до того, как монеты некрополя стали объектом отдельной публикации. Б. Мукерджи в своей статье основывался на популярных и информационных заметках В. Сарияниди. Несколько позднее откликнулся на данную находку и Ж. Фуссман (Fussman, 1982), а затем – Д.В. Макдоуэлл (Mac Dowell, 1986). Правда, в дальнейшем данный артефакт почти не привлекал внимания исследователей. Только в самое последнее время о нем стали вновь вспоминать в связи с публикацией «Каталогов» выставки произведений искусства древнего Афганистана, путешествующей ныне по странам Европы, а также – США. Наиболее интересны соображения в этом отношении В. Шильгц. В отечественной науке к данному предмету обращался только Т. Мкртычев.

Утрата интереса к данному артефакту кажется неоправданной, поскольку он представляет собой очень важный источник при исследовании нескольких важных проблем. Сейчас существует четыре определения его функции: монета, жетон, медаль, медальон. Наличествует определенное единство в определении даты его производства: вторая половина I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. Бесспорным представляется и место производства – Гандхара или очень близкие к ней территории. Точно так же не может вызывать со-

мнения и участие художника-грека или местного художника, прошедшего греческую школу, в создании этого произведения.

Имеется два варианта чтения легенд на лицевой и оборотной стороне: 1) А. Вигасина и В. Вертоградовой (читавших легенды для В. Сарияниди и Г. Кошеленко), Ж. Фуссмана и Б. Мукерджи. Чтение Б. Мукерджи должно быть отвергнуто. Ж. Фуссман, А. Вигасин и В. Вертоградова при полной идентичности чтения дают различный перевод и, соответственно, интерпретацию легенд. Видимо, необходимо принять вариант Ж. Фуссмана, который для лицевой стороны предлагает следующий перевод: «тот, кто совершил поворот колеса дхармы», а для оборотной: «лев, прогоняющий страх». Тем самым, обе легенды становятся своего рода «подрисуночными подписями», задача которых избежать неправильного толкования изобразительного сюжета.

Соответственно, данный артефакт предстает перед нами как уникальное произведение, на двух сторонах которого даны два варианта изображения Будды: на оборотной – в символической форме как льва («лев Шакьев»), а на лицевой – в антропоморфной. Согласно буддийской традиции, проповедь Гаутамы Будды в Сарнатхе (возле Бенареса) явилась фактом, приведшим к повороту колеса дхармы, и тем самым к началу нового периода в истории вселенной (Бонгард-Левин, 2007).

Тем самым при исследовании проблем становления антропоморфного образа Будды в искусстве как Гандхары, так и Матхуры привлечение данного объекта крайне необходимо. Вполне вероятно, что это древнейшее изображение Будды.

Исследование данной проблемы затрудняется давлением на исследователей концепций, не имеющих отношения к этой конкретной проблеме, а пришедших из сферы идеологии. Сначала это была мысль о безусловном превосходстве греков и принесенных ими идей, затем – концепция «почвенности», наконец, сейчас громко звучит лозунг о необходимости пересмотреть всю историю, освобождаясь от «европоцентристского взгляда» на исторический процесс. В этих условиях важнейшую роль должны играть конкретные факты, на базе которых только и может быть построено исследование. Именно одним из таких фактов и является артефакт из некрополя Тилля-тепе.

Эпиграфика в резном ганче Термезского дворца

Городище Старый Термез известно своими памятниками истории, археологии и архитектуры, являющимися составной частью мирового культурного наследия. Среди них выделяется возведенный в XI в. дворец правителей Термеза — незаурядный памятник средневекового зодчества, единственный образец светской архитектуры Южного Узбекистана.

Дворец и его архитектурный декор с момента открытия памятника в 1926 г. привлекали пристальное внимание исследователей (Денике, 1927, 1939; Веймарн, 1934; Жуков, 1940; Массон, 1940; Ремпель, 1961, 1978). Недавно вышла в свет полная публикация результатов всех раскопок во дворце (Алпаткина, 2008), где публикуются материалы коллекций Музея Востока, Эрмитажа, Термезского археологического музея и Музея истории Узбекистана (г. Ташкент), в которых представлены фрагменты резного ганча, украшавшего стены одного из залов дворца, судя по его богатому убранству, предназначенному для официальных приемов. Наше особое внимание привлекли фрагменты резного ганча с эпиграфическим орнаментом.

Зал приемов представлял собой помещение размерами 13,5x11,5 м, разделенное 11 прямоугольными в плане пилонами на три части. Широкий средний неф был перекрыт сводом, а боковые нефы образовывали обводной коридор, перекрытый более низкими, чем в центре зала, сводами; такие же своды перекрывали пространство между пилонами — интерколумнии, служившие проходами из центрального нефа в коридор, идущий вдоль стен. Резьба по ганчу в самом зале и на айване перед входом в него была плоскостная — на стенах и на боковых гранях пилонов (в виде отдельных панно, обрамленных каймами-рамками) — и округлая — на сводах коридоров и на трехчетвертных полуколонках, установленных в тех углах пилонов, которые «смотрели» в центр зала.

Было отмечено, что имеются определенные закономерности в распределении орнаментальных панно на стенах и пилонах (Алпаткина, 2008). Так, например, были одинаковыми для всех стен и для боковых сторон пилонов первые ярусы декоративных панно. Стороны пилонов, обращен-

ные в центр зала, оформляли панно с другими орнаментами. Единый орнаментальный ряд составлял второй ярус стен. А панно, располагавшиеся вторым ярусом на пилонах, представлены совершенно особыми орнаментами, повторяющимися в следующем порядке: один и тот же орнамент как бы переходил слева направо с одного пилонна на другой, чередуясь с другими орнаментами. На полуколонках пилонов орнамент также был строго распределен.

На основании этих наблюдений можно предположить, что и надписи включались в резьбу не произвольно, а в определенном порядке. Рассмотрим, где согласно замыслу художника мастера-резчики разместили надписи.

Во-первых, полоса надписей шла по верху панно, располагавшихся первым ярусом на стенах айвана у входа в зал приемов. Во-вторых, судя по фрагментам с надписями, которые служили завершением угловых полуколоннок, можно предположить, что таким же образом были оформлены верхние части полуколоннок всех 11 пилонов зала. В-третьих, надписи включались также в орнамент в резьбе по ганчу на перекрытиях зала — арках и сводах.

Исследователи резного декора Термезского дворца, говоря о фрагментах ганча с надписями, называли только один почерк, которым они были выполнены, — либо *насх* (Денике, 1928, 1939; Веймарн, 1934; Массон, 1940), либо *куфи* (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990). Наши исследования показали, что надписи выполнены почерками *насх*, *куфи* и *цветущий куфи*.

До настоящего времени не предпринималась попытка чтения надписей, выполненных в резном ганче Термезского дворца. Из фрагментов, найденных при раскопках, мы выделили те, на которых сохранились и читаются слова или отдельные буквы. Так, на одной из полуколоннок пилонна сохранилась часть надписи арабским шрифтом почерком *насх*. В начале строки читается буква «алиф» ۱, перед ним хвостик от несохранившейся буквы предстоящего слова, далее четко видны буквы «каф» ۛ и «та» ط, следующая предположительно «ра» ر — в этом случае слово можно прочесть как قطر, — «страна». На фраг-

менте другой полуколонки пилона сохранилось начало надписи предположительно из двух слов арабским шрифтом в одну строку почерком *nasx* на фоне растительного орнамента. Надпись каллиграфичная. В первом слове четко читаются буквы «*лām*» ل, «*вāв*» و, и предположительно «*дāль*» د, или «*зāль*» ذ. Во втором — «*лām*» ل, и «*‘айн*» ا. Перевести надпись пока не удастся.

На большом фрагменте свода и на фрагменте сохранились части надписей из двух слов в одну строку почерком *nasx* на фоне растительного орнамента. На фрагменте со свода надпись каллиграфичная, в первом слове частично сохранилась первая буква, предположительно это «*нун*» ن, в таком случае читается слово «*нун*» نعمة, что переводится как «благоденствие, счастье», во втором слове не сохранилось окончание. Предположительно утрачена буква «*бā*» ب, читается слово «*бā*» صاحب, что переводится как «Хозяину, владельцу». Вероятно, это часть благопожелания. На фрагменте арки в начале надписи виден хвостик от предыдущей буквы. Полностью сохранилось первое слово — предположительное чтение قلبك «твое сердце», во втором слове не сохранилось окончание, первые буквы «*алиф*», «*лам*», «*мīm*» и «*‘айн*» (?) الم.

На большом угловом фрагменте панно сохранилось окончание надписи арабским шрифтом в одну строку почерком *nasx* на фоне растительного орнамента. Надпись каллиграфичная. Читается «*вāв*» و الرحمة «И милосердие (милость)». На одном из небольших фрагментов панно читается буква «*вāв*» و, выполненная почерком *nasx*; на другом сохранилась часть надписи арабским шрифтом почерком *nasx*: небольшой хвостик предположительно от буквы «*вāв*» و, и читается слово «*вāв*» و حي «Живой» (ж. р. или мн. ч.).

В целом проведенное исследование надписей в резьбе по ганчу в Термезском дворце не позволяет со всей уверенностью подтвердить заключения о том, что это религиозные надписи, например, отрывки изречений из Корана (Веймарн, 1940)

или текст арабских надписей в резном ганче дворца Термеза не был почерпнут из Корана (Массон, 1940); так и о том, что это были надписи «в основном благопожелательного характера» (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990).

Использование арабских надписей в оформлении интерьеров светских, культовых и общественных зданий — явление частое в мусульманской архитектуре. Уникальным декор Термезского дворца делает одновременное использование арабских надписей и изображений львов, грифонов и других реальных и фантастических животных — весьма редких в декоре зданий исламского периода, наиболее ранних в зодчестве Центральной Азии этого времени, к тому же очень своеобразно трактованных по характеру рисунка (Денике, 1939; Юсупова, 1997, 2001).

По мнению М.А. Юсуповой, допущение изображений живых существ в мусульманском зодчестве зависело от степени их регламентации исламом в разные периоды и от степени могущества правителей разных регионов (Юсупова, 1997). Термез был удаленным от религиозных центров городом, входившим в состав владений Газневидов (Массон, 1940), следовательно, его правители обладали достаточной властью, чтобы позволить себе отклонения от норм ислама, регламентирующих декоративно-прикладное искусство.

Исследователи отмечали, что в резном ганче Термезского дворца арабская надпись, сама подобная орнаменту, органично вошла составным элементом в общий декоративный узор (Веймарн, 1934). Эпиграфика в ганчевой декорации дворца в Термезе лишний раз подтверждает тот факт, что в XI–XII вв. в архитектурном декоре среднеазиатских памятников появляется, а затем становится преобладающим арабесковый тип узора с его сложным переплетением геометрического, растительного, зооморфного и эпиграфического орнамента.

Questions sur la datation du matériel céramique des périodes achéménide et grecque d'Asie centrale

Les fouilles de très nombreux sites en Asie centrale depuis plus d'un siècle, et les découvertes associées, ont permis de distinguer des assemblages céramiques caractéristiques de périodes successives depuis le Néolithique ou le Chalcolithique jusqu'à nos jours. Ces faits ne sont pas à remettre en cause. Néanmoins, plus nos recherches avancent, plus nous cherchons à gagner en précision, et ceci peut éventuellement conduire à des questions sur la terminologie utilisée quant à certains de ces assemblages. Je traiterai ici de deux cas, celui du matériel de la période achéménide et celui de la période hellénistique de Sogdiane.

Mes travaux sur les céramiques de Sogdiane, après ceux sur celle de la Bactriane orientale, m'ont conduite à mettre au jour un assemblage qui n'avait pas encore été repéré jusque-là datant de l'Age du Fer. Il est caractérisé par sa facture, façonnée au colombin, et sa pâte, dégraissée de schiste plus ou moins pilé et parfois polissée en surface, lui donnant une couleur rosée ou violacée. Il provient surtout de Koktepe, mais un nombre de tessons non négligeable a également été mis au jour sur les différents chantiers de la MAFOUZ à Afrasiab. Situé stratigraphiquement entre la céramique façonnée peinte contemporaine de celle dite de Jaz I, et la céramique tournée de type achéménide dite Jaz III/Afrasiab I, cet assemblage nouveau est donc plus ou moins contemporain de Jaz II, ce que confirment des dates ¹⁴C. La découverte de certaines formes en pâte rosée-polissée imitant celles de la période achéménide (bols à lèvre en G, gobelets à fond plat) montre néanmoins que cette céramique s'est poursuivie encore à l'époque Jaz III, donc sous les Achéménides. En ce qui concerne l'assemblage considéré comme typiquement achéménide (Afrasiab I) et généralement daté du 6e au 4e siècle par tous les archéologues, on remarquera,

d'une part, sa relative rareté à Afrasiab même, tout comme à Koktepe, et, d'autre part, la faible variabilité de ses formes, même s'il est notoire que, partout en Asie centrale, l'assemblage Jaz II-III est particulièrement monotone. Ceci me conduit à proposer que l'assemblage Afrasiab I couvre non pas toute la durée de la période achéménide, mais seulement sa phase finale, sans pouvoir encore décider sous quel souverain a été introduite en Sogdiane la céramique tournée qui avait déjà cours en Bactriane et en Margiane. Ceci, bien entendu, ne signifie pas que les Achéménides n'aient pas conquis la Sogdiane avant cette date, mais seulement que leur conquête n'a pas conduit à des transformations immédiates dans la culture matérielle locale, au moins dans la céramique mais probablement aussi dans le format des briques.

De la même façon, nous connaissons tous le matériel céramique hellénistique d'Asie centrale caractérisé par ses assiettes à poisson, bols à lèvre rentrante, cratères, etc., et plusieurs auteurs se sont déjà posé la question de la datation précise de ce matériel: est-il apparu dès la fin du 4e s. avant notre ère ou seulement à partir du 3e s.? Des comparaisons entre différents sites permettent désormais de considérer que là encore, la conquête d'Alexandre n'a rien changé immédiatement dans la vaisselle locale et qu'il a fallu attendre l'arrivée de colons et d'artisans grecs pour que ces formes nouvelles soient introduites, donc pas avant le début du 3e s., sous les Séleucides, et en particulier les Antiochos.

Ces deux exemples conduisent donc à considérer que l'assemblage Afrasiab I chevauche la fin de la période achéménide et le début de la période grecque et qu'il faut par conséquent être prudent dans nos datations absolues fondées sur la céramique.

Керамика городища Хазара

Городище Хазара расположено в местечке Хазара Навоийской области Узбекистана и состоит из мечети и П-образного сооружения известного как Кургантепа. Без сомнения, это остатки здания, воздвигнутого в период Бухарского ханства или несколько раньше, вероятно, на месте цитадели Хазаринского городища. Оплывшие руины средневековых стен и сейчас прослеживаются в южной и западной стороне от крепости.

Мечеть носит имя известного религиозного деятеля XIV в. Хазрат Мавлоно Ориф Деггороний (родился в 1313 г.). Его имя упоминается в целом ряде средневековых источников (Бухарий, Азимов, 2004; Иноятов, Хайитова, 2006; Усман, 1999; Paul, 1991). Впервые памятник был обследован в 1934 г. экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А.Ю. Якубовского. Исходя из его топографического положения и «архаического вида», он был датирован VIII–IX вв. (Якубовский, 1940). Повторные исследования мечети Деггарон проводились в 1940 г. В.Л. Ворониной и С.К. Кабановым, которые датировали ее первой половиной XI в. Дальнейшее архитектурно-археологическое исследование мечети было произведено В.А. Нильсеном. Археологические шурфы дали возможность исследователю определить дату возведения мечети XI в.

Особый интерес представляют исследования О.Г. Бодьшакова, основанные на письменных источниках. Они позволили исследователю прийти к выводу, что если в X в. город «доживал свои последние дни», то «очень сомнительно, чтобы в такое время стали воздвигать в нем соборную мечеть», и, следовательно, «раннюю датировку А.Ю. Якубовского пока нельзя считать опровергнутой» (Большаков, 1956). Он же отождествил развалины Хазаринского городища со средневековым городом Кукшибаганом, который упоминают авторы IX в. Ибн Хордадбех и Кудама ибн Джафар. В пользу ранней датировки мечети высказался позже С. Хмельницкий, который подчеркивал «очевидную архаичность архитектуры мечети» и сопоставлял ее с другими многочисленными памятни-

ками исламской архитектуры IX–X вв. (Хмельницкий, 1992).

Для выявления стратиграфии культурных слоев на памятнике был заложен шурф, доведенный до материка. В результате раскопок выделено два основных культурных слоя: слой XII – начала XIII в. и слой времени возведения бекской крепости. Материалов более ранних не обнаружено. Наши наблюдения в траншеях, обнаживших фундамент мечети, показали, что возведена она на культурном слое караханидского времени. Некоторые стены не имели фундамента вовсе и также покоились на культурном слое.

Керамический материал в большом количестве был разбросан по всему городищу. Но основная его масса происходит из двух траншей, расположенных с южной и северной сторон мечети. Особый интерес вызывает расписная керамика, которая в основном представлена крышками от сосудов. Крышки по своим размерам и внешнему оформлению подразделяются на несколько типов.

Расписные плоские крышки крупных размеров с грибовидной ручкой посередине. Изделия сформованы на гончарном круге из глины среднего качества, равномерного обжига. Как правило, на поверхности следов коפותи не прослеживается. Край оформлен пальцевыми защипами. Кроме росписи поверхность украшалась ложбинками, которые располагались по кругу или от края к центру, гребенчатым штампом и вмятинами от пальцев руки. Иногда край оформлялся в виде валика. Роспись незамысловатая: в виде различных полос, крапин, пятен различных форм и замкнутых фигур с резервом или крапиной внутри. Очень редко встречаются сероглиняные крышки, вероятно, пережженные до того, что роспись оказалась не коричневого, а черного цвета.

Второй тип этих изделий представлен расписными, слегка вогнутыми крышками, также с грибовидным навершием. Качество изготовления их примерно такое же, как и у плоских крышек, но толщина черепка меньше (чуть более 1 см). Нес-

колько различается и роспись в виде широких изогнутых полос, как правило, без дополнительной орнаментации. Иногда орнаментировалась росписью и ручка крышки.

Нерасписные крышки — плоские, различных размеров с грибовидными и конусовидными ручками. Формовались на гончарном круге. Глина среднего качества с различными мелкими добавками. Следов копоти не имеется. Среди них имеются крышки малых размеров (диаметром до 9 см), средних размеров (диаметром от 11 до 14 см) и крышки больших размеров (диаметром более 30 см).

Крышки малых размеров с конусовидными ручками, поверхность не орнаментировалась. Крышки средних размеров — с грибовидными ручками. Поверхность украшалась гребенчатым штампом, «тычками» и насечками. Орнамент располагался в три ряда на краю изделий. Насечками также украшались и их ручки. Крышки больших размеров — с грибовидными ручками. Они украшались более разнообразно. Применялся штампованный орнамент в виде гребенки, ряда concentрических кругов, ложбин, проведенных пальцами, вмятин, прочерченный орнамент. Иногда центр ручки отмечался вмятиной.

Среди находок на Хазаринском городище явно преобладают расписные крышки. Явление это не уникальное, а скорее характерное для Центрального и Южного Согда. Так большое количество крышек было найдено на городище Буркуттепа в Кармане (Грицина, Хужаназаров, Мирзаахмедов, Рахимов, 2000). В Южном Согде большое их количество найдено на городище Олтынтепа (Лунина, 1984), а также на поселении Кызтепа на территории Чимкурганского водохранилища в средней части долины Кашкадарьи (Исамиддинов, Хасанов, 2000). Изображения здесь гораздо сложнее и многообразнее, чем в Хазаре. По мнению исследователей Кызтепа, эти изображения в виде растений, птиц, различных животных, солярных символов и геометрических фигур отражают идеологические доисламские представления.

Расписные крышки караханидского времени отмечены в Западной Фергане на городище Карабулак. Большинство из них — вогнутые. Как и в Хазаре, роспись сочеталась с прочерченным и гребенчатым орнаментом (Брыкина, 1974). Однако мотивы росписи существенно отличаются от хазаринской.

Расписные крышки отмечены среди керамики Уструшаны. Но встречаются они гораздо реже, худшего качества и в основном вогнутые (Грицина, 2006). Они датируются второй половиной XII в. Этим временем мы склонны датировать и хазаринские крышки.

Однако такое большое количество расписных

крышек, как в Хазаре (но не сосудов), — явление уникальное. По крайней мере, прямых аналогий нам не известно. При этом следует отметить, что практически все крышки не имеют следов копоти, что свидетельствует о том, что предназначались они не для кухонных сосудов, а для хозяйственных. Изображения, видимо, несли охранную функцию для продуктов, которые в них хранились.

Расписная посуда, видимо, имела специальное назначение и могла использоваться в ритуальных целях. Следует отметить, что расписывалась не только столовая, но и кухонная керамика — сосуды для приготовления пищи. С.Б. Лунина считает, что в расписных котлах готовилась специальная пища, а сама роспись служила своеобразным оберегом. Вообще «расписная посуда была посудой особой, связанной с древними культовыми обрядами, пережиточно сохранившимися на территории распространения ислама» (Лунина, 1987).

Интересно отметить, что появление значительного количества расписных котлов в городской среде, а именно в Термезе, для XII — начала XIII в. связывается, как и в других городских пунктах Средней Азии, с притоком в них сельского населения из горных районов. Что касается самих росписей, то, по мнению Ш.Р. Пидаева, они служили в качестве оберега готовящейся в котлах пищи (Пидаев, 1997).

По нашему мнению, горное население здесь не играло определяющей роли. Скорее всего, это связано с очередной волной кочевников, двигавшихся по коридору, проложенному караханидскими племенами. Вместе с расписной керамикой они принесли свои традиции зооморфных изображений и изображения тамг на поливной и неполивной посуде.

Поливной керамики немного, но она достаточно выразительна. Чаще всего встречается посуда с подглазурным гравированным орнаментом. Имеется фрагмент сосуда типа блюда под поливой темно-зеленого цвета. С тыльной стороны поверхность ребристая и покрыта глазурью лимонно-желтого цвета. Орнамент выполнен в виде различных завитков и разводов. Подобная керамика имела большое распространение в Мавераннахре в середине XII — начале XIII в.

Найден венчик сосуда типа коса, внутренняя поверхность которого украшена росписью черного и светло-коричневого цвета по розовому фону.

Среди находок часто встречается неполивная керамика хорошего качества, выполненная на круге быстрого вращения. Однако она не отличается многообразием форм, что нехарактерно для караханидского времени. В основном эта посуда представлена венчиками хумов, горшками и котлами.

Хумы сформованы на гончарном круге из глины среднего качества, равномерного обжига, поверхность светло-коричневого цвета. Венчик имеет Т-образную форму, диаметр от 35 и более см.

Горшки сформованы на круге быстрого вращения из глины хорошего качества без посторонних примесей, качественного обжига. При ударе черепок «звенит», что свидетельствует о его высоком качестве. Диаметр сосудов от 14 см и больше.

Симобкузаха (сфероконусы) представлены в единственном экземпляре. Сосуд украшен пуансонным орнаментом в виде розетки, прорисованными горизонтальными линиями и наlepным ребром.

В коллекции также имеется выпуклая бляшка от керамического сосуда с оттиснутым орнаментом в виде розетки. Подобные бляшки отмечены и в Уструшане, и в Фергане (Грицина, 1991; Брыкина, 1974).

Отметим также алебастровый дастархан. Сохранилась только одна конусовидная ножка и часть поверхности столешницы. Примерно таких же размеров алебастровый дастархан найден

в Уструшане на поселении Актепа. Алебастровые столики появились, по-видимому, в раннее средневековье и довольно широко распространяются в XI–XII вв. (Брыкина, 1974; Богомолов, Папахристу, 1982). Отмечался этот тип также в Самаркандском Согде (Маньлов, 1987). В Уструшане они известны по городищу Мунчактепа (Брыкина, 1974).

Таким образом, проведенные исследования на городище Хазара показали, что наиболее интенсивный этап его обживания падает на XII – начало XIII в. Среди подъемного материала, материалов из траншей и раскопа нет более ранних. Следовательно, вопрос с локализацией и временем возведения мечети остается открытым. Что касается последнего вопроса, то возведение мечети на культурном слое XII – начала XIII в. позволяет сделать вывод, что возведена она не ранее этого времени. Кроме того, возведение колонн комбинированной кладкой, характерной для карахидского периода, размеры кирпичей, также приближающиеся к стандартам этого времени, дают дополнительные аргументы в пользу нашего предположения.

К отдельным аспектам производства средневековой глазурированной столовой посуды Афрасиаба

При археологических исследованиях на городище осенью 1966 г. в 20 м к востоку от Центрального раскопа, у разрушенного подножия третьей городской стены, были выявлены остатки пода небольшого керамического горна. Его основание было вскрыто при строительных работах по прокладке перенесенной затем автотрассы на аэропорт. Выявленная в результате по верхнему культурному горизонту археологическая ситуация показала, что пространство между Центральным раскопом с масштабным средневековым керамическим производством (Ташходжаев, 1974, с. 8) и выявленным нами горном занимали отвалы бракованной поливной керамики, спускавшиеся вниз с уровня основания крепостной стены. Сама же раннесредневековая стена, видимо, ввиду отсутствия необходимости к X в. была уже в разрушенном состоянии (Шишкин, 1969, с. 142), и остатки выявленного горна располагались практически в структуре ее основания.

Запустение не только внутренних стен шахристанов, но даже внешних стен городов, так же как и присутствие здесь многочисленных остатков керамического производства, характерно не только для Афрасиаба (Ртвеладзе, Ташходжаев, Федоров, 1974, с. 154). Подобная ситуация фиксируется по материалам стен внутреннего шахристана Бухары (Мирзаахмедов, 1999, с. 298) и внешних стен шахристана Пайкенда (Мирзаахмедов, 1998, с. 116). Это было обусловлено относительно спокойной политической и социально-экономической ситуацией в государстве Саманидов, которая отражается в крылатой фразе его основателя Исмаила Самани в отношении оазисных стен Кампыр дувал: «Я стена Бухары». В результате относительной безопасности и значительного демографического взрыва разросшееся население из скученных городских кварталов переселяется в более обводненные, озелененные жилища с двориками в рабадах и пригородах. На пустеющих участках шахристанов, и прежде всего на разрушающихся широких крепостных стенах, как можно судить по

археологическим данным, размещаются и начинают функционировать многочисленные керамические производства, в производственной деятельности которых, видимо, широко использовался чистый лесс фактуры ранних стен городов. Даже частичное использование этого основного компонента производства, несомненно, должно было способствовать значительному удешевлению стоимости продукции.

Возвращаясь к остаткам самого горна, отметим, что его диаметр был около 60 см. Обжигательная камера сохранилась на высоту 25–30 см. Из завала внутри печи был получен немногочисленный комплекс фрагментов поливной столовой посуды малых форм: пять блюдец и три чашечки.

Блюда имели дисковидно-вогнутые поддоны и полусферические стенки. При этом три из пяти экземпляров представляли наиболее широко распространенный тип с зелено-желтой цветовой гаммой растекающейся росписи по белому ангобу и гравированной растительно-цветочной орнаментацией. Они покрыты прозрачной свинцовой блестящей глазурью вплоть до основания поддона. По внешней поверхности никакой орнаментации не отмечено.

На первом экземпляре (Д. устья – 11,5 см, Д. дна – 4,7 см, высота – 3 см) к четырехлепестковой розетке и потекам зелено-желтой росписи добавлены коричневые пятна.

Два других блюда по цветовой гамме и размерам близки первому, но орнаментация у них несколько упрощена. По этнографическим параллелям зелено-желтая гамма олицетворяла у населения символику жизни – солнце и зелень, а растекающиеся потеки, в том числе по внешней поверхности, символизировали полную чашу, т. е. достаток.

Второй тип представлен двумя экземплярами. Они имеют такую же форму с дисковидно-вогнутыми поддонами и полусферические стенки и покрыты белым ангобом и прозрачной свинцовой блестящей поливой, вплоть до основания поддона.

На первом образце всю внутреннюю плоскость стенок занимает эпиграфический орнамент, выполненный черной краской, и изящное изображение побега красной краской по центру с заполнением резервов черными точками под металл (Д. устья — 12,5 см, Д. дна — 5,3 см, высота — 3,8 см).

Второе блюдо близко по форме первому, но основу его орнаментальной композиции составляют две перпендикулярные красные пересекающиеся ленточные полосы, возможно, имитирующие псевдоэпиграфику и делящие внутреннюю поверхность на четыре сектора с черными точками в резервах.

Чашечки (пиала) составляют вторую группу находок в комплексе и собраны в количестве трех экземпляров. Как и блюда, они имеют дисквидно-вогнутые поддоны и усеченно-конические стенок. Сосуды покрыты белым ангобом и прозрачной, бесцветной блестящей поливой вплоть до основания поддона. По характеру орнаментации их можно отнести к образцам посуды с эпиграфическими мотивами оформления, а по цветовой гамме к монохромам и полихромам.

На первом образце монохромной чаши черной краской по белому фону в свободной манере почерком куфи нанесен эпиграфический орнамент, составляющий единственное украшение посуды (Д. устья — 12 см, Д. дна — 5,5 см, высота — 4 см).

Два следующих полихромных образца чашечек по размерам близки первой. На второй чашечке к эпиграфическому орнаменту добавлены точечные мотивы в красной окантовке в резервах и лепестковая розетка по центру. На последней, третьей, чашечке орнаментация состоит из узкой ленточной полосы, делящей ее посередине, с точечными мотивами, имитирующими эпиграфику.

Таким образом, на основании полученных материалов можно отметить, что в ходе зачистки горна получен единовременный закрытый кера-

мический комплекс. Найдена посуда только малых форм, близкая по размерами и очертаниями тулова. По многочисленным параллелям и аналогиям она датируется серединой X в.

Небольшие размеры горна, а также типы посуды, изготовлявшейся в нем, безусловно, указывают на то, что уже к X в. в керамическом ремесле Самарканда наблюдалась четкая специализация мастеров, изготовлявших только определенные виды изделий. На примере нашего комплекса можно отметить, что это касалось их размеров. При этом оставался широкий диапазон для творчества в сфере оформления посуды. Так, здесь мы наблюдаем значительный спектр деятельности мастера в изготовлении более дорогой парадной посуды с эпиграфической и псевдоэпиграфической орнаментикой, а также посуды более дешевой, обиходного назначения, с зелено-желтой гаммой росписи.

В дополнение к последнему подчеркнем, что на примере материалов выявленного горна, работа которого, видимо, во многом следовала характеру производственной деятельности более крупных, прослеживаются общие тенденции, соблюдавшиеся при выпуске производимой ими товарной продукции.

Библиография:

Мирзаахмедов, 1998 — Мирзаахмедов Д.К. Еще раз к вопросу о керамике с зеленой поливой из Пайкэнда // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.

Мирзаахмедов, 1999 — Мирзаахмедов Д.К. Новые находки лостровой керамики из Бухары // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.

Ртвеладзе, Ташходжаев, Федоров, 1974 — Ртвеладзе Э.В., Ташходжаев Ш.С., Федоров М.Н. Нумизматические этюды // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.

Ташходжаев, 1974 — Ташходжаев Ш.С. Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г. // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.

Шишкин, 1969 — Шишкин В.А. Кала и Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.

«Промышленный дизайн» в раннеисламском искусстве Средней Азии (роспись на керамике)

В истории искусства Средней Азии как совокупности историко-культурных регионов, разделенных в настоящее время между собой границами современных государств, можно выделить несколько крупных этапов.

Один из них связан с приходом на территорию Средней Азии ислама. Этот этап характеризуется коренным изменением отношения к изобразительности в искусстве. Данное изменение уже неоднократно становилось предметом исследований и даже стало частью мифа о запрете на изображения живых существ в исламе, созданного в искусствоведении. Рассматриваемый этап датируется временем от первых арабских походов за Амударью, начавшихся в конце VII в., до правления на территории Мавераннахра местной династии Саманидов, при которой практически завершилась исламизация региона.

Не останавливаясь подробно на анализе искусства этого времени, отметим, что именно на данном этапе в среднеазиатском искусстве появилось практически новое направление — роспись глазурованной керамики. Существует обширная литература, посвященная этой категории посуды Средней Азии, в том числе и анализу ее декора. Одна из лучших работ по этой теме была сделана Г.В. Шишкиной (Шишкина, 1979). В то же время некоторые общие вопросы, связанные с орнаментацией глазурованной керамики, остались без внимания исследователей. В частности, вопрос о том, кто выполнял роспись глазурованной керамики, были ли это ремесленники гончары или специальные художники.

Как в домусульманское время, так и с приходом ислама керамические изделия, в том числе керамическая посуда, занимала одно из ключевых мест в культуре Средней Азии. В домусульманское время керамика, в частности столовая посуда, использовавшаяся для ежедневного потребления пищи, была продуктом ремесленного производства. От тарной и кухонной посуды она отличалась специальными формами и технологическими

признаками — качеством глины, толщиной черепка, качеством обжига, тщательной обработкой поверхности (лощение, ангобирование). И если учитывать, что мир, окружавший человека в домусульманской Средней Азии, был максимально насыщен изобразительностью и цветом, то керамическая столовая посуда в некотором роде выбивалась из этой яркой картины. В отдельных случаях столовая посуда могла украшаться наклепками или штампами. Эти варианты декора, как правило, были привнесены в керамическое производство из других видов искусства. Кроме того, в раннесредневековое время появилась группа керамических сосудов, которые своей формой или декором (обсыпка слюдой) имитировали металлические (серебряные) образцы. Таким образом, гончары, если и стремились повысить художественные качества своей продукции (и ее социальный статус), то шли по пути имитации металлических изделий и использования видов декора, позаимствованных из мелкой пластики и художественного металла. Между тем роспись на керамике практически не встречалась. Известны единичные случаи полихромной росписи на керамике, выполненные профессиональными художниками. Однако подобное оформление переводило расписной сосуд из разряда утилитарных вещей в разряд ритуальных атрибутов (например, мервская ваза).

С приходом ислама Средняя Азия оказалась включена в ареал арабо-мусульманской культуры, охватившей огромную территорию от Испании до Инда. Несмотря на значительные региональные отличия, проявлявшиеся на местах, на пространстве арабо-мусульманской культуры проходили общие культурно-художественные процессы. Развитие исламского искусства формировалось на основе адаптации местного художественного наследия и его трансформации под влиянием новой идеологии. Можно сказать, что эти процессы шли по двум направлениям. Во-первых, в раннеисламское время активно использовался декоративный

репертуар предшествующего времени. Во-вторых, происходило переосмысление существовавшей ранее изобразительности (образы, композиции), которая принимала орнаментальный характер и уже не играла основной роли в оформлении архитектуры и произведений декоративно-прикладного искусства.

В Средней Азии процесс трансформации домусульманской культуры и искусства проходил постепенно по мере утверждения ислама и продолжался на протяжении VIII–IX вв.

Кардинальные изменения, касающиеся всех видов искусства, проявились и в керамике. В первой половине IX в. в керамическое производство Средней Азии из районов Ближнего Востока приходит новый технологический прием – глазурование, который наибольшую популярность приобрел при изготовлении столовой посуды и облицовочных плиток, использовавшихся в архитектурном декоре.

Первая глазурованная посуда в Средней Азии была сделана местными ремесленниками в подражание привезенным образцам с Ближнего Востока. Декорирование первых изделий осуществлялось в техниках подглазурной росписи по черепку и надглазурной росписи. По мнению Г.В. Шишкиной, «источником сюжетов для гончаров могли служить широко известные образцы разных видов искусства от настенных росписей до бытовых предметов, в том числе металлических». В то же время в качестве приоритетных образцов для подражания, очевидно, использовались именно художественные изделия из металла, где заимствовались как некоторые технологические приемы, так и изобразительный репертуар (мотивы, образы, композиции) (Шишкина, 1979, с. 36–40). Это показывает, что на первом этапе появления глазурованной посуды среднеазиатские керамисты сами занимались оформлением своей продукции, в частности продолжали придерживаться традиции воспроизведения в глине социально значимой металлической посуды.

Со второй половины IX – в начале X в. среднеазиатские ремесленники стали применять ангоб в сочетании со свинцовыми глазурами, технические характеристики которых давали большой простор для нанесения различных видов декора. В частности, получила широкое распространение техника подглазурной росписи.

Анализируя столовую посуду этого времени, исследователи отмечали, что с этого момента основную роль начинает играть уже не форма изделия, а его декор.

Судя по некоторым образцам декора глазурованной керамики этого периода, в его исполнении принимали участие профессиональные художники, а не гончары-ремесленники. Таким образом, во второй половине IX в. в Средней Азии

появляется новый вид искусства, которого прежде просто не было – роспись керамики. Судя по репертуару, в росписи на керамике можно выделить два направления – живопись (в широком смысле этого слова) и каллиграфию. В этой связи встает вопрос: откуда появились художники, которые взялись за роспись керамики?

Монументальная живопись была очень популярным видом искусства в Средней Азии в домусульманское время. Однако с приходом ислама спрос на оформление монументальных сооружений настенной живописью значительно сократился. Последний всплеск изобразительной живописи – битва наездников на слонах с фантастическими животными в Красном зале во дворце бухархудатов на Варахше – уже отражает общую тенденцию исламского искусства. Благодаря повторяемости изобразительные фигуры приобретают ритм монументального декора. Возможно, строившиеся в IX–X вв. в Средней Азии монументальные сооружения могли украшаться монументальной живописью, но достоверных материалов, подтверждающих это предположение, мы пока не имеем. Вероятность того, что невостребованные монументалисты обратились к декоративно-прикладному искусству, очень невелика.

Между тем с начала IX в. арабо-мусульманский мир охватил книжный бум. Подавляющее большинство рукописных книг имело форму кодекса. За исключением особого отношения к каллиграфии художественное оформление арабских рукописных книг было относительно скромным и непритязательным (Халидов, 1987, с. 293). Помимо ислама книги в разных формах являлись священными текстами христианства, манихейства и буддизма – религий, которые, несмотря на приход ислама, еще сохраняли свои позиции в разных частях Средней Азии. В отличие от ислама в книжных традициях этих религий немаловажную роль играло оформление, над которым работали профессиональные переписчики и специальные художники. Наиболее богатое оформление книг, включающее миниатюру, было у манихеев.

Большое значение в широком распространении книг в арабо-мусульманском мире сыграло начало изготовления бумаги в Средней Азии (в Самарканде) во второй половине VIII в. Бумага как более удобный и дешевый писчий материал вытеснила папирус из книжного производства менее чем за сто лет (в течение IX в.) (Халидов, 1987, с. 291).

Можно предположить, что первыми среднеазиатскими художниками, расписывавшими глазурованную керамику, были миниатюристы. Несмотря на то что прямые доказательства этого предположения пока отсутствуют, связь между этими двумя видами живописи отчетливо прояви-

лась позднее в XII–XIII вв. – в живописи на керамике минаи.

Популярность и высокий уровень исполнения эпиграфических надписей на керамике X в. дают основание предполагать, что оформлением определенной части керамики занимались профессиональные каллиграфы, также связанные с изготовлением книг. Ш. Блейр и Дж. Блум считают, что отличие каллиграфии на керамике, сделанной на Ближнем Востоке, от каллиграфии на саманидской керамике заключается в том, что последняя имела прототипы, написанные на бумаге (Blair, Bloom, 2000, p. 122). Эти различия могут быть объяснены тем, что Самарканд на протяжении почти всего X в. был монополистом по производству бумаги на территории арабо-мусульманского мира. А в эпиграфическом декоре самаркандской керамики X в. Г.В. Шишкина выявила прием, применявшийся в оформлении рукописей (Шишкина, 1979, с. 54).

Вместе с тем, судя по разному качеству исполнения, наряду с профессиональными живописцами и каллиграфами над росписью посуды работали и простые ремесленники, повторяющие вари-

анты, сделанные профессиональными художниками. То есть за вторую половину IX – начало X в. в Средней Азии сформировалась общность, включавшая художников, каллиграфов и ремесленников, которая представляла некое производственное единство, занимавшееся тем, что сейчас можно было бы назвать «промышленным дизайном» – искусством росписи глазурованной керамики, которая, в свою очередь, была массовым ремесленным продуктом.

Библиография:

Халидов, 1987 – Халидов А.Б. Рукописная книга в арабской культуре // *Рукописная книга в культуре народов Востока*. М., 1987.

Шишкина, 1979 – Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VII – начало XIII в.). Ташкент, 1979.

Blair, Bloom, 2000 – Blair Sh., Bloom J. *Decorative Arts. Iraq, Iran and Egypt: The Abbasids* // *Islam Art and Architecture*. Cologne, 2000.

Зодчество Самарканда при Караханидах

Главный пульс интеллектуальной и творческой жизни, как известно, бился в крупных столичных городах Средней Азии. Именно в городах на всех исторических этапах возникала монументальная архитектура - дворцы, общественные гражданские и культовые сооружения, возведенные от имени правящей элиты, развивалось строительное искусство, отражавшее вкусы, тенденции и стиль времени.

Эпоха трех тюркских государств XI—XII вв. на территории Средней Азии под управлением династий Караханидов, Сельджукидов, Газневидов и Гуридов вошла в историю культуры региона как время Ренессанса, отмеченного расцветом городов, ремесел, монументального строительства и декоративно-художественного искусства. На основе инноваций и традиций, развития инженерной науки и строительного искусства в разных городских центрах в XI—XII вв. складываются архитектурно-художественные школы со своей спецификой и особенностями. Ярко представлена средневековая хорезмийская школа зодчих (Кунья-Ургенч), северо-хорасанская и близкая ей школа Тохаристана (Мерв, Термез), бухарская школа. Наибольшее число сохранившихся на поверхности памятников зодчества относится к культовым мемориалам, вокруг которых формировались некрополи придворной знати и высшего духовенства.

В древнейшем культурном центре Средней Азии Самарканде хорошо сохранившихся памятников зодчества эпохи Караханидов (XI—XII вв.) нет. Это связано с исторической судьбой города, шахристан которого, где было сосредоточено монументальное строительство, после монгольского завоевания в XIII в. переместился с территории Афрасиаба в пригород-рабад. Монументальные сооружения на покинутом шахристане постепенно пришли в запустение и в наше время являются предметом археологических изысканий.

Наиболее масштабные данные по архитектуре караханидского Самарканда получены при раскопках в ансамбле Шахи-Зинда, где в XI—XII вв. у

важной мусульманской святыни «машада-Кусам» сложился крупный религиозно-культовый и научно-образовательный центр города. Он включал в себя ханифитское медресе Кусамийа, а также некрополь Караханидов, застроенный богато украшенными гробницами, остатки которого вскрыты в середине XX в. под существующим ансамблем эпохи Тимуридов XIV—XV вв.

Вскрытые основания стен XI—XII вв. и, главным образом, большая (более 100 единиц) коллекция декора, где доминировала резная непорочная терракота, впервые дали реальные представления об архитектуре домонгольской Шахи-Зинды и Самарканда в целом.

Архитектурный декор, как известно, следует за архитектурной формой, и это позволило в некоторых случаях безошибочно представить общий облик сооружений XI—XII вв. в Шахи-Зинде, а также говорить об уровне строительного дела и особенностях самаркандской школы зодчих этого периода.

Часть вскрытых руин сохранилась *in situ* (медресе Кусамийа, «машад Кусам» комплекс Кусам ибн Аббаса, с мечетью и минаретом XI в., гробница Лачин-бека XI в.), завалы декора и фрагменты стен фиксируют места расположения построек Караханидского некрополя, общую планировочную композицию которого повторил ансамбль XIV—XV вв.

В Шахи-Зинда от XI в. после многих переделок и ремонтов сохранилось только его идейное и архитектурное ядро - комплекс Кусам ибн Аббаса (машад Кусам по вакфу XI в.). Это уникальная двухярусная объемно-планировочная структура ритуально-культовых помещений. Сложение ансамбля было обусловлено сформировавшимся в исламе обрядом поклонения святым местам — зийаратом. Безликий внешний вид «машада Кусам», отстроенный в черновой кирпичной кладке, без архитектурно-художественной разработки стен и декора, был продиктован философией раннего суфизма, где доминировали требования простоты и скромности, в то время как другие строе-

ния караханидской эпохи в Шахи-Зинда были богато украшены декором.

Коллекция декора и фрагменты вскрытых стен XI—XII вв. показывают, что монументальная архитектура Самарканда этого времени не уступала известным домонгольским памятникам Бухары и Бухарского оазиса, Узгента и других городов Мавераннахра. Более того, можно с полным основанием полагать, что самаркандская школа зодчих была ведущей в общем русле развития архитектуры Мавераннахра.

Различные формы резных терракотовых плит из Шахи-Зинды, не известные более нигде в Средней Азии в таком разнообразии приемов, мотивов, их сочетаний и композиций, дают представления о характере и специфике локальной архитектурной школы, сложившейся в XI—XII вв. в Самарканде. Строительное дело города находилось на уровне передовых технических и художественных достижений эпохи.

В отличие от сопредельных регионов, сырцовый кирпич в Самарканде был вытеснен жженым уже в начале XI в. Это позволило создавать более надежные конструкции — купола и своды большого пролета при более тонких (чем сырцовые) стенах. В конструкциях использовались разные виды перекрытий и подкупольных систем, своды и купола, плоские перекрытия, применяли армирование стен деревянными связями.

Раскопанное примерно на одну четверть медресе и принцип симметрии, заложенный в основу плана памятника, показали, что в Самарканде в середине XI в. сложился характерный для Мавераннахра тип медресе четырехайванной дворовой композиции, где были заложены основные планировочные элементы, получившие развитие в этом регионе в последующие столетия.

К этому же периоду относится уникальный по планировочному решению и инженерным конструкциям мавзолей Лачин-бека фасадного типа с оригинальным входным вестибюлем на главной оси, который также подчеркивает особенности самаркандской школы зодчих XI в.

Резная неполированная терракота Самарканда позволила зодчим и дизайнерам сосредоточить творческие поиски на оформлении экстерьеров. С появлением прочного облицовочного материала в виде резной терракоты развивается фасадный и портално-купольный тип зданий, характерный для Мавераннахра.

В меньшей степени резная неполированная терракота применялась в Бухаре и как исключение в

Хорезме, северном Хорасане (Нишапур) и Афганистане. Резная терракота из Шахи-Зинды свидетельствует о высоком уровне художников-монументалистов и своеобразии самаркандской школы зодчих XI—XII вв. Мастера этой школы владели всеми видами технических и художественных приемов, известных в средневековой Средней Азии. Орнаментальные мотивы (ислими, гирихи, каллиграфия), известные по резному ганчу и дереву, предстают здесь в новой стилистической трактовке.

Искусно выполненная резная терракота облекала черновую кладку в богатые одежды и превращала безликую конструкцию кирпичных стен в произведение искусства. Внешний облик богато убранных гробниц Караханидского некрополя представлял собой произведения высокого художественного образа и стиля.

Традиционные приемы и мотивы нашли свое продолжение в первых постройках Шахи-Зинды XIV в. (Мавзолей Ходжа Ахмада, Безымянный 1360\61 г., мавзолей Шади-Мульк-ака 1372 г.). В этом же стиле из резной поливной терракоты облицован главный фасад и интерьеры мавзолея Буйан Кули-хана в Бухаре второй половины XIV в. Архитектурная школа Самарканда проходила тот же путь развития, что и строительное искусство других культурных центров Средней Азии. Однако, при общих тенденциях в развитии монументального декора, резная терракота, присущая Самарканду XI—XII вв., открыла новую страницу в художественном облике архитектуры города, определила ее стиль. Самаркандская школа зодчих XI—XII вв. имела «свое лицо» и, как показали материалы из Шахи-Зинды, не только не уступала лучшим образцам архитектурных шедевров других городов, но скорее была ведущей в общем русле развития зодчества центрального Мавераннахра.

Археологические раскопки последних лет на цитадели Афрасиаба показали, что в правление тюрков-Караханидов царские покои расписывались не только стилизованно-растительным орнаментом, но и сюжетной живописью, хорошо известной в Центральной Азии — дворец Газневидов (Лашкаргох в Бусте), дворец XI—XII вв. в Хульбуке (юг Таджикистана). Это было модное веяние в среде тюркских правителей и придворной знати эпохи. Оно являлось своего рода выражением независимости по отношению к канонам исламского искусства с его отвлеченной орнаментальностью.

Реставрация раннесредневековой живописи на городище Варахша в 1974–1975 гг.

Городище Варахша находится в пустыне Кызылкум в 40 км западнее Бухары и представляет сейчас руины одноименного поселения известного по древним письменным источникам. В эпоху раннего средневековья это поселение было одной из резиденций правителей Бухары, дворец которых расположен у южной стены города. Археологические раскопки на Варахше были начаты в 1937–1939 гг. В.А. Шишкиным и В.Д. Жуковым. Тогда же была открыта настенная живопись в дворцовых залах. В 1949–1954 гг. полностью был исследован дворцовый комплекс и открыта живопись в уже известных «Красном», «Восточном» и «Западном» залах.

В 1972 г. я переехал в Москву из Ташкента, где я окончил университет и аспирантуру в Институте истории и археологии АН УзССР, в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию. В Ташкенте я работал старшим научным сотрудником в Институте истории и археологии, занимался раскопками на Афросиабе, курганов в долине Зарафшана и на других объектах.

В Москве я был принят на должность старшего научного сотрудника в отдел реставрации монументальной живописи ВЦНИЛКР, а в 1973 г. стал заведующим этим отделом. Первоначальной задачей отдела была разработка методов реставрации настенной живописи на лессовом основании потому, что к концу 1960-х и началу 1970-х гг. в Средней Азии были найдены настенная живопись и глиняная скульптура на Афросиабе, на юге Узбекистана, в Афганистане.

В 1974–1975 гг. была организована научно-реставрационная экспедиция по отработке новых методов реставрации живописи на городище Варахша с применением новых достижений полимерных материалов, а до этого я был назначен заместителем директора ВЦНИЛКР по научной работе. Однако организация работ в Узбекистане встретила ряд препятствий, которые были устранены благодаря вмешательству заместителя министра культуры СССР Н.И. Мохова. Предложе-

ние о разработке методики реставрации живописи на городище Варахша было одобрено Обществом охраны памятников истории и культуры Узбекистана и письмом заместителя председателя правления Общества А. Шамуратова.

Для финансирования вновь создаваемых научно-реставрационных экспедиций необходимо заключение хозяйственных договоров с заинтересованными организациями, а ВЦНИЛКР в то время на это права не имел и ничего о таких договорах не знал, хотя имелось специальное Постановление Совета Министров и ЦК КПСС о привлечении дополнительных средств на научно-исследовательские работы.

Пришлось обратиться в Госкомитет по науке и технике Совета Министров СССР (ГКНТ) и поставить вопрос о разрешении ВЦНИЛКР заключать хоздоговора на дополнительные научно-исследовательские работы. В итоге Постановлением ГКНТ СМ СССР от 22 мая 1974 г. № 277 ВЦНИЛКР было разрешено производить дополнительные научно-исследовательские и реставрационные работы с привлечением средств заинтересованных организаций по хоздоговорам. Специальным распоряжением Совета Министров СССР за подписью главы Правительства А.Н. Косыгина в Госбанке СССР был открыт специальный счет. Основной задачей нового отдела было проведение работы по разработке новых методов консервации и реставрации музейных коллекций, монументальной живописи и полевых археологических находок.

В 1974 г., согласно постановлению, отдел состоял из 10 штатных единиц, в дальнейшем развернул работы по четырем десяткам хоздоговоров, в 1976 г. в отделе уже было 70 штатных единиц. Сотрудники отдела работали в тесном контакте со всеми отделами ВЦНИЛКР, такой размах работ и их разнообразная тематика создали основную предпосылку к преобразованию ВЦНИЛКР в 1979 г. во Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации (ВНИИР)

Министерства культуры СССР. Шло постоянное пополнение отделов новыми кадрами, создавались новые направления исследований, и появлялись новые отделы.

В 1974–1975 гг. была организована научно-реставрационная экспедиция, в состав которой я включил В. Бурого, В. Соловьева, В. Зверева и В. Лебедева. Базировалась экспедиция в Бухарском историко-краеведческом музее и ежедневно выезжала на работу в пустыню Кызылкум, на городище Варахша. Объектом для проведения экспериментальной реставрации был избран «Западный зал», представляющий собой помещение, стены которого внутри были обложены сырцовым кирпичом, закрывшим живопись на стенах VII–VIII вв. Плохая сохранность остатков живописи, потерявших экспозиционное значение, дала возможность отработать закрепление красочного слоя в разных условиях — при освещении солнцем, запылении и т. д. Химико-аналитическое изучение образцов живописи было выполнено З. Желнинской, исследовались пигменты и связующие материалы.

Полевая консервация состояла из следующих операций: расчистка лицевой стороны фрагментов, укрепление красочной поверхности раствором ПБМА, заклеивка живописной поверхности фрагментов марлей, укрепление тыльной стороны фрагментов и последующая упаковка в ящики для транспортировки на место камеральной обработки. Также была проведена и полевая обработка живописи в «Восточном зале», причем часть ее была снята и отправлена в Москву на дальнейшую реставрацию в лабораторных условиях, а большой фрагмент остался на стене «Восточного зала» и был засыпан землей. На этом в 1976 г. полевые работы были закончены.

В 1979 г. ВЦНИЛКР был преобразован во Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации (ВНИИР), что способствовало дальнейшему развитию охраны и реставрации культурного наследия народов СССР. Во вновь образованном институте я перешел на должность заведующего отделом произведений прикладного ис-

кусства, а вся система научной деятельности по хозяйственным договорам, введенная мною, органично вошла в деятельность научных отделов и лабораторий.

Настенная живопись «Восточного зала» осталась вне сферы интересов отдела реставрации монументальной живописи, который возглавлял В. Бурый. Договорные обязательства по реставрации живописи не были до конца выполнены, несмотря на то что значительная часть денег была на специальном счете института. По договоренности с Обществом охраны памятников истории и культуры Узбекистана я организовал научно-реставрационную экспедицию на городище Варахша, в которую привлек реставраторов Г. Богданову, Т. Вьюгину и Н. Травкину. Живопись на стене была открыта, закреплена и снята для транспортировки в институт. Упакованные фрагменты живописи были отправлены поездом в сопровождении Г. Богдановой и Т. Вьюгиной, причем я предварительно договорился в Каганском отделении Средне-Азиатской железной дороги, чтобы оно забронировало в поезде Душанбе–Москва двухместное купе.

Доставленные в отдел монументальной живописи фрагменты прошли камеральную обработку, проведенную Г. Богдановой, Т. Вьюгиной и Н. Травкиной. После долгих поисков материала для щита монтировки живописи удалось получить особую фанеру во Всесоюзном институте авиационных материалов (ВИАМ).

С живописи, готовой к отправке в Бухарский музей, художниками А. Солдатовым и Е. Гориной была сделана копия, которая предназначалась для экспозиции в Музее истории Узбекистана в Ташкенте. Для доставки готовой к экспозиции живописи и для монтировки ее в Бухару были командированы реставраторы В. Рыбаков и Н. Гришков. Позже они привезли в Ташкент копию живописи и смонтировали ее в Музее истории. Таким образом, сотрудниками отдела прикладного искусства была завершена реставрация живописи из Варахши и выполнены договорные обязательства перед Узбекистаном.

Керамика Пайкенда конца III–V в.

Керамический комплекс исследуемого периода с городища Пайкенд, расположенного в 60 км к юго-западу от Бухары, обнаружен пока только на цитадели. Впервые материалы поры поздней античности были выявлены в стратиграфическом шурфе в северо-восточной части цитадели (Городище Пайкенд, 1988, с. 149, рис. 1). Дальнейшие раскопки показали их наличие в коридоре крепостной стены на севере цитадели и под ним, а также в примыкающих к стене двух святилищах храма (Семенов, 1995, с. 172). Позднее в ходе исследования «внешних дворов» храма также была найдена керамика III–IV вв. и первых веков н.э. (МБАЭ, 2004, рис. 18, 19, 20; МБАЭ, 2008, рис. 13–24; Омельченко, 2008, с. 85–90).

В юго-западном секторе цитадели, во время работ 2006–2009 гг., обнаружена цепочка помещений коридорно-гребенчатой планировки, прилегающих к внутреннему фасу крепостной стены. Открытие башни или усиленного бойницами поворота этой стены – входа в цитадель позволяет предположить, что это были казармы. Помещения – семь – вдоль южного фаса и два – вдоль западного – изучены пока по верхним полам. Наибольшее сходство керамика с полов находит в материалах слоев 5,6 из восточного и 3,4 западного участков «внешнего» двора храма (МБАЭ, 2004, рис. 18, 19, 20; Омельченко, 2008, рис. 4, 15–48).

Вся посуда, за исключением кухонной, сделана из хорошо промешанной глины: в тесте видны включения кварца (естественная добавка?) и белые включения, вероятно гипса. Столовые сосуды иногда имеют следы подправки нижней части ножом; на днищах крупных форм отмечены следы песчаной подсыпки. Обжиг равномерный, перекалены только стенки хумов, в тесто которых изредка добавлялась дресва. Черепок в изломе светло-красного цвета, незначительный процент составляют серые по обжигу сосуды.

В группе столовой посуды выделяются колоковидные бокалы с прямыми или слегка ото-

гнутыми краями на профилированной и простой ножке с вырезом на нижней горизонтальной плоскости. Обычно они покрыты красно-коричневым ангобом и вертикально заложены. В комплексе представлены тонкостенные чаши с полусферическим и коническим корпусом на плоском или вогнутом поддоне с утолщенным венчиком и чаши с вертикальной верхней частью, верхний край которых снаружи подчеркнут желобком. Они покрывались ангобом внутри и обычно на две трети снаружи. В горн перед обжигом чаши вставлялись друг в друга, за счет чего образовывалась нарядная поверхность: чередовались светлые, темно-серые, красно-коричневые горизонтальные полосы. Некоторые сосуды с неустойчивым округлым дном использовались, по-видимому, и как крышки. Встречаются столовые тагора с уступами на внутренней поверхности и с резным волнистым орнаментом изнутри.

Тарная посуда в основном светлоглиняная. В ряде случаев она покрыта светлым ангобом; красно-коричневое покрытие редкость. Найдено много кувшинов со слегка отогнутым простым (т. н. «блоковидным») венчиком и с уступом по внутренней части устья. Встречаются сосуды с профилированными валиками, утолщенным венчиком и пластинчатой ручкой. Большие кувшины с венчиком в виде валика ручек не имели. В комплексе отмечены также тагора с квадратным в вертикальном сечении или «Г»-образным венчиком. Тулово широкогорлых горшков с уступом для крышки и отверстием в верхней части иногда украшалось концентрическими желобками. К редким формам следует отнести кувшин с отогнутым подпрямоугольным в сечении венчиком, коротким и широким носиком-рожком.

Хумчи имели отогнутый наружу подтреугольный в сечении венчик и массивные ручки. Они были украшены глубоким прочерченным орнаментом в виде рядов горизонтальных линий, под которыми расположены образованные такими же линиями (по три) косые кресты. У хумов отмече-

но два основных варианта выделенного желобком (в нем чаще всего один-два ряда пальцевых вдавлений) и склоненного внутрь венчика — одинаковой со стенкой толщины. Иногда сосуды имели утолщенный венчик в виде валика.

Лепные формы, в глину которых добавлялся шамот, представлены сковородами-жаровнями, шаровидными котлами с ручками-шишечками, украшенными налепными лентами с зашипами, плоскими крышками, курильницами на ножке, своеобразными подставками-пирамидками, по-видимому, для крупных сосудов с подкошенным дном, очажными подставками-«шашлычницами». На последних отмечены пальцевые вдавления и прочерченный орнамент в виде «древа жизни». У одной из «шашлычниц», форма которой восстанавливается полностью, были имитирующие рога парные выступы.

Наибольшее сходство описанная выше керамика Пайкенда находит в комплексах Бухара III–IV (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1982, рис. 2, 3), Рамиш V–VI (Древнейшие государства, 1985, с. 287, таб. СXXXV), в комплексе ЕК-13 Еркургана (Сулейманов, 2000, рис. 118: 17, 27; 120: 22; 121: 8; 123: 7, 17, 18, 20) и на Безымянном тепе в низовьях Шуробсая в восточной части Южного Согда.

Определенные аналогии и параллели посуда Пайкенда (чаши, кувшины без ручек с высоким горлом, профилированным валиком или венчиком со скошенной площадкой, имеющей уступ, кувшины с рифленным венчиком и волнистым орнаментом на плечиках) находит себе в Хорезме, на городище Топрак-кала, среди керамики горизонта II (Городище Топрак-кала, 1981, рис. 44: 11, 26, рис. 42: 1, 2, рис. 43: 35). Примечательно, что в этот же период в Хорезме появляются столовые тагора, украшенные изнутри волнистым орнаментом (Городище Топрак-кала, 1981, рис. 44: 17). Ряд пайкендских форм (полусферические чаши, столовые тагора, кувшины) обнаруживают прямое соответствие и в керамике кушано-сасанидского времени Северной Бактрии — Тохаристана, на наш взгляд, в большей степени в комплексе II/2 (Завьялов, 2008, рис. 79–81).

Лепная посуда Пайкенда: сковороды, крышки, «шашлычницы» — демонстрируют влияние присырдарьинских культур — Джеты-асара и Канчи (I этап) (Левина, 1971, рис. 3: 185–193, 197, 211; рис. 59: 28, 31–34, 35–40). В последней есть аналогии и круговым кувшинам с носиком-рож-

ком. В свою очередь, редкий в Пайкенде глубокий резной орнамент на хумчах близок джетыасарскому (Левина, 1971, рис. 3: 205, рис. 9: 51).

Датировать пайкендский комплекс керамики позволяют как аналогии в соседних областях, так и находки монет с полов помещений: они относятся к подражаниям чекану Васудевы III периода (Зеймаль, 1983, с. 282–283.). Таким образом, последний период функционирования помещенный коридорно-гребенчатой планировки у южной стены цитадели Пайкенда относится к концу III — I-й пол. IV в. Не противоречит этому и находка монеты Асбара I типа в помещении, возведенном на данном участке после их запустения.

Библиография:

Городище Пайкенд, 1988 — Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии / Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Ташкент, 1988.

Городище Топрак-кала, 1981 — Городище Топрак-кала (раскопки 1965–1975 гг.) // Труды ХАЭЭ. Т. XII. М., 1981.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985 — Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М., 1985.

Завьялов, 2008 — Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа. СПб., 2008.

Зеймаль, 1983 — Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

Левина, 1971 — Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. Труды ХАЭЭ. Т. VII. М., 1971.

МБАЭ, 2008 — Отчет о раскопках в Пайкенде в 2007 г. // Материалы Бухарской археологической экспедиции (МБАЭ). Вып. IX. СПб., 2008.

МБАЭ, 2004 — Раскопки в Пайкенде в 2003 г. // Материалы Бухарской археологической экспедиции (МБАЭ). Вып. V. СПб., 2004.

Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1982 — Мухамеджанов А., Мирзаахмедов Д., Адылов Ш. Керамика нижних слоев Бухары (опыт предварительной периодизации) // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.

Омельченко, 2008 — Омельченко А.В. К изучению храма на цитадели Пайкенда // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008.

Семенов, 1995 — Семенов Г.Л. Святилище в Пайкенде // Эрмитажные чтения 1986–1994 годов памяти В.Г. Луконина. СПб., 1995.

Сулейманов, 2000 — Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. — VII в. н.э. Ташкент–Самарканд, 2000.

Новые данные к истории средневекового Термеза

Археологическое изучение на городище Старого Термеза совместной узбекистано-французской Бактрийской экспедиции было возобновлено в 2006 г. на объекте Р-100, расположенном в юго-западном углу шахристана I у крепостной стены, к востоку от мавзолея Хакима Ат-Термези. Целью проведения раскопочных работ является дальнейшее изучение культурных напластований и планиграфии вокруг буддийской ступы, открытой раскопками предыдущих лет (Leriche, Pidaev 2001, p. 243-248; Leriche, Pidaev, Genequand 2002, p. 403-409; Leriche, Pidaev 2007, p. 190-193, fig. 8).

Полевые исследования здесь продолжают четвертый полевой сезон на площади 4,5х9 м, вытянутой по направлению запад-восток. В результате было установлено, что эта территория интенсивно обжигалась в IX-XII вв. Здесь зафиксированы остатки помещений, построенных из пахсовых блоков, очаги, бадрабы и колодец. В результате раскопок была получена богатая коллекция предметов материальной культуры, в том числе глазурованная и неглазурованная керамика, стеклянные сосуды, металлические изделия, костяные и стеклянные украшения.

Позднее, судя по керамическому материалу из верхнего слоя, с начала XIII в. эта территория, особенно ее возвышенная часть, использовалась под кладбище для захоронений по мусульманскому обряду; на глубине 30-50 см от дневной поверхности по всей площади раскопа зафиксированы прямоугольные могильные ямы, расположенные несколькими параллельными рядами. Всего было расчищено 12 погребений, два из которых оказались детскими. Погребения были совершены в подбоях глубиной 50-60 см, спущенных со ступеньки в западной стенке могилы. Вход в подбой с восточной стороны закладывался обломками жженой и сырцовых кирпичей размерами 28х28х6 см; разбитыми пахсовыми кирпичами и комками земли. Погребенные лежат на спине, головой на север или северо-запад, лицом на восток. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая

согнута в локте, кисть ее — под тазовой костью. Сопровождающего инвентаря в захоронениях не обнаружено.

В 2008 г. к востоку от ступы была обнаружена первая подземная пещера — келья, вырубленная в песчаном материковом слое. Раскопками последнего года выявлено и второе подземное сооружение, конструктивные особенности которого требуют подробного рассмотрения.

Пещера 2 находится на расстоянии 6 м на север от пещеры 1. Вход в нее с западной стороны, сама пещера — в восточном срезе раскопа. Общая ширина прохода в нее 1,30 м, начиная с уровня конца III яруса.

В отличие от пещеры 1, ступени прохода обложены жженным кирпичем размерами 24х?х4 см, 24х12х4 см, 24х13х3 см, 23-24х?х2-4, 25х?х4 см. Ступени выложены в два-три, четыре ряда, общая высота кладки 80 см, ширина ступеньки 23-25 см (один кирпич). В южной стенке прохода на глубине 3,30 м от дневной поверхности — ниша, размерами 60х45 см, связанная с подземным помещением. Само помещение, вырубленное в песчанике зеленого цвета, находится на глубине 8,3 м от дневной поверхности. Оно имеет размеры 2,55 х 1,97 м и ориентировано по линии Ю-С. Высота помещения 1,97 м. Вход в пещеру шириной 90 см оформлен небольшим порогом из жженого кирпича размерами 23х?х4 см, уложенным плашмя в один ряд. Длина порога менее 1 м (три кирпича).

Общая архитектурно-планировочная структура пещер находят близкие параллели с подземными помещениями, изученными на буддийском монастыре Каратепа, что позволяет считать их также буддийскими сооружениями — кельями.

В центральной части подземного помещения 2 пол был прорублен. В результате образовалась траншея с ровными стенками шириной 76 см, в срезе рва перед входом зафиксирована половина керамической трубы, которая была установлена под порогом (Д. внешн. — 35 см, толщина стенок — 2-4 см). Одним концом труба открывалась в

ров; с южной стороны от трубы в срезе зафиксированы жженые кирпичи размерами 25x7x4 см. Ров идет по всей поперечной длине помещения и прослежен на глубину 1 м от уровня порога входа пещеры. Заполнение рва в виде комковатой земли темного цвета, находки в слое отсутствовали.

Таким образом, раскопными работами в шахристане установлено:

1. Существование здесь раннесредневекового буддийского комплекса, от которого в настоящее время известны ступа и две подземные кельи для монахов. Возможно, что здесь функционировал один из 10 монастырей, упоминаемых буддийским паломником Сюань Цзанем, посетившим Термез в 630 г.

2. В отличие от пещеры 1, сохранившейся в своем первоначальном виде, пещера 2, претерпев некоторые конструктивные изменения, использовалась в средние века вторично.

Функционирование ее прекратилось, видимо, в XII в., когда проход к пещере был полностью завален битой посудой хозяйственного (кувшины, тагора, котлы, крышки) и столового (в основном глазурованные чаши, тарелки, пиалы, светильники-чирог) назначения.

На этом же участке, к северу от ступы, была выявлен обжигательный керамический двухъя-

русный горн. Топочная камера округлой формы с радиально расположенными продухами в верхней части. Обжигательная камера сохранилась лишь частично. Судя по сохранившимся фрагментам керамики, в горне обжигалась неглазуванная штампованная керамика и симобкузача (сфероконусы).

Результаты проведенных раскопок показывают, что уже к XII в. южная территория шахристана, прилегающая к оборонительной стене, использовалась под ремесленное производство.

Библиография:

Leriche, Pidaev 2001 – Leriche P., Pidaev Sh., L'action de la Mission Archéologique Franco-Ouzbèque de Bactriane // ETUDES Karakhanides Cahiers d'Asie centrale №9, Tashkent 2001, p. 243-248.

Leriche, Pidaev, Genequand 2002 – Leriche P., Pidaev Sh., Genequand D. Sculptures d'époque kouchane de l'ancienne Termez // *Jornal Asiatique. Périodique semestriel*. Njme 290.2. Paris 2002, p. 403-409.

Leriche, Pidaev 2007 – Leriche P., Pidaev Sh., Termez in Antiquity after Alexander. Central Asia before Islam. *Proceeding of the British Academy*, p. 179-211.

Стратиграфия и топография городища Новая Ниса*

Попытки уточнить стратиграфию Новой Нисы предпринимались неоднократно, но эта задача до сих пор остается нерешенной. В 1930 г. А.С. Башкиров и А.А. Марущенко, намереваясь получить новую стратиграфическую колонку местных археологических комплексов от позднего средневековья до ахеменидского периода (таковой представлялась история города по данным письменных источников), заложили шурф в пределах цитадели городища. Но результат был обескураживающим — средневековые материалы встречались до самого материка, и исследователи сделали вывод, что городище Новая Ниса — это остатки только средневекового города (Массон, 1949, с. 29-30). Однако, поскольку с территории городища были известны фрагменты явно более ранней керамики, в 1935—1936 гг. Марущенко провел новые тщательные сборы подъемного материала и новые стратиграфические исследования. В пониженной части городища он заложил четыре шурфа. В результате Марущенко коренным образом изменил свои представления о древности городища. На основе этих исследований он пришел к выводу, что на Новой Нисе представлены «7 культурных слоев: 3 «доисторических» (первая, третья, шестая стадия культуры Анау), 2 «доисламских» (эллинистический и парфянский) и 2 «мусульманских» (хорезмшахский и сефевидский)» (Марущенко, 1949, с. 183). Эта цитата нуждается в пояснениях. В те годы как керамику времени типа Анау I Марущенко еще рассматривал керамику джейтунского типа (правильное хронологическое определение последней он предложил позднее, в 1939 г.), а под шестой стадией культуры Анау в данном контексте понимался ахеменидский период. Кроме того, три первые стадии развития новонисийского поселения были представлены не слоями, а только подъемным материалом. Кроме того, три стадии развития новонисийского поселения были представлены не слоя-

ми, а только подъемным материалом. Надежные доказательства в пользу существования эллинистического слоя также не были представлены.

В 1946—1949 гг. сотрудники ЮТАКЭ провели новый цикл стратиграфических исследований. К сожалению, результаты этих работ детально не были опубликованы. Появилось только краткое резюме — новонисийский холм осваивался с древнейших времен, крупное поселение здесь существовало уже в период Анау III, в ахеменидский период оно превратилось в поселение городского типа, занимавшее всю территорию холма. В парфянское время здесь существовал крупный город — Парфавниса. После падения Аршакидской династии город захирел, но шахиншах Пероз принял меры к его восстановлению. Ниса пережила все бурные события последующих столетий и окончательно была оставлена жителями в самом начале XIX в. (Массон, 1949, с. 92-93). Однако, как и у Марущенко, все это не было подкреплено надежными стратиграфическими данными.

При дальнейшем обобщении материалов по Южному Туркменистану в научной литературе появились еще два неточных сообщения о древнейшем прошлом Новой Нисы. И.Н. Хлопин, ориентируясь на раннее сообщение Марущенко, включил рассматриваемое городище в число памятников, представляющих культуру Анау I Б (Намазга I), и это ошибочное мнение много позднее было повторено в обобщающей работе «Энеолит СССР» (Хлопин, 1982, с. 12). Второе, О.К. Бердыев в своей публикации «Неолит Новой Нисы», основанной на материалах Марущенко, уверенно декларировал существование на новонисийском холме остатков поселения джейтунской культуры, хотя слои этого времени на данном объекте до сих пор документально не зафиксированы (Бердыев, 1965, с. 237-242).

В 1985 г. движимый желанием уточнить время образования городского центра на новонисийском холме, я сделал разрез-зачистку южной стены цитадели и в северной оконечности этой зачистки зало-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-01-00040а

жил шурф. Но получил те же результаты, что Башкиров и Марущенко — перемешанные культурные слои продолжались до самого материка. Последующий анализ показал, что шурф, видимо, попал в створ многократно возобновляемого кyarиза. Более информативным оказался второй шурф, заложенный несколько восточнее первого у подножия гигантского браконьерского разреза культурных слоев. Под отложениями хорезмшахского периода здесь обнаружены слои раннесредневекового и античного времени. Непосредственно залегающий на материке слой из-за малочисленности находок неопределенно датирован III—II вв. до н.э.

В 2009 г. я возобновил стратиграфические работы и заложил два новых шурфа. Западный — в нем предполагалось зафиксировать слои джейтунского времени, так как А.А. Марущенко, основываясь на сборе подъемного материала, пришел к выводу, что древнейшее поселение занимало западную часть новонисийского холма. Но в нашем шурфе, прорезавшем свиту культурных отложений общей толщиной около 6 м, никаких слоев более ранних, чем античный период, зафиксировано не было. Правда, непосредственно в материке был обнаружен какой-то таинственный горн, время появления которого уточнить не удалось.

Второй шурф вслед за Марущенко был пройден в северной части городища. В своем шурфе А.А. Марущенко уже в материковых отложениях обнаружил захоронения «в сырцовых гробницах», которые он отнес к эллинистическому периоду. Но никаких археологических доказательств в пользу этого не привел (нет сведений о форме гробниц, размере использованного кирпича, положении костяков). Относительно этих захоронений М.Е. Массон высказал мнение, что они вполне могут быть средневековыми (Массон, 1949, с. 33). Северный шурф 2009 г. подтвердил это предположение. В нем на глубине 475 см от поверхности также встречено погребение, и оно определенно средневековое. В заполнении могильной ямы обнаружены обломки средневековой керамики. На дне могилы лежал обломок желтого средневекового кирпича. В этом шурфе, доведенном до глубины 7,8 м, пройдены слои периода позднего освоения городища (XVI—XVIII вв.), хорезмшахского и античного времени. Материалы из самого нижнего культурного слоя могут быть датированы в пределах III—II вв. до н.э., но ничего специфически греческого в них нет.

Вопрос о времени древнейшего освоения новонисийского холма по-прежнему остается открытым. В пределах городища собрана значительная коллекция материалов джейтунской эпохи (керамика, каменные орудия), установлено место концентрации этих находок (западная часть городища), но непотребованные слои этого времени не зафиксированы.

Аналогичная ситуация с материалами эпохи бронзы — редкие фрагменты керамики этого време-

ни встречаются в переотложенном виде. Материалы периода РЖ-I, кажется, отсутствуют совсем. Фрагменты керамики ахеменидского времени встречаются довольно часто, но слоя опять же нет. Еще более сложен вопрос с эллинистическим периодом. Среди части исследователей живет убеждение, что город здесь основали Селевкиды или даже Александр Македонский. Но надежных доводов в пользу этого предположения нет ни в письменных источниках, ни в археологическом материале. Если для первобытных эпох и ахеменидского времени можно уверенно констатировать наличие соответствующей керамики, то для эллинистического периода (конец IV — первая половина III в. до н.э.) невозможна даже такая констатация. Материалы этого времени в пределах центральной части подгорной полосы Копетдага пока четко не опознаются.

Уверенно можно говорить только о том, что в аршакидский период здесь уже существовало поселение городского типа. Значительные по толщине культурные отложения этого времени зафиксированы в разных частях городища, к этому же периоду относится мощная внешняя оборонительная стена. Но уточнить время основания города в пределах III—II вв. до н.э. археологическими методами пока не представляется возможным. Вся совокупность имеющихся данных заставляет предполагать, что это произошло в III в. до н.э., но опять же нельзя точно определить, связано это с деятельностью Селевкидов или уже Аршакидов.

Со средневековой историей города существуют свои проблемы. Шурфы, закладываемые в пределах шахристана (нижней части городища), уверенно фиксируют только три слоя: позднего освоения городища в XVI—XVIII вв., тимуридский (конец XIV — начало XVI в.) и хорезмшахский (вторая половина XII — первая половина XIII в.). Остальные периоды представлены отдельными переотложенными фрагментами керамики. Несколько иная ситуация в цитадели. Несмотря на сильную деформацию слоев, здесь зафиксированы отложения раннесасанидского времени и монгольского периода (Заурова, 1959). Первый из названных периодов опознается преимущественно по овальным в сечении венчикам хумов с пальцевыми вдавлениями на внешней стороне. Этот способ орнаментации в данном регионе появился в первые века н.э., но массовым явлением стал в раннесасанидский период (Вдовин, 1984; Логинов, 1999, с. 194–199). Находок позднесасанидского времени на городище (в том числе на цитадели), кажется, нет. Наиболее показательным отсутствием слоев и массовых находок керамики IX — первой половины XII в. Судя по данным письменных источников, город в это время процветал.

По имеющимся в настоящее время материалам историю освоения новонисийского холма и его окрестностей можно представить в следующем виде. Вполне возможно, что первое поселение здесь воз-

никло в джейтунскую эпоху. Но говорить об этом в утвердительной форме еще нельзя, т. к. слои этого времени на холме не зафиксированы. Какое-то его освоение (или посещение), возможно, происходило и позднее. Но надежных оснований для утверждения о существовании здесь поселений эпохи бронзы или ахеменидского времени (тем более крупных) сейчас нет. Фрагменты соответствующей керамики могли быть транспортированы на городище вместе со строительным сырьем. Например, находки керамики ахеменидского времени известны с участка, непосредственно примыкающего к городищу с юга (сборы автора). В аршакидский период на холме, несомненно, существовал город, который можно определять как административный центр сопредельной территории. Отсюда известны находки остраков и архитектурных деталей аналогичных старонисийским, здесь располагался некрополь парфянской знати. После падения Парфянского государства город захирел и, возможно, сократился до пределов цитадели. Где находился город, который восстановил Пероз (459–498), определить трудно. На городище отсутствуют значительные слои VI–XI вв. Вполне вероятно, что город этого времени располагался вне пределов новонисийского холма.

К югу от последнего известны остатки вала, которые изучались сотрудниками ЮТАКЭ. Они пришли к выводу, что это остатки стены пригорода, восточные пределы которого обозначены холмами Кунджутли, Еджегуль, Ших и Даш-кала, признаваемые за остатки оборонительных сооружений на месте бывших ворот (Давидович, 1949, с. 196–199; Жуков, 1949, с. 171–177). Но в пределах Даш-калы позднее были обнаружены остатки жилого дома и несколько бадрабов с материалами IX – начала X в., что указывает на расположение здесь не крепостной, а жилой застройки (Крашенинникова, 1975; Атагарриев, 1980, с. 107–118). Соответственно, есть основания предполагать, что город конца 1-го – начала 2-го тыс. н.э. располагался вне пределов новонисийского холма. Урочище Сардова и другие насыщенные культурными отложениями всхолмления в окрестностях городища могли представлять собой остатки не пригорода, а собственно города. Тогда становится более понятным сообщение средневековых авторов о 10 главных городских магистралях, возможно берущих начало от ворот (Массон, 1949, с. 57; Большаков, 1973, с. 227). В пределах городища Новая Ниса десяти ворот и даже («магистралей») явно не было. В рассматриваемый период оно, скорее всего, представляло собой *кухендиз* (старую крепость) с редкой, точечной застройкой.

Причины и время возвращения города в прежние пределы под защиту оплывших, но еще могучих стен парфянского времени точно не выявлены. Это могло быть обусловлено гузскими погромами или разорением города хорезмшахом Мухаммедом в 1202 г. Монгольский штурм и массовая казнь жителей на-

несли Нисе огромный урон, но не привели к полной гибели. Город продолжает упоминаться в хрониках периода борьбы Джамал-ад-дина Мангуберти. В это время он, вероятно, сократился до пределов одной цитадели. Шахристан заново осваивался постепенно, по мере стабилизации политической ситуации. Еще в тимуридский период здесь существовали обширные пустыри и даже кладбища. В последующие столетия городская жизнь была полностью сосредоточена в пределах новонисийского укрепления, и в этих границах город стабильно функционировал вплоть до первых десятилетий XIX в.

Однако, как и прежде, все это лишь предположение. Для уточнения исторической топографии города и динамики его развития настоятельно требуются дополнительные стратиграфические исследования, причем не только на новонисийском городище, но и в его окрестностях.

Библиография:

- Атагарриев, 1980* – Атагарриев Е.А. Новые археологические материалы из пригорода Новой Нисы // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980.
- Бердыев, 1965* – Бердыев О.К. Неолит Новой Нисы // СА. 1965. № 2.
- Большаков, 1973 – Большаков О.Г. Город в конце VIII – начале XIII в. // Средневековый город Средней Азии. Л. 1973.
- Вдовин, 1984* – Вдовин В.Ю. Хумы Южного Туркменистана парфянского и сасанидского времени (Парфиины и Апаварктикены) // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад, 1984.
- Давидович, 1949* – Давидович Е.А. Исследование вала к юго-западу и западу от Новой Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949.
- Жуков, 1949* – Жуков В.Д. Изучение пригорода Нисы в 1946 г. // Тр. ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949.
- Заурова, 1959* – Заурова Е.З. Полевой отчет о работах 2-го отряда ЮТАКЭ в летний полевой сезон 1959 г. // Архив ЮТАКЭ.
- Крашенинникова, 1975* – Крашенинникова Н.И. Полевой отчет о весенних работах 1975 г. 1-го отряда ЮТАКЭ на городище Старая Ниса // Архив ЮТАКЭ.
- Логинов, 1999* – Логинов С.Д. Типология хумов Апаварктикены II–VII вв. н.э. // Культурные ценности 1997–1998. СПб. 1999.
- Марущенко, 1949* – Марущенко А.А. Краткий отчет о работе Кабинета археологии Туркменского государственного института истории за первую половину 1936 года // Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1. Ашхабад, 1949.
- Массон, 1949* – Массон М.Е. Городища Нисы в селекции Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949.
- Хлопин, 1982* Хлопин И.Н. Энеолит южных областей Средней Азии // САИ. Вып. Б3–8. М.–Л. 1963.
- Энеолит СССР // Археология СССР. М., 1982.

Некоторые особенности археологического комплекса конца IV в. до н.э. (крепость Курганзол)

Почти 40 лет прошло с тех пор, как Галина Васильевна Шишкина предприняла системный анализ эллинистической керамики из городища Афрасиаб (Шишкина, 1969; 1975). Для всех, кому довелось изучать материалы эпохи эллинизма, эти исследования, до сих пор, надо сказать, не утратившие своего значения, послужили отправной точкой, базой для проведения собственных изысканий. Среднеазиатские археологи прекрасно знают, с какими трудностями связаны полевые исследования слоев IV–II вв. до н.э. вообще, а на городище Афрасиаб – в особенности. В большинстве случаев их вообще невозможно обнаружить, поскольку они перекрыты позднейшими напластованиями, очень часто – разрушены или переотложены. Особенно трудно было в общей массе эллинистических материалов вычленивать признаки комплекса, присущего концу IV в. до н.э. Похоже, теперь в связи с открытием на юге Узбекистана нового памятника эпохи эллинизма – крепости Курганзол – такая возможность представилась.

Памятник находится в южных предгорьях гор Байсунтау, его координаты – 38° 05' 44,5" северной широты, 67° 11' 02" восточной долготы, высота над уровнем моря 924 м. Крепость возведена на южном обрыве естественной террасы, в плане представляет собой круг диаметром 30 м (внутри) с 6 башнями на северном (северо-восточном) фасае. Говоря современным языком, это был небольшой блокпост на дороге, ведущей от амударьинских переправ к Железным воротам в Дербенте, и гарнизон его вряд ли превышал 30 человек.

Строительство крепости проводилось в два приема: сначала внешний, кольцевой периметр, затем внутренняя застройка. Все стены сложены из типичного для позднеахеменидского периода сырцового кирпича прямоугольного полуторного формата (46–48x35–36x12 см). После разрушения и сожжения крепости, последовавшего буквально сразу же вслед за ее строительством, на 2-м этапе был сделан спеш-

ный ремонт стен и проходов в башни. Для этого применялся уже иной, хорошо знакомый по раскопкам памятников эпохи эллинизма квадратный кирпич размером 40–41x40–41x15 см¹. Уровень пола 2-го этажа лежит непосредственно поверх разрушенных стен 1-го этажа, завала и слоев пожара. Расстояние между полом 1 и полом 2 иногда составляет всего 4–5 см, лишь на отдельных участках производились нивелировочные работы – подрезали вершушки стен, местами подсыпали щебень. Однако и на этот раз Курганзол был вновь разрушен, сожжен и уже никогда больше не возрождался. В перекрывающем весь памятник надувном слое найдено небольшое количество керамики II в. до н.э.

В результате работ последних лет стало ясно, что между двумя этапами жизни крепости отсутствует сколько-нибудь существенный хронологический разрыв. В первую очередь на это указывают данные радиоуглеродного анализа двух образцов из Курганзола, хотя специалистам хорошо известно, какие трудности имеются в определении калиброванной радиоуглеродной даты для «темного периода» середины I тыс. до н.э. Возраст 100-летней деревянной балки из дверного проема в башне 2 (этап 1) определен в интервале 520–370 гг. до н.э., т. е. дерево (арча) было срублено не ранее 470 и не позже 320 г. до н.э. Уголь такой же 100-летней арчи с верхнего пола (этап 2) относится к 550–400 гг. до н.э., т. е. дерево погребло не ранее 500 и не позже 350 г. до н.э. (Görsdorf, 2007). Предварительные данные дендрохронологического анализа остатков опорного столба, обнаруженного в одном из помещений крепости (этап 1), также указывают на конец IV в. до н.э. Не отмечено сколько-нибудь существенных изменений и в двух относительно одновременных керамических комплексах, полученных в ходе раскопок в неизмеримо большем количестве, чем прежде.

Всего в слоях крепости Курганзол было найдено около 16 000 фрагментов керамики, из которых к этапу 1 относится приблизительно 10 000 (900 леп-

¹Г.В. Шишкина указывает на синхронность смены формата кирпича и появление эллинистического керамического комплекса Афрасиаб II (Шишкина, 1975, с. 75).

ных); к этапу 2 – 5 000 (300 лепных). Следовательно, если вычислять удельную долю лепных сосудов по общему количеству фрагментов, включая венчики, донца и стенки сосудов, то на этапе 1 лепные сосуды составляли 10 % комплекса, на этапе 2–6 %. Но если учитывать только венчики сосудов, то статистика будет несколько иной. В слоях крепости, относящихся к 1-му этапу, собрано 590 форм, из них 68 лепные, т. е. 11,5 %. Для этапа 2 имеется 541 сосуд, в том числе 61 лепной, т. е. 11 %.

В керамике Курганзола этапов 1 и 2 имеются кубки наподобие чаш вытянутых пропорций, полусферические чаши и чаши с закругленным внутрь венчиком. Хорошо известны в эллинистических комплексах чаши с Т-образным в сечении венчиком и миски с Г-образным профилем, блюда и тарелки с венчиками различных очертаний, в том числе так называемые «рыбные блюда». Впервые в Средней Азии появляются выючные фляги, узкогорлые кувшины вытянутых пропорций (без ручек) и специфические сосуды для смешивания вина – кратеры, которые характерны только для эпохи эллинизма.

Кухонная посуда представлена такими же, как и в ахеменидский период, лепными котлами на округло-плоском дне, с двумя или четырьмя круглыми и овальными ручками-упорами. В целом керамика этапов 1 и 2 идентична, единственное, похоже, отличие ее в том, что навыки гончаров позднего этапа становятся, если можно так сказать, более уверенными, профессиональными. Это видно и по качеству формовки, и по однотонному черному цвету сосудов 2-го этапа (на 1-м этапе – неровный коричневатый-серый) после обжига в непривычной для местных мастеров восстановительной среде.

Конечно, найденная на раскопках крепости Курганзол посуда, за исключением импортной, по качеству уступает более изящным, тщательно сделанным сосудам, известным по раскопкам городища Афрасиаб, и похожа, прежде всего, на керамику из ближайших, бактрийских памятников. Подразумеваются материалы из нижнего слоя цитадели Старого Термеза (Пидаев, 1991, с. 213, рис. 1), комплекс раннего периода городища Айханум (Lyonnet, 1997, с. 379–384, рис. 40–45) и недавние находки из ямы (землянки) на цитадели Кампыртепа (Мкртычев, Болелов, 2006, с. 61, рис. 3, 41–54).

В то же время среди керамики Курганзола имеется группа изделий, которая резко выделяется в довольно стандартном для эпохи эллинизма наборе посуды и которую при всем желании нельзя назвать ни греческой, ни бактрийской. Это лепные горшки, иногда с двумя вытянутыми шишковидными ручками, в одном случае – с двумя дисковидными налпами под венчиком наподобие глиняных печатей. Необычно в эллинистическом комплексе смотрятся лепной светильник цилиндрической формы, две воронки (лепная и станковая), а также большая лепная

ложка-черпак. Непонятно назначение двух крупных сосудов открытой формы, похожих на полусферические глиняные тазы с отверстием в центре дна. Один из них станковый, другой – лепной, имеет две ручки и обмазан внутри ганчем. Можно предположить, что они служили формами для производства кисломолочных продуктов наподобие мягких сортов сыра, но аналоги этим сосудам обнаруживаются не в эллинистических материалах, а в комплексе периода Яз I из Бандыхана (Майдатепа). В отличие от Майдатепа, в Курганзоле нет расписной керамики, но во дворе крепости была найдена типичная для памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа миниатюрная биконическая каменная ступка-подставка черного цвета. Вполне допустимо, что подставка была подобрана в Бандыхане, расположенном всего в 20 км, и принесена в крепость кем-то из ее обитателей, но, учитывая круг аналогий другим сосудам из Курганзола, можно проследить пусть едва заметную, но тем не менее отчетливую генетическую связь с памятниками культур лепной расписной керамики конца II – начала I тыс. до н.э.

Главный вывод, который напрашивается при обзоре материалов из Курганзола, состоит в том, что в крепости помимо греков (македонцев) жили люди иного происхождения, не греческого и не бактрийского. Этническая принадлежность их не вызывает сомнения, скорее всего, это тот воинственный народ, который в античных письменных источниках называется дахами или массагетами (см. Щеглов, 2006). То, что они там жили, следует из археологического контекста, и по данным той же археологии надо признать наличие некоей взаимосвязи культур круга Яз I и среднеазиатских союзников Александра.

Библиография:

Мкртычев, Болелов, 2006 – Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции, 5, Ташкент, 2006.

Пидаев, 1991 – Пидаев П.Р. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. № 1.

Шишкина, 1969 – Шишкина Г.В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.

Шишкина, 1975 – Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2.

Щеглов, 2006 – Щеглов Д.А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Великого // ЗВОРАО: НС. Т. II (XXVII). СПб., 2006.

Görsdorf, 2007 – Görsdorf J. Information zu den 14C-Datierungsergebnissen von Majdatepa (Bandixon I) // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007.

Lyonnet, 1997 – Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolithique a la conquete arabe // Prospections archeologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Vol. 2. Paris, 1997.

К истории ранней керамики Мерва

Древний Мерв изучался по линии Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) с 1953 по 1992 г. Наряду с изучением исторической топографии городищ Старого Мерва, стратиграфии культурных напластований и фортификации особое внимание уделялось исследованию керамического производства разных эпох, поскольку керамика в первую очередь являлась основным датированным материалом. Отдельные статьи публиковались в Трудах ЮТАКЭ, а XI том специально был посвящен работам по керамике античного, раннесредневекового периодов, а также развитого средневековья X-XIII вв. (Труды ЮТАКЭ, 1962). Оставался открытым вопрос датировки самой ранней керамики Мерва, а это было связано напрямую с проблемой урбанизации этого региона. Не был окончательно решен вопрос о времени сложения Мерва как городского центра.

Из истории изучения Мерва известно, что в 1904 г. на городище работала американская экспедиция Института им. Карнеги под руководством Р. Пампелли (Schmidt, 1908, с. 186). Было заложено несколько раскопов на Гяур-кале и Эрк-кале. Керамика с подкосом стенок в придонной части и клювовидным венчиком впервые была датирована временем Анау VI. Для подгорной полосы юга Туркмении это было начало железного века.

В 1937 г. Б.Б. Пиотровский в шурфе на Эрк-кале опустил до материка, и материала ранее керамики типа Анау VI обнаружено не было, и с тех пор считалось, что история Мерва начиналась где-то со второй четверти I тыс. до н.э. (Пиотровский, 1949, с. 40-41).

В ходе работ ЮТАКЭ на Эрк-кале, в стратиграфическом шурфе к югу от центрального бугра, на материке с погребенной древней почвой отмечено было 2 культурных слоя (Усманова, 1969, с. 13-34, рис. 1-5). В первом керамике было мало — глубокая чаша, крупная крынка с клювовидным венчиком, керамические биконические ядра и фрагменты зернотерки. Во втором слое керамика более разнообразная по формам — крупные кор-

чаги, цилиндрико-конические с валикообразным венчиком и изломом стенок в придонной части, кубки с утонченным венчиком и подкосом стенок у самого основания, горшки и чаши. В слоях выше XX яруса посуда типа Анау VI в шурфе не встречается. А если учесть, что в слоях на уровне XX яруса были найдены парфянские монеты II в. до н.э., то можно с уверенностью констатировать факт доживания мелких форм керамики с подкосенной придонной частью до III-II вв. до н.э.

При возведении античной стены Эрк-калы для предотвращения оползней вдоль бермы первоначальной пахсовой стены была выкопана канава вдоль всего фаса стены и засыпана строительным мусором, кусками обожженных и ошлакованных стен керамических печей, битой керамикой крупных форм с клювовидным венчиком и подкосом стенок в придонной части, а также фрагментами столовой посуды. В целом комплекс посуды повторял керамику «типа Анау VI», которая встречается и в других регионах Средней Азии (Бактрия, Согд, Хорезм) (Усманова, 1989, с. 36-37, рис. 7).

Такая же посуда, но целых форм из раскопа А.А. Марущенко на центральном бугре (цитадели) была показана В.М. Массону и автору этих строк в 1956 г. Он датировал цилиндрико-конические кубки временем Анау VI. Начало железного века в культуре Анау (Анау VI), как известно, относится к IX-VII вв. до н.э. При таком большом промежутке времени культуры Анау VI было сложно датировать керамику с изгибом стенок при переходе к донной части сосуда (характерная черта для ранней керамики Мерва) из стратиграфически зажатых слоев. Термин «типа Анау VI» не давал четкой датировки комплексам керамики из раскопок в Мерве и со временем изжил себя.

Свежую струю в изучение памятников железного века в Мервском оазисе внес В.М. Массон исследованием Яз-депе с тремя культурными горизонтами (Яз I, Яз II, Яз III). Долгое время при датировках керамики Мерва исследователи ссылались на культуры Яз II и Яз III. Обе культуры

соответствуют Анау VI, но датировки их были в значительной степени условными, и сам автор полагал, что датировку Яз III, видимо, следует несколько удревнить (Массон, 1959, с. 48). М.Г. Воробьева также считала, что переходный период от комплекса Яз II и Яз III следует удревнить до конца VII или рубежа VII–VI вв. до н.э. (Воробьева, 1979, с. 80).

В связи с этим следует отметить, что в научной литературе уже поднимался вопрос о датировке конца эпохи бронзы и начала раннего железного века в Мервском оазисе. Конкретно речь шла о датировке культуры Яз I 900 г. до н.э. По радиоуглеродным данным начало культуры Яз I датируется второй половиной II тыс. до н.э. Но пока невозможно точно указать границу между периодами Яз I и Яз II. Однако граница между Яз II и Яз III должна находиться около рубежа VII–VI вв. до н.э. (650 г. до н.э.), а конец Яз III совпадает с греко-македонским завоеванием Средней Азии (Гаиров, Кошеленко, Бадер, 1998, с. 153-162).

Группа ученых всесторонне подошла к решению проблемных вопросов истории хронологии Мервского региона с привлечением письменных источников (Кошеленко, Губаев, Бадер, Гаиров, 1994, с. 8-19). Они использовали сведения о Мерве в Авестийской традиции и Бехистунской надписи Дария. Периоды Яз I и Яз II относятся ими ко времени, когда Маргиана была независимой страной, а период Яз III – когда Маргиана входила в состав государства Ахеменидов.

Учитывая внесенные коррективы в хронологические рамки культуры Яз, стало возможным подвести итоги исследований на центральном холме, где была получена четкая стратиграфия и найден ранний культурный слой с комплексом характерной керамики времени Яз II на гребне платформы цитадели. Это крупные хумы и хумча с цилиндро-коническим туловом и подкошенной донной частью. Высокое качество черепка, в глину добавляли кварц, в изломе черепок интенсивного красного цвета с блеском мелких золотистых частиц, густой белый ангоб покрывал внешнюю сторону сосуда до изгиба стенок. Венчики крупных сосудов в основном клювовидные. Ведущей формой были также цилиндро-конические кубки. Открытый на северном фесе платформы цитадели храм огня под открытым небом – наглядный пример преемственности населением Мерва культа протозороастрийского храма Древней Маргианы (Сарианиди, 1990, с. 102-120). Храм и ранний культурный слой с керамикой Яз II характеризуют

доахеменидской период культуры Мерва.

Следующий период – ахеменидский (VI–IV вв. до н.э.), когда Маргиана находилась в составе Ахеменидского государства. Поверх раннего культурного слоя возводится крупное здание с пахсово-сырцовыми стенами. Позже этого периода прямоугольный кирпич в Мерве больше не используется в строительной технике. Керамика сохраняет основные формы доахеменидского керамического комплекса, но посуда мельчает и черепок в разрезе больше розовый, ангоб не чисто белый. Появляются новые формы посуды, характерные уже для эллинистического периода.

Этот период оказался роковым для Маргианы, которая восстала против поработителей, но, судя по Бехистунской надписи, после жестокой расправы с мятежниками «страны Маргуш» Маргиана стала частью Бактрии (Струве, 1949, с. 9-35). Таким образом, на сегодняшний день ранняя керамика Мерва датируется временем Яз II до IV в. до н.э. Если ранее возраст Мерва определялся серединой I тыс. до н.э., то, согласно новым данным, и соответствующим датировкам археологического материала, его с полной уверенностью можно увеличить до 2700 гг. до н.э. (Usmanova, 1992, с. 55-63).

Библиография:

- Гаиров, Кошеленко, Бадер, 1998 – Гаиров В.А., Кошеленко Г.А., Бадер А.Н. Мервский оазис: основные проблемы истории в конце II – начале I тыс. до н.э. // Проблемы истории, философии, культуры. Вып. VI, Москва-Магнитогорск, 1998.
- Кошеленко, Губаев, Бадер, Гаиров, 1994 – Кошеленко Г.А., Губаев А., Бадер А.Н., Гаиров В.А. Древний Мерв в свидетельствах письменных источников, Ашгабат, 1994.
- Массон, 1959 – Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА, № 73, М.-Л., 1959.
- Пиотровский, 1949 – Пиотровский Б.Б. Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве // Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.
- Сарианиди, 1990 – Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Струве, 1949 – Струве В.В. Восстание в Маргиане при Дарии I // Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.
- Труды ЮТАКЭ, 1962 – Труды ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962.
- Усманова, 1969 – Усманова З.И. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы // Труды ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад, 1969.
- Усманова, 1989 – Усманова З.И. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва. Древний Мерв // Труды ЮТАКЭ, т. XIX, Ашхабад, 1989.
- Schmidt, 1908 – Schmidt H. Archaeological Excavation in Anau and Old Merv; в кн. R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, vol. I. Washington, 1908, с. 186.
- Usmanova, 1992 – Usmanova Z.I. New material on ancient Merv // Iran, XXX, 1992.

«Temple town» городища Мингурик в Ташкенте

В оазисах древнеземледельческой культуры, тяготеющих к Сырдарье (Яксарту) на всей протяженности этой великой реки, процесс формирования городов отмечается несколько позднее, чем в южных регионах Среднеазиатского Междуречья. Как показывают археологические исследования, урбанизация в этой зоне в принципе демонстрирует общие градообразующие факторы. Это сочетание природно-ирригационных условий и сырьевых предпосылок, благоприятствующих как развитию сельского хозяйства, так и ремесла и торговли. С V–IV вв. до н.э. в оазисах дельтовой части Яксарта появляются крупные поселения, обладающие городскими признаками: фортификацией, возведением архитектурных сооружений, выделенным ремеслом и др. В то же время кочевой мир контактной сырдарьинской зоны значительно влиял на процесс градообразования, что наглядно прослеживается на примере городищ чирикратской культуры. Традиционные скотоводческие черты в материальной культуре и верованиях сакских племен сочетаются на территории ее распространения с монументальной архитектурой светских и культовых построек (Вайнберг, 1999, с. 178–182).

Ташкентский оазис на Средней Сырдарье, сформированный, главным образом, долинами двух ее притоков – реками Чирчик и Ахангаран, может служить своеобразным полигоном для изучения особенностей градообразующего процесса в зоне взаимодействия культур земледельцев и скотоводов с древности.

В долине Ахангарана начальный этап этого процесса относится к грани IV–III вв. до н.э. Древнейшим памятником городского типа здесь является городище Канка, формирование укрепленного ядра которого шло под воздействием эталонов эллинистической культуры юга Бактрии и Согда IV–II вв. до н.э. Сам пункт сопоставлен исследователем с городом Антиохией Заяксартской (Буряков, 1987, с. 68, 69; 2008, с. 74).

Иной вектор градообразующих новаций является в формировании ранних пунктов город-

ского типа в долине Чирчика. Они исходят из Восточного Приаралья, распространяясь вверх по течению Яксарта начиная со II в. до н.э.

К таким результатам приводит изучение городищ в Ташкентском микрооазисе, расположенных в черте современного города Ташкента (Филанович, 2010). Основными объектами изучения здесь стали городища Шаштепа на канале Джун и Мингурик на канале Салар. На Шаштепе выявлено древнейшее его ядро, включающее архитектурный комплекс, отразивший в планировке (крестообразное сооружение в кольце обводной стены) и в строительных приемах черты культуры городского типа, характерные для городских поселений чирикратской культуры. Городищу же Мингурик присущи все признаки города. Его история начинается с рубежа нашей эры. Городище включало подпрямоугольного плана цитадель с возвышенным бугром – «замком» и территорию собственно города – шахристана.

На вершине «замка» раскрыт дворец правителя Чача преарабского времени.

В нижнем горизонте раскопан почти полностью сохранившийся архитектурно-строительный комплекс крестообразной планировки, точнее, квадрат (15x14,5 м), к середине каждой из сторон которого пристроены полуовальные башни диаметром около 5 м. Квадрат разбит на три параллельно расположенных помещения, выходящих торцами в общий коридор, параллельный другому, в который открывался вход в здание. Помещения и коридоры имели сводчатые перекрытия и сообщались между собой и с башнями арочными проходами.

Архитектурно-строительный комплекс «замка» на первом этапе своего существования был сооружением, построенным по принципу, зафиксированному в цитадели другого городища в Ташкенте – Шаштепа, возникшем несколько раньше – во II в. до н.э.

На Шаш читается та же крестообразная планировка: в центре – квадрат с тремя параллельными помещениями, обведенными с трех сторон ко-

ридорами. С каждой стороны пристроены квадратные башни – лопасти «крестовины». Все сооружение обведено стеной со сводчатым коридором внутри. Эта планировка продолжает традицию так называемых «крестовин», обнаруженных в Восточном Приарале, где они прошли эволюцию от IX–VIII до II вв. до н.э. Наиболее близки к сооружению Шаштепа погребально-мемориальные здания чирикрабатской культуры IV–II вв. до н.э. Кульгово-мемориальный характер этих сооружений подтверждается раскопками (Итина, Яблонский, 2001; Вайнберг, Левина, 1993).

Результаты исследования шаштепинского крестовидного здания дают основания говорить о привнесенности этой планировки пришлым населением, а находка алтаря огня, окраска в красный цвет стен в башне здания, вымостки из булыжных камней, свойственные культовым сооружениям, говорят о его связи с почитанием солнца и огня (Рапен, 2007, с. 35; Boys, 1966, p. 55).

К сакральному комплексу Шаштепа, просуществовавшему до конца III – начала IV в. н.э., тяготело окружавшее его поселение, в более позднее время занявшее территорию около 25 га.

Во второй период функционирования здания на Мингурике помещения были плотно забутованы однородной глиной на всю высоту. В коридоре перед входом устроен пандус в виде широких ступеней, вымощенных камнем в зольном слое, выводящий на площадку, образовавшуюся на забутованном здании и также вымощенную булыжным камнем. Конструкции на площадке не сохранились, так как они были сивелированы последующим строительством.

Есть основания полагать, что на этой возвышенной почти на 10 м над уровнем окружающей территории площадке возжигались периодически и в течение длительного времени алтари открытого огня. На это обстоятельство указывает многометровое скопление золы, образовавшееся за северным фасом крестовидного монолита.

На этом же этапе сооружение было обведено квадратом или прямоугольником крепостной стены, от которой сохранился небольшой участок на юге.

Оба периода функционирования крестовидного комплекса Мингурика по археологическим признакам, по стратиграфии и результатам сравнительного анализа можно отнести к I–III (или началу IV) вв. н.э.

План сооружений, изученных в Ташкенте, получивший крестовидный облик благодаря башням в середине фасадов, резко отличается от прямоугольных и квадратных построек с башнями на углах, широко известных как в раннесредневековом

Чаче, так и в других регионах Средней Азии начиная с эпохи бронзы. «Крестовины» развивают особую линию строительства в основном культовых, но также и светских сооружений, составляющую характерную особенность присырдарьинской зоны¹.

Два памятника подобной планировки – Чолтобе и Кзыл-Кайнар-тобе, датированные I–IV вв. н.э., изучены в районе среднего течения реки Талас (Мерциев, 1970, с. 79-92, рис. 1, 2).

На возвышенных участках этих городищ открыты комплексы, не только по идее, заложенной в их конструкции, но и по планировке, обнаруживающие сходство или даже генетическое родство с комплексом бугра Мингурика. Особенно близкое сходство можно отметить с тем планом здания бугра, который оно приобрело к концу своего существования. Оба памятника имеют идентичную с ташкентским объектом ориентировку по отношению к странам света и планировку четырехлепесткового креста (или розетки), окруженного прямоугольником двойной стены.

Учитывая аналогии на Таласе, а также результаты изучения культового центра на Шаштепе (II в. до н.э.), можно считать, что территория Ташкентского оазиса в древности оказалась в сфере влияния крупного культового центра солнечно- и огнепоклонников Кангюйской конфедерации первых веков нашей эры.

Уже на начальном этапе функционирования крестовидного сооружения Мингурика вокруг него начало складываться поселение, культурный слой которого обнаружен под цитаделью. Еще в 1954 г. при раскопках была встречена античная керамика (Буряков, 1956, с. 124-125).

Таким образом, можно заключить, что это поселение постепенно развивается в город, фокусом жизни которого стало почитаемое святилище или храм, посвященный солнечному божеству.

Результат раскопок позволяет считать, что к концу III–IV в. н.э. храм был покинут, а его руины в виде оплывшего бугра использовались под более позднее строительство. Заброс зданий на Таласе произошел примерно в то же время (Мерциев, 1970, с. 91). Запустение культовых зданий, очевидно, свидетельствует об изменениях религиозной ориентации населения изучаемого региона в период новых этнических передвижений.

Мингурикийский культовый центр оказал большое влияние на другие регионы, в частности на Западный Согд, куда к концу III в. н.э. распространяется не только влияние материальной культуры Каунчи, но и принципы возведения храмовых сооружений. Об этом свидетельствует изученное в Северо-Бухарском оазисе кульгово-мемори-

¹Подбор литературы см.: Филанович М.И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент, 2010. С. 117-128 и сл.

альное сооружение на городище Сеталак I, в деталях планировки и ритуалах повторяющее здание Мингурика (Культура древнебухарского оазиса..., 1983, с. 66 и сл., рис. 22, 33, 34). Вокруг этого сакрального центра также началось заселение территории.

Изучение культового центра Мингурика открывает новый аспект в рассмотрении процесса формирования городов в зяксартской зоне. Элементы городской культуры, привнесенные выходцами из усыхающих оазисов Восточного Приаралья в экологически благоприятную долину реки Чирчик, легли в основу формирования здесь городов.

Первоначальный населенный пункт, постепенно разраставшийся вокруг почитаемого храмового комплекса Мингурика, ставшего фокусом притяжения местных общин, демонстрирует тот тип городского поселения, которому по типологии, предложенной для цивилизаций Древнего Востока, очевидно, соответствует термин «Temple town» (Redman, 1978, p. 202).

Исследователи уже прилагали его для характеристики протогородов и городов Средней Азии начиная с эпохи бронзы и на протяжении эпохи античности к таким храмовым городским центрам, как Алтындепе (Массон, 1981, с. 107-108), Тахти-Сангин (Grenet, 2004, с. 377). По такому пути, вероятно, могло идти формирование города на Топрак-кале с ее священным дворцом (Городище Топрак-кала, 1981, с. 141). В Маргиане ярким примером служит городище Эрк-кала Старого Мерва, где в центре поселения округлого (соляного) очертания, обнесенного крепостной стеной, на 15-метровой монолитной платформе был вознесен алтарь открытого огня в чаше трехметрового диаметра (Усманова, Филанович, 2002, с. 154-161).

Рассмотрение типа поселения на Шаштепа и городского пункта на Мингурике в Ташкенте, видимо, позволяет поставить вопрос о храмовых городках как одной из моделей первичной урбанизации в присырдарьинской зоне.

Библиография:

Буряков, 1956 — Буряков Ю.Ф. Городище Мингурик в Ташкенте // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Ташкент, 1956.

Буряков, 1987 — Буряков Ю.Ф. Южные и западные связи бассейна Средней Сырдарьи в первом тысячелетии до н.э. — первых веках н.э. // Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика, эпиграфика). Душанбе, 1987.

Буряков, 2008 — Буряков Ю.Ф. К истории урбанистических процессов древнего Чача // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента. Шымкент, 2008.

Вайнберг, 1999 — Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.

Вайнберг, Левина, 1993 — Вайнберг Б.И., Левина Л.М., Чиркрабатская культура. М., 1993.

Городище Топрак-кала, 1981 — Городище Топрак-кала (раскопки 1965–1975 гг.). М., 1981.

Итина, Яблонский, 2001 — Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолей Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.

Культура древнебухарского оазиса... 1983 — Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. н.э. Ташкент, 1983.

Массон, 1981 — Массон В.М. Алтындепе. М., 1981.

Мершиев, 1970 — Мершиев М.С. Поселение Кзылкайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем война IV–V века // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.

Рапен, 2007 — Рапен К. Коктепа в период железного века до прихода Ахеменидов // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Ташкент-Самарканд, 2007.

Усманова, Филанович, 2002 — Усманова З.И., Филанович М.И. Алтари огня Древнего Мерва // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.

Филанович, 1983 — Филанович М.И. Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.

Филанович, 2010 — Филанович М.И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент, 2010.

Филанович, Богомолов, Ильясова, 2009 — Филанович М.И., Богомолов Г.И., Ильясова С.Р. Новые данные по древней истории Ташкента // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Труды Международной научной конференции. Ташкент, 2009.

Ходжаев, 2009 — Ходжаев А. Сведения о Ташкенте китайских источников периода средневековья. I. Сведения военнопленного Ду Хуаня о Ташкенте // O'zbekiston tarihi. Ташкент, 2009. № 4.

Boys, 1966 — Boys M. The Fier-temples of Cerman // Acta Orientalia, XXX. Copenhagen, 1966.

Grenet, 2004 — Grenet F. The cult of the Oxus: a reconsideration // Центральная Азия от Ахеменидов до Темуридов. Археология, история, этнология, культура. СПб., 2004.

Redman, 1978 — Redman Ch. The rise of civilization. San-Francisco, 1978.

Изображения на медных монетах династии Джанидов

Медных монет, относящихся к периоду правления династии Джанидов, известно не так много. Главная сложность в их изучении состоит в том, что они не имеют дат. В музеях Республики Узбекистан и частных собраниях автором статьи было обработано 8 кладов общим количеством около 8000 тысяч монет, которые по тем или иным признакам могут быть отнесены ко времени правления Джанидов, не говоря о том, что на некоторых экземплярах в их составе удалось обнаружить год чекана.

Все клады найдены на территории Мавераннахра. Выявлено 8 монетных дворов: Андижан, Балх, Бухара, Самарканд, Сайрам, Ташкент, Талькан, Яссы. Четыре из них мавераннахрские: Андижан, Бухара, Самарканд и Ташкент. Изображению на этих монетах и посвящено настоящее соображение.

Монеты на лицевой стороне имеют наименование монетного двора. На оборотной — орнамент или изображения животных, птиц, рыб. Обычно это единичные фигуры, и только один раз удалось зафиксировать сюжетную сцену преследования хищником парнокопытного животного, на ташкентских монетах.

На монетах Мавераннахра позднего средневековья изображения животных начинают появляться с XV в. Постепенно с XVI в. они теснят надписи и начинают целиком заполнять оборотную сторону, а на некоторых монетных дворах, на отдельных выпусках с конца XVI в., на лицевой и оборотной сторонах надписи полностью отсутствуют и заменены животным или орнаментом.

Бухара — столица государства, более привержена традиционному, сложившемуся еще в эпоху Тимуридов, дизайну в оформлении монет. Название монетного двора помещалось или в линейный ободок, или в фигурный картуш, обрамленный растительным орнаментом. На оборотной стороне чаще всего был орнамент (рис. 1/1). На некоторых типах на оборотной стороне вообще нет штампа, и только иногда здесь помещали жи-

вотное. Пока выявлены два немногочисленных типа из 14, где изображены животные на реверсе: тип 7 — с антилопой и тип 11 — с кошачьим хищником (рис. 1/2, 3).

Самарканд — второй по величине город в государстве Джанидов, в оформлении медных монет тоже был консервативен. У большинства типов на оборотной стороне фельсов в основном помещался орнамент. Из 16 выявленных на сегодняшний день типов на трех — изображение птицы и на одном — кошачьего хищника (рис. 1/4-7).

Более интересен тип, на котором в растительном обрамлении помещена летящая хищная птица с изогнутым клювом, скорее всего орел (рис. 1/7). Многие племена вели свои происхождение от соколов, орлов, беркутов. По мнению Е. Гончарова, изображение хищной птицы на своей монете очень часто отражало желание хана заручиться поддержкой столь сильных символов (Гончаров, 2001).

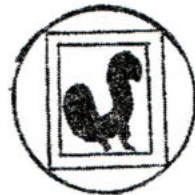
Наибольшей популярностью среди животных, помещаемых на монеты, пользовался кошачий хищник. В исследуемый период он отмечен на монетах Андижана, Ахси, Бухары, Самарканда. Есть он и на бухарских монетах. Но более всего чеканили его на ташкентском монетном дворе. Сейчас известно несколько кладов из Ташкента с сотнями монет, несущими это изображение. Кошачий хищник, являясь олицетворением льва — повелителя зверей, был символом царской власти. Его изображение вместе с солнцем за спиной, которое стало впоследствии гербом Ирана, напоминает тип известной эмиссии серебряных дирхемов Кейхосрова II (Poole, 1888, с. ХСІ; Раджабли, 1997, с. 119). Б.Д. Кочнев зафиксировал на карахидских фельсах кошачьего хищника, вид которого, по мнению ученого, из-за условности не может быть определен (лев? тигр?, барс? (Кочнев, 2006, с. 59). На ташкентских монетах изображен хищник, идущий вправо или влево с поднятым над спиной хвостом. Кончик хвоста загнут в противоположную сторону от головы. На наших мо-

1

2

3

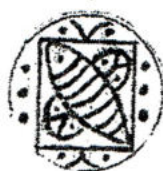
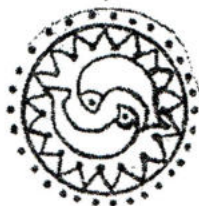

4

5

6

7

8

9

10

Реконструкция типов монет: 1-3 – чекан Бухары; 4-7 – Самарканда; 8-10 – Ташкента

нетах фиксируются два типа изображения, и оба они достаточно схематичны: у обоих у животного открыта пасть (рис. 1/8,9). На одном типе просматривается более округлая голова, переданная полуovalом, на другом — несколько более вытянутая вперед, из-за чего морда животного похожа больше на собаку. Хищник второго типа изображен с фаллосом, что является редким исключением для этого времени.

Среди живых существ, помещаемых на монеты, есть также и рыбы. В Мавераннахре рыбы зафиксированы пока только в чекане Ташкента. На оборотной стороне монет типа 1 помещен практически точно такой же сюжет, как на джучидских монетах типа 141, чеканенных в эпоху Тохтамыша, — это изображение двух рыб в виде китайского знака «инь-янь» (Янина, 1954, с. 451 - 452) (рис. 1/8). Рыбы очень часто помещались на самые различные предметы быта в среднеазиатском междуречье: на керамику, на резной шток, включались в орнаменту изделий из металла. По этнографическим данным рыбы в Центральной Азии считались особенно чистыми и наделялись сверхъестественными свойствами, способными отгонять злых духов, излечивать болезни и благотворно влиять на человека (Снесарев, 1969, с. 325).

Крайне интересна сюжетная сцена преследования пернатым хищником парнокопытного животного, которая изображена на ташкентских монетах типа 7 (рис. 1/10). Видимо, из-за интенсивности чекана происходит схематизация изображения и изменение первоначального смысла сцены. Удалось подобрать экземпляры, на которых довольно хорошо видно, что лань оборачивается назад и на ее круп пикирует большая птица. Далее птица изображается все более условно и в конце концов просто превращается в веточку растения, к которой тянет голову лань.

Рассматривая изображения на джанидских монетах, необходимо отметить их поразительную схожесть с сефевидскими городскими монетами, а также и азербайджанскими, и грузинскими, чеканенными в русле общесефевидской денежной системы. На первый взгляд возникает ощущение того, что их чеканили в одном государстве. Они чеканены практически по той же технологии, что и в Иране, разница только в весовых показателях и толщине экземпляров. Очень похожи типы лицевых сторон и сюжеты оборотных. Появление изображения животных на медных монетах Мавераннахре в исследуемый период можно объяснить, скорее всего, не влиянием сефевидов, а, скорее всего, общей тенденцией в оформлении монет в данное время.

Библиография:

- Гончаров, 2001* — Гончаров Е. Джучидские монеты в контексте тюркской и мусульманской культур. Электронная версия. Рубрика Нумизматика Хорезма. Веб-каталог монет (исламский период до конца династии Тимуридов) <http://www.tatforum.info/forum/index.php?showtopic=6255>.
- Кочнев, 2006* — Кочнев Б.Д. Нумизматическая история караханидского каганата (991–1209). М., 2006.
- Раджабли, 1997* — Раджабли А.М. Нумизматика Азербайджана. (Очерки истории монетного дела и денежного обращения Азербайджана). Баку, 1997.
- Снесарев, 1969* — Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Янина, 1954* — Янина С.Я. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарии в 1946–1952 гг.: Материалы и исследования по археологии СССР. Т.1. М., 1954.
- Poole, 1888* — Lane-Poole S. Catalogue of the Mohammedan Coins preserved in the Bodleian library at Oxford. Oxford, 1888.

О чем молчал толмач, или Подлинная история Дамы со слоном

Попав в Самарканд в 1977 г. случайно, после обязательной университетской практики и по рекомендации своего научного руководителя, я не предполагала тогда, что вместо положенных трех недель проведу здесь в первый же год три месяца. Я не знала, что смогу избавиться (и то не до конца) от этого наваждения только через семь лет, что этот случайный визит в сказочный город определит мою дальнейшую судьбу.

Все эти годы я проработала на Афрасиабе, городище древнего Самарканда, описанного во многих письменных источниках, хрониках и легендах. На этом месте Самарканд находился со времени своего основания и до того момента, как он был захвачен и разгромлен татаро-монголами. Мы работали на остатках Соборной мечети, где заперлись и были сожжены во время осады 1220 г. войсками Чингисхана последние защитники города. При раскопках археологами здесь был вскрыт огромный слой пожара с обгоревшими человеческими костями, обрывками кольчуг, множеством наконечников стрел. Но больше всего поразило меня на Афрасиабе не это бесстрастное свидетельство прошлой трагедии. И даже не величественная Цитадель с 17-метровой толщей напластований строительных остатков от Ахеменидов до монголов. Прямо на городище, на его юго-восточной окраине, в маленьком райском саду располагался небольшой археологический музей. В одном из его подсобных помещений мы хранили свои раскопные инструменты, так что бывали в музее каждый день. Но осмотреть экспозицию как следует все не было времени. В первый (и последний) дождливый день работы на раскопе были отменены, и мы пошли в музей. Музей, спланированный армянскими архитекторами, был построен в стиле ранне-средневекового восточного паласа с центральным залом и небольшими помещениями по периметру. Сам центральный зал был оформлен в этом же стиле: с колоннами, поддерживающими крышу, и диванами-суфами, идущими вдоль всех стен по периметру. Больше ничего в этом зале не было. Только стены были необычно украшены: на ярко-синем фоне диковинные шествия людей, животных и птиц, какие-

то девушки в лодках, всадники, стреляющие из луков. Сначала мне показалось, что это современная, хорошо стилизованная роспись армянских художников, оформлявших музей. Я была крайне поражена (и смущена своим невежеством, с трудом припоминая лекции по общему курсу археологии), когда от своей коллеги Ольги Иневаткиной узнала, что это и есть знаменитые росписи Афрасиаба VII в. н.э. Я отказывалась верить: настолько яркие и смелые сочетания красок, настолько своеобразен и прихотлив уверенный рисунок, буквально превосходящий модерн. Некоторое время я была уверена, что меня разыгрывают в традиционном студенческо-археологическом духе. Но на этот раз речь о розыгрыше не шла. Это были те самые росписи, которые украшали дворец правителя (афшина) Согда накануне арабского завоевания. Вернее, в музее в тот момент находились копии этих росписей. Сами же росписи вместе с остатками дворца были археологами засыпаны землей до лучших времен. Вот с этого момента, когда я увидела эти росписи и узнала их историю, моя археологическая судьба на ближайшие 10 лет была решена. Прежде всего, замечательна история их открытия. Официальная история исследования об этом попросту умалчивает или же просто скромно упоминает, что росписи были открыты в ходе полевых работ экспедиции в таком-то году. На самом деле росписи эти были найдены самым пространственным в археологии путем, то есть случайно. Произошло это в 1965 г. На Афрасиабе работала экспедиция Института истории и археологии Академии наук Узбекистана под руководством известного археолога-востоковеда Василия Афанасьевича Шишкина. Работали в экспедиции археологи, студенты-энтузиасты и несколько жителей из ближайших кишлаков (мне потом по наследству досталось несколько замечательных стариков-работчиков, проработавших на Афрасиабе около 30 лет).

К 1965 году через Афрасиаб начали строить современную дорогу. Строить в обход городища — это большой крюк, долго и дорого. А если проложить дорогу через центральную часть Афрасиаба, то это будет самый короткий путь. Правда, Афрасиаб

уже тогда считался памятником старины союзного значения, но это препятствие было каким-то образом преодолено. Археологи, работавшие на городище, уже тогда заявили в соответствующие организации, что невозможно строить дорогу через городище, где культурные напластования достигают многих метров, что Афрасиаб памятник уникальный, единственный в своем роде. Но кто же слушает археологов? Работы начались уже осенью, после того как экспедиция В.А. Шишкина (одного из противников строительства) закончила свои сезонные работы и уехала в Ташкент. Непонятно, каким счастливым ветром на городище занесло двух местных археологов, которые, идя по своим делам, решили сократить путь и пройти по городищу. И что же они увидели вместо знакомого «лунного» афрасиабского пейзажа? Картину деятельной жизни и кипучего строительства — вот что они там увидели. Всюду кучи щебня, арматуры, экскаваторы черпают землю, трактора тарахтят. Навстречу им ехал огромный бульдозер и лихо катил перед собой огромную глыбу чего-то. Присмотревшись, насколько это было возможно в этих условиях, археологи ужаснулись: это был кусок стены с росписью на ней. На ярчайшем синем фоне прекрасная дама в роскошном убранстве сидит под белым балдахинном (вот все, что словесно смогли воспроизвести очевидцы). Никто, кроме этих археологов да рабочих-строителей, никогда больше эту прекрасную даму не видел. Еще через несколько метров такого передвижения кусок стены, естественно, разрушился. И неизвестно, сколько еще таких кусков было прежде. Очевидно, что строительными работами было задето и разрушалось какое-то крупное сооружение, скорее всего богатый дом, украшенный росписями. Так оно и оказалось. Неподалеку археологи обнаружили вывернутые из земли куски стен, вокруг земля была перемешана с белой штукатуркой и цветным крошевом — остатками росписей. Судя по останкам торчащих стен, здание было солидных размеров. Отчаянные крики археологов произвели мало впечатления на рабочих. И можно себе вообразить, какую реакцию вызвала попытка приостановить работы немедленно. Единственное, что могли сделать в этой ситуации местные археологи, это позвонить в Ташкент Шишкину. Василий Афанасьевич приехал буквально на следующий день и с ним маленькая группа студентов и археологов, среди которых была и его единственная дочь — Галина Васильевна Шишкина. И в то время как Василий Афанасьевич бросился «по начальству», археологи буквально сидели на земле, не давая технике работать, потом начали осторожно разбирать завалы, делать замеры, кисточками расчищать штукатурку, описывать. Рабочие отчаянно ругались, но и им становилось интересно. Надоело целый день сидеть на одном месте в заведенном бульдозере и ругаться. Они стали подходить ближе, любопытствовать. Что

же такое они разворотили и ради чего пацкаются в пыли и терпят такие неудобства вполне образованные люди? Оказалось — интересно. Уже определенно вырисовывались контуры большого сооружения, лежали большие куски стен с остатками ярких росписей. К чести строителей, надо сказать, что строительство на этом участке они прекратили, тем самым сохранив для истории один из безусловных и ныне признанных шедевров. Но урон ему был нанесен ощутимый. Степень этого ущерба была выяснена позже, когда в результате раскопок было открыто все помещение с росписями. Вернее, за три года раскопок с 1965 по 1967 год был открыт целый дворцовый комплекс, и среди дворцовых зал несколько помещений с росписями. Но этот зал № 1, широко известный археологам и историкам Востока как «зал послов», до сих пор остается непревзойденным шедевром раннесредневековой живописи Согда. А ведь к моменту открытия живописи Афрасиаба уже были известны живопись Пенджикента и Варахши. Но ни буйная фантазия варахшинского мастера, ни монументальные батальные сцены на стенах дворцов Пенджикента не могли сравниться с великолепным шествием афрасиабских послов и придворных на ярко-синем фоне. Сюжету и интерпретации «Зала послов» сейчас посвящена огромная научная литература. Но то, что росписи были открыты и спасены дважды, знают немногие. Дело в том, что сразу после такого своеобразного открытия и замечательного спасения живописи основная задача археологов была раскопать само дворцовое помещение и сделать копии живописи, которую решили оставить пока *in situ* и засыпать, так как попросту не было музея с соответствующими лабораториями и условиями, куда можно было бы поместить снятую роспись. Не было и специалистов. Кроме того, краски живописи, особенно киноварь, стремительно «гасли» от дневного света и пыли. Так, группой самаркандских и ташкентских художников при участии археологов в год открытия росписей были сделаны цветные копии в масштабе один к одному. Живо передавая цветовую гамму, копии во многом были не точны, а многие мелочи, столь драгоценные для археолога за отсутствием опыта, были искажены или вовсе опущены. Тем не менее именно эти копии были помещены через несколько лет во вновь отстроенный музей на Афрасиабе, а оригиналы были оставлены в раскопе и засыпаны еще на 10 лет. Росписи были лишены своего основного «документа» — прорисовок, единственно могущих служить базой для научного исследования. Техника создания прорисовок проста, но чрезвычайно трудоемка. Через прозрачную пленку шариковой ручкой копируются все линии, даже самые мельчайшие штрихи, рисунка, затем они продавливаются на плотную бумагу. А уж затем рисунок по этим следам обводится карандашом¹. Эта методика была разрабо-

тана и успешно применялась в Пенджикентской экспедиции на протяжении уже нескольких лет. Но там работали студенты-археологи из Ленинградского университета и реставраторы из Эрмитажа. Мы же никогда не сталкивались с такими работами. Летом 1978 года Галина Васильевна Шишкина, начальник Афрасиабской экспедиции, добилась наконец разрешения от дирекции Института археологии на повторное вскрытие живописи с тем, чтобы сделать прорисовки. Нет, не так, это было бы слишком просто. Повторное вскрытие было проведено по настоянию реставраторов, чтобы снять живопись со стены, покрыв ее полимером, и отправить в лабораторию, которая к этому времени была уже организована в институте. А вот за право сделать перед этим прорисовки с живописи Галине Васильевне и впрямь пришлось бороться. И вот разрешение наконец получено. Рабочие вырыли глубокую траншею вдоль западной стены «зала послов», частично захватив южную и северную стены, там, где они примыкают к западной стене. В этом глубоком и узком раскопе мы провели последующие три месяца, мешая реставраторам и путаясь в прозрачных пленках. Отряд наш я бы назвала сильно недоукомплектованным: под руководством Галины Васильевны трудились Ольга Иневаткина, я, Маринка Сунцова (мы учились с ней вместе на кафедре, и я заманила ее в это лето в Самарканд, посулив сказочную археологию). Этим же летом к нам присоединилась архитектор Надия Рахимбабаева, прекрасная, как китайская принцесса в лодке на Северной стене «Зала послов». Жизнь протекала в каком-то особом режиме, совсем не похожая на веселую студенческую жизнь в экспедициях. Скучно, правда, нам тоже не было. Трое из нас (я, Ольга и Маринка) жили в ближайшем кишлаке Боги-Майдан у хозяйки Айши-аны. Галина Васильевна и Надия ежедневно возвращались в Самарканд, в свои квартиры. Мы там тоже бывали с целью вкушения плодов цивилизации (главным образом позвонить домой в Москву и помыться горячей водой в настоящей ванне). Но чаще всего, особенно осенью под конец сезона, мы так уставали, что на поездки в город сил не оставалось. В раскопе мы проводили весь световой день, чтобы успеть сделать как можно больше. Приходить надо было насколько возможно рано, чтобы занять наиболее удобные места до прихода реставраторов и до жары успеть сделать свой кусок работы. Реставраторы, особенно их начальство, испытывали к нам сложное чувство, в котором преобладало раздражение. Мы им очень сильно мешали, кроме того, они просто не понимали, что именно мы делаем. Это были не музейные реставраторы, а просто химики, у которых было свое задание — покрыть полимером, снять куски лессовых штукатурок с какими-то

разводами на них, уложить на фанерные щиты и вынести из раскопа. Особенной красоты в этом они не видели. Да и то сказать, росписи, вторично вскрытые, простоявшие в первые сезоны на открытом воздухе, погасли и потемнели. Ярко-красная киноварь сделалась совсем темною, а синий фон неизбежно приобретал темно-серый оттенок. Над раскопом был натянут тент, так что в полумраке человеку несведущему мудрено было рассмотреть торжественный прием иностранных послов при дворе самаркандского правителя Вархумана. Правда, в тенте были довольно крупные дырки, в которые часто заглядывали любопытные старики в белых чалмах и мальчишки из ближайшего кишлака.

Чтобы охватить прорисовками всю площадь сохранившейся живописи, малочисленные силы нашего отряда были организованы следующим образом: средний регистр прорисовывали, стоя на поверхности суфы, примыкающей к стенам; верхний — стоя на столе, позаимствованном безвозмездно и безвозвратно у реставраторов; нижний — лежа под столом. Верхний регистр был самый сложный и неудобный, так как был более всего разрушен. Работать здесь приходилось, вытянув руки и запрокинув лицо вверх, и в глаза постоянно сыпалась лессовая пыль. Здесь, конечно, работала Галина Васильевна и Маринка (к тому же они были самые миниатюрные из нас, стол их выдерживал даже вдвоем). Средний регистр — самый интересный и комфортный: здесь приходилось прорисовывать лица, украшения и наряды на уровне человеческого роста. Здесь работали Надия, профессиональный архитектор, и Ольга. У Ольги открылся удивительный дар обнаруживать мелкие детали, ранее никем не замеченные. Только она смогла разглядеть возле коврика с сидящими тюрками две крошечные игральные кости. Так вот чем занимались доблестные воины из рода Ашина на приеме у правителя! Она же обнаружила у иранских послов изящно выписанные черты лица и мастерскую моделировку светотенью — прием, восходящий к эллинистическим традициям. Нижний регистр самый неинтересный, сапоги там всякие, подошвы, разная мелочь. Не знаю, уж почему, но именно меня бросили на этот участок работ. Прорисовывать приходилось лежа. В этом были, конечно, некоторые преимущества, но на меня довольно часто в полумраке наступали реставраторы. Кроме того, Галине Васильевне почему-то казалось, что лежа я меньше разговариваю. Но так думать было, по меньшей мере, заблуждением. Работали мы одновременно с тем, как реставраторы пропитывали полимерами соседние с нами участки живописи. Обильно полив наших любимых персонажей своими убийственными химикатами, реставраторы быстро покидали раскоп, в котором не было никакого

¹Этот процесс на нашем сленге назывался «давить». Например, спросишь, бывало: «А где Галина Васильевна?» А тебе отвечают: «Да она у себя в кабинете «давит» дракона». Хорошо, если ты в «теме». А если нет?

движения воздуха, чтобы переждать на свежем воздухе несколько часов, а то и вовсе скрыться до следующего дня. Мы же продолжали работать, так как сроки нас поджимали. Галина Васильевна пыталась нас выгонять из раскопа, чтобы «эти балбесы» (то есть мы) не дышали ядовитыми испарениями. Но поскольку сама она оставалась работать, то и мы старались от нее не отставать. У меня началась какая-то аллергическая реакция на химикаты. Будучи дочерью врача, я сама себе поставила диагноз и сама же назначила себе лечение димедролом. А для верности приняла сразу две таблетки, чтобы, значит, поскорей подействовало. Оно и подействовало на меня прямо под столом, где я лежала трудилась над прорисовками очередных сапог. Я же не знала тогда, что димедрол к тому же сильнодействующее снотворное. Недостача в личном составе была обнаружена по весьма специфическому признаку, который сформулировала Галина Васильевна, почувывая неладное. Она спросила: «А где Ирка? Почему в раскопе тихо?» А кому шуметь? Я-то сплю под столом, где меня и обнаружили через какое-то время и вытащили на поверхность продышаться. Между прочим, сама Галина Васильевна, работая непрерывно по несколько часов и вдыхая химические испарения, заработала осложнение на суставы. Но мы об этом узнали много позже. Кто же тогда думал об этом? Ведь под нашими руками буквально оживали участники этой церемонии, случившейся здесь тысячу триста лет назад. Я помню, как я испугалась, проведя рукой по росписи и на ощупь поняв, что у некоторых персонажей выколоты глаза, а лица перечеркнуты глубокими царапинами крест-накрест. Как объяснила Галина Васильевна, скорее всего, это воины Кутейбы, арабского наместника Хорасана и полководца, взявшего Самарканд в 712 году, таким образом «убивали» столь живо написанных персонажей, исполняя исламскую заповедь запрета изображения людей на стенах. А Ольга в восторге показывала мне прорисовки рук иранских послов, приговаривая:

«Посмотри, какие у них пальчики. Ты посмотри на этот маникюр». Ногти и впрямь были удивительно хороши, похожие на перевернутые раковины. Таких сейчас не бывает. А как прекрасны были бороды и прически любимых послов, где был выписан каждый волосок. Галина Васильевна, наоборот, умела увидеть в парадных росписях что-то смешное и необычное. Вот китаец на северной стене сидит, задрав халат и стягивая сапожок с ноги, перед тем как переправится через реку. А лошадь его уже плывет, вытянув морду, облепленную мокрой гривой. А вот его более практичный попутчик деловито упаковывает большой тюк перед переправой. Интересно, что там? Наверное, шелк, который затем уже несут в своих руках китайские посланники на западной стене в дар правителю. Однажды Галина Васильевна показала нам своего любимого персонажа. На западной стене, между двумя важными тюрками и группой смущенных гостей в диковинных нарядах, спиной к зрителям, стоял человек в очень простом одеянии и с необычной для того времени прической; его волосы были коротко острижены в кружок. Полуобернувшись к гостям, он приподнял руку с поднятым указательным пальцем в предостерегающем жесте: «Помолчите» или «Подождите». Вот это и был, по мнению Галины Васильевны, толмач — самый главный распорядитель и переводчик всей церемонии.

Мы прорисовали тогда всю западную стену и немного северной стены. Обстоятельства сложились так, что на следующий год мы не смогли уже продолжить эту работу. Несколько десятков ватманских листов с перенесенными на них прорисовками сейчас являются такими же музейными экспонатами, как и сами росписи. Они опубликованы и растиражированы во многих изданиях и научных статьях у нас и за рубежом. К настоящему моменту существуют по крайней мере 11 гипотез по поводу интерпретации «Зала послов». Но ни одна из них не может ответить на два вопроса, которые меня, например, волнуют до сих пор: что же все-таки сказал толмач и как выглядела прекрасная дама на белом слоне.

Самарканд 1978 г. — Москва 2010 г.

Список сокращений

- АН – Академия наук
- ВДИ – Вестник древней истории
- ЗВОРАО – Записки восточного отделения Российского археологического общества
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- МБАЭ – Материалы Бухарской археологической экспедиции
- МИА – Материалы Института археологии АН СССР
- МКВ – Материальная культура Востока
- МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
- МТЭ – Материалы Тохаристанской экспедиции
- МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции
- РАН – Российская Академия Наук
- РУз – Республика Узбекистан
- РФ – Российская Федерация
- СА – Советская Археология
- САИ – Свод археологических источников
- САГУ – Среднеазиатский государственный университет
- ТОВЭ – Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
- ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
- ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
- CRAI – Compte rendus de l'Academie des inscriptions & belles-lettres

Содержание

<i>Т.К. Мкртычев</i> Вместо вступления	3
<i>К. Абдуллаев</i> Искусство пластики Бактрии в эпоху эллинизма	4
<i>Ш.Т. Адьлов</i> К вопросу о локализации древней крепости Габы	7
<i>Т.Г. Алпаткина, В.С. Минасянц</i> Китайские «звезды и облака» с кушанского Кампыртепа	9
<i>И.А. Аржанцева, С.А. Рузанова</i> Городище Джанкент и проблема «болотных городищ»	11
<i>Г. Бабаяров, А. Кубатин</i> К вопросу о династических связях Чача и Бухары в эпоху раннего средневековья (на основе нумизматического материала)	14
<i>А.С. Балахванцев</i> Еще раз о дате возникновения Парфянского и Греко-Бактрийского государств	17
<i>С.Р. Баратов</i> Новые материалы к археологии древнего Хорезма	18
<i>С.Я. Берзина</i> Ахелой в Согде	21
<i>Г.И. Богомолов</i> К интерпретации одного из образов согдийской терракоты	23
<i>С.Б. Болелов</i> Гончарные производства Бактрии античного периода	26
<i>Ю.Ф. Буряков</i> Динамика развития городской культуры Ташкентского оазиса	29
<i>Н. Вишневецкая</i> Глазурованная керамика Согда, Чача и Хорезма конца VIII – начала XIII в. из собрания Государственного музея искусства народов Востока (опыт сравнительного анализа)	33
<i>З.С. Галиева</i> Опыт реконструкции древних оросительных систем Самаркандского Согда дистанционными методами	37
<i>А.Н. Горин</i> К вопросу о времени функционирования «нижнего города» Кампыртепа	42
<i>Ф. Грене (F. Grenet)</i> По следам Афрасиабской комплексной археологической экспедиции: 20 лет работ MAFOuz-Sogdiane на городище Афрасиаб (1989–2009 гг.)	44
<i>А.А. Грицина</i> Городище Каратепа	46
<i>С.С. Давыдов</i> Плетеный орнамент на глазурованных блюдах Афрасиаба X–XII веков	47
<i>Н.Д. Двуреченская</i> Жилой комплекс великокушанского периода на крепости Кампыртепа	49
<i>Э.Д. Зиливинская</i> Архитектура дворцовых зданий в Золотой Орде и ее связь с традициями Среднего Востока	50

Дж.Я. Ильясов	Новая группа глазурованной керамики X–XI вв. из Тохаристана	52
С.Р. Ильясова	Зооморфные мотивы в позднесредневековой керамике Ташкента	54
О.Н. Иневаткина	Бухарские дороги в Самаркандском Согде	56
Ю.В. Карев	Нижняя площадка цитадели Афрасиаба в домонгольский период – исследования Узбекско-Французской экспедиции 1991–2007 гг.	58
Ф. Кидд (F. Kidd)	Display in the ancient Iranian world: visuals and materials	61
Г.А. Кошеленко	Об одной загадочной находке из раскопок некрополя Тилля-тепе	64
Е.В. Ларионова	Эпиграфика в резном ганче Термезского дворца	65
Б. Лионе (B. Lyonnet)	Questions sur la datation du matériel céramique des périodes achéménide et grecque d'Asie central	67
Д.К. Мирзаахмедов, А.А. Грицина	Керамика городища Хазара	68
Д.К. Мирзаахмедов, М.Н. Султанова	К отдельным аспектам производства средневековой глазурованной столовой посуды Афрасиаба	71
Т.К. Мкртычев	«Промышленный дизайн» в раннеисламском искусстве Средней Азии (роспись на керамике)	73
Н.Б. Немцева	Зодчество Самарканда при Караханидах	76
О.В. Обельченко	Реставрация раннесредневековой живописи на городище Варахша в 1974–1975 гг.	78
А.В. Омельченко	Керамика Пайкенда конца III–IV в.	80
Ш.Р. Пидиев, Л.С. Баратова	Новые данные к истории средневекового Термеза	82
В.Н. Циличко	Стратиграфия и топография городища Новая Ниса	84
Л.М. Сверчков	Некоторые особенности археологического комплекса конца IV в. до н.э. (крепость Курганзол)	87
З.И. Усманова	К истории ранней керамики Мерва	89
М.И. Филанович	«Temple town» городища Мингурик в Ташкенте	91
Л.Ю. Шпенева	Изображения на медных монетах династии Джанидов	94
И.А. Аржанцева	О чем молчал толмач, или Подлинная история Дамы со слоном	97
	Список сокращений	101

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Государственного музея Востока

Древние цивилизации на Среднем Востоке
Археология, история, культура
*(Материалы международной научной конференции, посвященной
80-летию Г.В. Шишкиной)*

Научный редактор:
С.Б. Болелов,
к.и.н., Государственный музей Востока

Подписано в печать 03.08.2010
Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в печатном салоне ООО "Спринг"

